

Министерство образования Республики Беларусь
УчРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

**ПРАКТИКУМ ПО СПЕЦКУРСУ
«ИСКУССТВО СУДЕБНОЙ РЕЧИ»**

для студентов специальности
Г 09.01.00 – Правоведение

Гродно 2001

УДК 340.113.1

ББК 67.7

П 69

Автор-составитель М.Г.Жук, канд. юрид. наук.

Рецензенты: зав. каф. спец. юрид. дисциплин Гроднен. филиала
Белорус. и-та правоведения, канд. юрид. наук,
проф. С.И.Журомский;
канд. юрид. наук, доц. каф. гос., труд. и аграрного
права ГрГУ им. Я.Купалы И.А.Белова.

Рекомендовано советом юридического факультета ГрГУ
им. Я.Купалы.

Практикум по спецкурсу «Искусство судебной речи»/
П69 Авт.-сост. М.Г.Жук. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 147 с.

ISBN 985-417-259-7.

На материале, изложенном в практикуме, рассматриваются назна-
чение и характерные особенности судебной речи как жанра ораторского
искусства, раскрывается значение, понятие, предмет судебной речи.

Предназначено студентам специальности «Правоведение».

УДК 340.113.1

ББК 67.7

ISBN 985-417-259-7.

© Учреждение образования
«Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», 2001

ВВЕДЕНИЕ

Владение ораторским искусством имеет особо важное значение в деятельности юристов. Ораторское мастерство юристов, выступающих в судебных прениях, часто называют судебным красноречием. Судебное красноречие, основное назначение которого – способствовать установлению истины по делу, имеет свою специфику, которая обусловлена нормами Уголовно-процессуального кодекса и предполагает оценочно-правовой характер речи.

Искусство судебного оратора проявляется в умении построить судебную речь так, чтобы привлечь внимание судей и удержать его в продолжение всего выступления, в умении полно и объективно проанализировать обстоятельства преступления и причины его совершения, дать глубокий психологический анализ личности подсудимого и потерпевшего, выстроить систему опровержений и доказательств, сделать правильные правовые и процессуальные выводы и убедить в этом суд и аудиторию.

Произнесение речей в судах – необходимая часть работы прокуроров и адвокатов; повышение их профессионального мастерства немислимо без постоянной работы над повышением общей и юридической культуры судебных прений. Требования к языку судебной речи в определенные эпохи претерпевают изменения, однако говорить рекомендуется только языком закона. Ведь оратор не только человек, который произносит речь, он и занимается правовой пропагандой, проводит беседы, читает лекции и доклады. Поэтому он должен обладать навыками работы над речью и общения с аудиторией, уметь убеждать, говорить доходчиво, выразительно, со знанием дела. Юристу необходимо быть хорошим оратором. Это является одним из главных профессиональных качеств. Постоянно растущий культурный уровень населения так же обязывает юристов овладеть высокой речевой культурой. Для того, чтобы поднять судебное ораторское искусство на должную высоту и возродить славу судебного красноречия, необходимо большая целенаправленная работа по подбору кадров работников прокуратуры и адвокатуры.

Красноречие как умение говорить красиво является составной частью судебного ораторского искусства – эффективным средством эмоционального воздействия. Чтобы стать хорошим судебным оратором, нужно овладеть логикой рассуждения и изложения, методами убеждения, ораторскими приемами, методикой подготовки и произнесения убедительной речи, особенно в условиях состязательности процесса. Для этого необходимо изучать теорию красноречия, опыт известных судебных ораторов, учиться на образцах судебного ораторского мастерства.

Общение в правовой сфере должно отвечать требованиям правовой культуры, которая тесно связана с культурой речи.

Большинству юристов приходится читать лекции на правовые темы или выступать в суде в качестве обвинителя или защитника, представителя гражданского истца или ответчика, а для этого важно владеть навыками публичной речи А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусова, О.В. Дервиз, М.Ф. Громницкого.

Умение говорить грамотно – обязанность судебного оратора. «Речь должна быть коротка и содержательна», – указывал П.С. Пороховщиков. Для того, чтобы говорить о судебном красноречии, необходимо изучить выступления лучших судебных ораторов прошлого, а именно: Горгия, Лисия, Исократ, Демосфена, Марка Туллия Цицерона и др.

Мало сказать: нужна ясность; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать без усилий. Оратор может рассчитывать на их воображение, но не на их ум и проницательность (Сергеич П. Искусство речи на суде).

ТЕМАТИКА ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. История ораторского искусства и определение понятий судебного красноречия

Судебное публичное говорение – один из древнейших видов ораторского искусства. Место рождения судебного красноречия – Древняя Греция. Основные виды ораторского искусства в Сицилии: политическое и судебное и их практическое применение. Первые теоретики судебного красноречия – Горгий, Лисий, Исократ, Трасимах и основные черты ораторской речи. Знаменитый греческий оратор Демосфен и предмет его деятельности. Расцвет судебного красноречия в Древнем Риме и его представители – Марк Порций Катон Старший, Гай Папирий Карбон, Гай Скрибоний Курион-дед, Марк Антоний, Красса, Квинт Гортензий Тортал, Марк Туллий Цицерон, что нового они внесли в развитие судебного красноречия.

Искусство судебной речи в Древней Грузии и Армении и его представители – Фартадзе, Давид Анахт.

Французские судебные ораторы и их вклад в историю мирового судебного ораторского искусства – Жюль Фавр, Лашо, Беррье, братья Дюпен, Кремье, Морнар и др.

Русское судебное красноречие и его школа: А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, М.П. Карабчевский, К.К. Арсеньев, А.И. Урусов, П.А. Александров, С.А. Андреевский, В.И. Жуковский, Ф.Н. Плевако, М.Г. Казаринов.

Искусство судебной речи советского судопроизводства и его представители: Н.В. Крыленко, В.А. Руденко, И.Д. Брауде, В.Л. Роселье, Я.С. Киселев, И.М. Кисенишский, М.М. Кисенишский, Г.М. Резник.

Значение слова «красноречие» по М.В. Ломоносову, М.М. Сперанскому, А.Ф. Кони, словарю В.И. Даля, С.И. Ожегова и в словарях русского современного литературного языка.

Ораторское искусство как комплекс знаний и умений оратора по подготовке и произнесению публичной речи: умение подбирать материал, искусство построения речи и публичного говорения с целью оказания определенного воздействия на слушателей, умение доказывать и опровергать, умение убеждать, речевое мастерство.

Судебное ораторское искусство как комплекс знаний и умений юриста по подготовке и применению судебной речи сообразно с требованиями УПК, как умение построить объективно аргументированное рассуждение, формирующее научно-правовые убеждения, как умение воздействовать на правосознание людей.

Судебное ораторское искусство и его связь с требованием логичности, убедительности, доказательности.

Тема 2. Предмет судебной речи. Виды и цели судебных речей и их роль в осуществлении процессуальных функций

Судебная речь как публичная речь, обращенная к суду и всем участвующим и присутствующим при рассмотрении уголовного или гражданского дела, произнесенная в судебном заседании, представляющая собой изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим ораторам. Монолог и диалог в судебной речи.

Предмет судебной речи и перечень вопросов, которые суд, исследуя конкретное преступление или правонарушение, разрешает при постановлении приговора, решения или определения и которые оказывают влияние на внутреннее убеждение судьи.

Предмет судебной речи по уголовным делам в суде I инстанции включает:

- 1) фактические обстоятельства дела, его общественно-политическую оценку;
- 2) анализ и оценку доказательств;
- 3) юридическую оценку установленных фактических обстоятельств – квалификацию преступления;
- 4) характеристику личности подсудимого или иных участников процесса;
- 5) вопросы, связанные с применением уголовного законодательства или освобождения от него;
- 6) вопросы, связанные с разрешением гражданского иска;
- 7) иные вопросы, требующие своего разрешения;
- 8) анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложения о мерах по их устранению.

Предмет судебной речи по гражданским делам в суде I инстанции и перечень вопросов:

- 1) фактические обстоятельства, имеющие значение для дела;
- 2) оценка доказательств;
- 3) предложения о применении того или иного закона по данному делу;
- 4) предложения по разрешению дела;
- 5) предложение о вынесении частного определения при наличии на то оснований.

Предмет судебной речи, произнесенной в судебном заседании при рассмотрении дела в кассационной инстанции:

- 1) критика или отстаивание правильности решения или приговора;
- 2) отстаивание кассационной жалобы или протеста либо их критика;
- 3) анализ и оценка демонстрируемых материалов;
- 4) предложения о вынесении определенного решения.

Предмет судебной речи и ее содержание: юридическое и фактическое.

В судебном заседании по рассмотрению уголовных гражданских дел можно выделить следующие виды судебных речей:

- 1) речь прокурора по уголовным делам в суде первой инстанции (обвинительная речь и речь при отказе от обвинения);
- 2) речь адвоката по уголовным делам в суде первой инстанции (защитительная речь и речи адвокатов – представителей потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика);
- 3) речь подсудимого в свою защиту (самозащитительная речь);
- 4) речь потерпевшего и его представителя;
- 5) речи гражданского истца и гражданского ответчика или их представителей (в пределах гражданского иска по уголовным делам);
- 6) речи истца и ответчика и их представителей по гражданским делам;
- 7) речи прокурора и адвоката по гражданским делам в суде первой инстанции;

8) речи прокурора и адвоката по уголовным и гражданским делам в суде второй инстанции;

9) речи общественного обвинителя и общественного защитника по уголовным делам;

10) речи представителей общественных организаций и трудовых коллективов по гражданским делам;

11) реплика как особый вид речи.

Судебная ораторская речь как особая речевая деятельность и ее цели. Основные виды речевого воздействия: информирование, убеждение и внушение. Функция воздействия по А.Ф. Кони; функция воздействия по М.М. Михайлову.

Судебная речь как правовой акт, посредством которого участники судебного разбирательства реализуют свои права и обязанности.

Судебная аудитория и общение с ней.

Судебная аудитория представляет собой определенное количество людей в зале судебного заседания, которые участвуют в рассмотрении дела или интересуются им.

Судебную аудиторию составляют следующие группы:

1) профессиональные участники процесса;

2) представители общественности;

3) иные участники процесса;

4) слушатели.

Внимание аудитории можно привлечь и удержать следующими приемами, которые одновременно могут являться средствами выразительности судебной речи, усиления ее эмоционального воздействия.

1. Прямое требование внимания от слушателей.

2. Пауза.

3. Голосовые приемы.

4. Обращение к слушателям с вопросом, связанным с содержанием речи. Такие вопросы обостряют и активизируют внимание аудитории.

5. Заранее знать о том, о чем предстоит говорить в последствии.

6. Неожиданный перерыв мысли.

7. Средства языковой выразительности (поговорки, яркие образы, юмор).

8. Жест и движение.

Ораторское искусство как искусство убеждения. Технология убеждения. Элементы рациональные и эмоциональные в судебной речи. Этика и психология в судебной речи.

Умение говорить публично, по А.Ф.Кони, достигается выполнением трех требований: «Нужно знать предмет, о котором говоришь; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами; нужно не лгать, ложь отнимает у публичной речи ее силу и убедительность».

Тема 3. Подготовка судебной речи

Методика подготовки судебной речи. Изучение материалов дела. Определение процессуальной позиции по делу. Разработка композиции и составление плана речи и ее литературное оформление. Группировка различных источников доказательств: по достоверности, сомнительности, противоречивости. Порядок изучения обвинительного заключения или искового заявления. Процессуальная позиция по делу: предварительная и окончательная. Композиция судебной речи как логика развития позиции судебного оратора с учетом особенности аудитории и обстановки с целью убеждения судей в правильности своих выводов.

План судебной речи. Три вида вступления: искусственное, естественное и внезапное. Систематический способ изложения обстоятельств.

Главная часть судебной речи и ее элементы. Методы изложения главной части: дедуктивный, индуктивный, метод аналогии, концентрический, ступенчатый, исторический (хронологический), пространственный метод.

Заключение в судебной речи.

Убедительность судебной речи.

Речевые средства логичности и законы логики: закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания.

Доказательность. Взаимосвязанные элементы доказательства: тезис, аргументы и демонстрация. Прямое доказательство тезиса. Косвенное обоснование истины. Опровержение.

Доказывание в судебной речи и его способы: анализ и оценка доказательств, приведение логических доводов, обоснование каждого тезиса судебной речи и ее конечные выводы. Логические ошибки в речи: потеря тезиса, подмена тезиса, основное заблуждение, мнимое следование, употребление слов без учета их значения, расширение или сужение понятия, несоответствие посылки и следствия.

Работа над языком и стилем: функция общения, функция сообщения, функция воздействия. Речевой стиль и речевые типы: рационально-логический, эмоционально-интуитивный, философский, лирический.

Тема 4. Произнесение судебной речи

Кульминация ораторского искусства – произнесение судебной речи. Импровизация как своеобразная рефлексологическая деятельность памяти. Система, содержание и общее построение речи. Форма судебной речи как способ выражения ее содержания. Логические и чувственные моменты в судебной речи. Советы П. Сергеича по речевой культуре юриста. Культура речи юриста – умение использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач. Основные критерии культуры речи: нормативность, речевое мастерство.

Язык и право как явления культуры. Образцы ораторского искусства: А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, П.А. Александров, В.Д. Спасович, В.И. Жуковский, С.А. Андреевский, А.И. Урусов, М.Г. Казаринов.

Понятие культуры речи юриста: письменная и устная форма. Культура публичной речи – мотивированное использование языкового материала, которое является оптимальным для данной ситуации и содержания речи. Качество воздействий речи: художественные и эстетические элементы языка, логические и психологические паузы; ясность; точность; логичность; уместность; правильность, языковые нормы; лаконичность; индивидуальность (самобытность).

Тема 5. Речь прокурора по уголовным делам в суде I инстанции

Место прокурора в системе правосудия. Активизация правозащитной функции прокурора. Состязательность процесса и его особенности.

Обязательные элементы обвинительной речи:

- вступление:
- а) общественная опасность преступления;
- б) указание на характерные особенности совершенного преступления;
- в) программа выступления;
- изложение фактических обстоятельств дела;
- анализ и оценка собранных по делу и исследуемых в суде доказательств;
- обоснование квалификации преступления;
- характеристика личности обвиняемого и потерпевшего;
- предложения о мере наказания и возмещения материального и морального вреда;
- заключение.

Этические требования к обвинительной речи. Правильность позиции прокурора по существу; строгое соответствие выводов закону, объективность, справедливость. Способы изложения фактических обстоятельств дела: систематический, хронологический, смешанный. Значение анализа и оценки доказательств по делам с косвенными доказательствами. Особенности анализа и оценки доказательств при привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних подсудимых. Характеристика личности подсудимого в речи прокурора. Назначение наказания: законность, конкретность, индивидуализация наказания. Законность и справедливость всех утверждений и требований государственного обвинителя. Отношение государственного обвинителя к подсудимому, защитнику и другим участникам процесса.

Особенности речи прокурора при отказе от обвинения. Мнения по этому поводу И.Д. Перлова, В.И. Баскова, В.М. Савицкого.

Право на реплику прокурора и случаи ее использования.

Тема 6. Речь адвоката по уголовным делам в суде I инстанции

Понятие и этический аспект защитительной речи. Психологические трудности защиты. Сочетание защитой законных интересов подсудимого с интересами общества и государства. Нравственная основа выступлений. Особенности процессуального положения адвоката-защитника. Коллизии между подсудимыми и участие адвоката. Убеждающий характер защитительной речи. Полемика с прокурором и нравственные требования. Внутренние убеждения адвоката. Структурные элементы защитительной речи. Общественно-политическая оценка рассматриваемого дела. Конституционные принципы защиты – презумпция невиновности, обеспечение подозреваемому (обвиняемому) права на защиту, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности: всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон.

Альтернатива в защитительной речи и ее допустимость. Виды альтернативы по В.Д. Гольдинеру: открытая и скрытая.

Речь адвоката – представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их функции. Содержание и форма речи каждого из них, особенности.

Тема 7. Речи прокурора и адвоката по гражданским делам в суде I инстанции

Особенности речи по гражданским делам. Предмет судебной речи по гражданским делам. Подготовка судебной речи. Доказывание в гражданском процессе, специфика и использование в судебной речи. Признание как доказательство. Доказательственные презумпции. Элементы речи адвоката по гражданскому делу и его составные части:

- анализ и оценка доказательств;
- утверждения, основанные на фактических обстоятельствах дела;
- мнения по поводу правовой нормы, подлежащей применению;

- предложения о разрешении дела;
- предложения о вынесении частного определения.

Последовательность изложения составных частей судебной речи. Участие в судебных прениях доверителя – право или обязанность? Нравственно-справедливый характер выступления адвоката.

Выступление прокурора по гражданским делам – с заявлением, в заключении и прениях. Возможность отказа прокурора от участия в судебном разбирательстве. Порядок выступления прокурора в дело. Предмет заключения прокурора. Оценка прокурором доводов истца, ответчика и их представителей. Ответственность прокурора.

Тема 8. Речи прокурора и адвоката по гражданским делам в суде II инстанции

Отличие речей прокурора и адвоката в суде II инстанции по целям, задачам, форме и характеру аргументации. Построение выступления прокурора и адвоката в суде кассационной инстанции. Представление новых материалов в кассационную инстанцию и использование их с целью доказательства и обоснования истины по делу. План выступления в суде II инстанции и его связь с жалобой или протестом. Выступление адвоката с дополнительными объявлениями: критика или опровержение доводов, изложенных в речи прокурора; новые соображения в подтверждение своих выводов.

Выступление прокурора в суде II инстанции – заключение о законности и обоснованности приговора или решения. Особенности выступления прокурора в кассационной инстанции по протесту и с обоснованием протеста.

Тема 9. Полемика в суде

История возникновения полемики. Ораторское искусство и искусство полемики. Процессуальные позиции участников судебных прений. Необходимость полемики в судебном разбирательстве. Судебные прения и полемика.

Реплика в суде – как речь особого рода. Реплика адвоката. Реплика обвинителя. Право на реплику участников судебного

разбирательства. Отличие реплики от основной речи в суде. Доказывание и опровержение в судебном споре. Допустимые приемы полемики в суде. Доказательства как вид полемики. Структура полемики: выдвижение и защита тезиса первым оппонентом; опровержение выдвинутого тезиса и его аргументация вторым оппонентом. Тезис и антитезис в полемике. Использование в полемике двух аргументов: доводы по существу предмета и «доводы к человеку». Ошибки в доказательствах и их виды: в тезисе; в доводах, основаниях; в связи между доводом и основанием, в «рассуждении».

Полемика между прокурором и защитником как эффективное средство установления истины по делу.

ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Судебная речь как жанр ораторского искусства

1. Краткая история развития ораторского искусства.
2. История формирования судебной речи.
3. Понятие судебного красноречия.
4. Понятие и предмет судебной речи.
5. Значение ораторского искусства в профессиональной деятельности юриста.
6. Виды и цели судебных речей.
7. Чем отличаются понятия «судебное ораторское искусство» и «судебное красноречие»?

Задание

1. Прочитайте речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем; Ф.Н. Плевако по делу Качки, охарактеризуйте, чем достигается красноречие ораторов, степень их речевой культуры.

Рекомендуемая литература

1. Владимиров Л.Е. Русский судебный оратор А.Ф. Кони. – Харьков, 1989.

2. Вульф В. Искусство судебной речи // Соц. законность. – 1967. – № 7.
3. Высоцкий С. Кони. – М., 1988.
4. Головин Б.Н. Основы культуры речи. – 2-е изд., испр. – М., 1988.
5. Гросудина Л.К., Лисевкевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. – М., 1989.
6. Ерастов Н.Г. Культура публичного выступления. – Ярославль, 1971.
7. Звездов А. Обучать студентов искусству судебной речи // Соц. законность. – 1953.
8. Иванова С.Ф. Специфика судебной речи. – М., 1978.
9. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. – М., 1967-1969.
10. Мархичева Т.Б., Ножин Е.А. Мастерство публичного выступления. – М., 1989.
11. Михайловская Н.Г. Об ораторской речи (из истории русского судебного красноречия) // Русск. речь. – 1972. – № 4.
12. Ораторы Греции / Под. ред. С. Аверинцева, С. Апта, М. Гаспарова и др. – М., 1985.
13. Памяти А.Ф. Кони // Государство и право. – 1996. – № 1.
14. Радезич С.И. История древнегреческой литературы. – 3е изд. – М., 1995.
15. Сергеич П. Искусство речи на суде. – М., 1992.
16. Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. – М., 1981.
17. Смолярчук В.И. Д.В. Спасович: ученый, юрист, литератор судебный оратор // Советское государство и право. – 1983. – № 10.
18. Смолярчук В.И. Н.П. Карабчевский – русский судебный оратор и писатель // Советское государства и право. – 1983. – № 8.
19. Смолярчук В.И. Ф.Н. Плевако – судебный оратор. – М., 1989.
20. Судебное красноречие русских юристов прошлого / Сост. Ю.А. Костанов. – М., 1992.
21. Утченко С.И. Цицерон и его время. – М., 1986.
22. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.
23. Цеплитес Л.К., Катлапе Н.Я. Теория публичной речи. – Рига, 1971.

Тема 2. Композиция судебной речи

1. Изучение материалов дела и определение процессуальной позиции по делу.
2. План судебной речи и ее композиция.
3. Работа над языком и стилем.
4. Назначение судебной речи.
5. Ближайшая и конечная цель судебной речи.

Задание

1. Прочитайте речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем, отметьте средства убедительности, целевую установку судебной речи, приметы, используемые в судебной речи, стиль и язык судебной речи.

Рекомендуемая литература

1. Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. – Л., 1985.
2. Баранник Д.Х. Устная монологическая речь: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – Киев, 1970.
3. Дулов А.В. Судебная психология. – Мн., 1975.
4. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов. – М., 1996.
5. Кисенишский И.М. Судебные речи по уголовным делам: процессы, защита, законность. – М., 1991.
6. Макарова З.В. Реценз. на кн.: Н.Г.Михайловская, В.В.Одинцов. Искусство судебного оратора. – М., 1981 // Правоведение. – 1983. – №2.
7. Матвиенко Е.А. Судебная речь. – Мн., 1967.
8. Матвиенко Е.А. Судебные речи. – Мн., 1972.
9. Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. – М., 1981.
10. Некрасова М.П. Судебная речь. – Калининград, 1990.
11. Поляк А. Этические особенности судебной речи адвоката // Соц. законность. – 1976. – №2.
12. Резниченко И.М. Основы судебной речи: Учебное пособие. – Владивосток, 1976.

13. Рогачевский А. Воспитательные значения речи адвоката // Сов. юстиция. – 1981. – № 7.
14. Сергеич П. Искусство речи на суде. – М., 1992.
15. УПК РБ. – Мн.: «Амалфея», 2000.
16. Царев В.И. Структура и стиль судебной речи прокурора // Соц. законность. – 1983. – №3.
17. Черкезил Л. Судья о речи государственного обвинителя // Соц. законность. – 1970. – №3.

Тема 3. Произнесение судебной речи

1. Форма судебной речи.
2. Техника судебной речи.
3. Культура и выразительность судебной речи.
4. Речевые средства логичности.
5. Убедительность судебной речи.
6. Чем создается логичность речи?
7. Простота речи и ее уместность.
8. Индивидуальность речи, ее эмоциональность и экспрессивность.

Задание

1. Прочитайте речь Россельс В.Л. в защиту Семеновых, речь Киселева Л.С. в защиту Бердникова и подумайте, как проявляется умение ораторов последовательно, логично распределять материал, приведите примеры, когда нелогичность мысли ведет к неясности речи. Чем отличается узкопрофессиональная речь и что определяют ее «предмет» и «материал»?

Рекомендуемая литература

1. Андреев В.И. Деловая риторика: Практический курс для творческого саморазвития делового общения, полемического и ораторского искусства. – Казань, 1993.
2. Безменова Н.А. Риторика и аргументация // Языковая практика и лингвистическая теория. – М., 1980.
3. Бельчиков Ю.А. Говорите ясно и просто. – М., 1980.
4. Бохан В.М. Формирование убеждения суда. – Мн., 1973.

5. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. – Ростов-на-Дону, 1995.
6. Волкодав Н.Ф. Правовая культура судебного процесса. – М., 1980.
7. Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М., 1988.
8. Голубаева Т.В. Словесность в юриспруденции: Изд. Казанского университета, 1995.
9. Домбровский Р.Г. Логика и теория судебных доказательств // Оптимизация предварительного расследования. – Иркутск, 1992.
10. Дулов А.В. Судебная психология. – Мн., 1975.
11. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. – М., 1990.
12. Киселев Я.С. Речевая культура судебных прений // Правоведение. – 1976. – №4.
13. Козаржевский А.Ч. Мастерство устной речи. – М., 1984.
14. Маркичева Т.Б., Ножин Е.А. Мастерство публичного выступления. – М., 1989.
15. Подголин Е. О стиле судебной речи // Сов. юстиция. – 1981. – №20.
16. Савкова З.В. Средства речевой выразительности. – Л., 1982.
17. Сопер П.Л. Основы искусства речи. – М., 1992.
18. Эйсман А.А. Логика доказывания. – М., 1971.

Тема 4. Обвинительная речь прокурора по уголовным делам в суде I инстанции

1. Понятие и этический аспект обвинительной речи.
2. Структура обвинительной речи.
3. Изложение фактических обстоятельств дела. Анализ и оценка доказательств. Обоснование квалификации преступления.
4. Характеристика личности подсудимого или потерпевшего. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления.
5. Соображения о мере наказания в гражданском иске. Заключительная часть обвинительной речи.
6. Особенности речи прокурора при отказе от обвинения.

Задание

1. Прочитайте обвинительную речь по делу о бывшем студенте Данилове Громницкого М.Ф. и проследите, какими методами и способами осуществляется доказательство тезиса, чем служит опровержение, соответствуют ли аргументы предъявляемым к ним требованиям, какие средства служат логике изложения, все ли элементы обвинительной речи использует прокурор.

2. Подготовьте реферат обвинительной речи прокурора в суде I инстанции на конкретном примере.

Рекомендуемая литература

1. Бровин Г.О. О профессиональной этике прокурора // Соц. законность. – 1984. – № 6.

2. Ибрагимов А. Речь государственного обвинителя // Соц. законность. – 1970. – № 8.

3. Полозов Г. Культура обвинительной речи прокурора // Соц. законность. – 1970. – № 9.

4. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. – М., 1971.

5. Савицкий В.М. Государственный обвинитель как участник судебных прений // Сов. государство и право. – 1973. – № 12.

6. Садовский И. Язык судебной речи прокурора // Соц. законность. – 1975. – № 5.

7. Селезнев М., Урсноп Р. Казнить нельзя – помиловать // Рос. юстиция. – 1995. – № 6.

8. Сергеев М. Выше качество выступления государственного обвинителя в суде // Соц. законность. – 1978. – № 7.

9. Судебные речи государственных обвинителей / Под ред. Е.О. Кузьминой, Н.В. Губановой. – Красноярск, 1995.

10. Темушкин О. Культура судебной речи прокурора // Соц. законность. – 1974. – № 3-4.

11. Тихомирнов Р. Проблемы дальнейшего совершенствования государственного обвинения // Соц. законность. – 1982. – № 11.

12. Трубин Н. Государственный обвинитель в суде // Соц. законность. – 1983. – № 1.

13. Тутышкин П.П. О структуре судебной речи прокурора // Проблемы советского государства и права. – Иркутск, 1973.

14. УПК РБ. – Мн.: «Амалфея», 2000.

15. Царев В.И. Воспитательная роль речи государственного обвинителя // Соц. законность. – 1972. – № 9.

16. Царев В.И. Слово государственному обвинителю. – М., 1982.

17. Царев В.И. Структура и стиль судебной речи прокурора // Соц. законность. – 1983. – № 4.

18. Шелковин Г. Подготовка речи государственного обвинителя // Соц. законность. – 1970. – № 11.

Тема 5. Речь адвоката по уголовным делам в суде первой инстанции

1. Понятие и этический аспект защитительной речи, ее вступительная часть.

2. Изложение фактических обстоятельств дела. Анализ и оценка доказательств. Предложения о квалификации преступления.

3. Характеристика личности подсудимого и потерпевшего. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления.

4. Соображения о мере наказания в гражданском иске. Заключительная часть защитительной речи.

5. Альтернатива в защитительной речи.

6. Речь адвоката – представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Задание

1. Прочитайте и проанализируйте речи О.В. Девриз в защиту Васильевой и выделите логические части, наличие и последовательность целевой установки, расположение структурных частей, чередование аргументированных рассуждений, использование языковых средств. Выскажите пожелания, как усилить убедительность, логичность, экспрессивность речи.

2. Проведите сравнительный анализ выступлений адвоката и прокурора на примере обвинительной речи по делу Качки (Обнинский П.Н.) и речи Плевако Ф.Н. в защиту Качки.

3. Подготовьте реферат защитительной речи адвоката в суде I инстанции на конкретном примере.

Рекомендуемая литература

1. Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. – Л., 1985.

2. Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. – М., 1978.

3. Ватман Д.П. Адвокатская этика. – М., 1977.

4. Венедиктова В.И. О деловой этике и этикете. – М., 1994.

5. Гольдин В.Е. Речь и этикет. – М., 1983.

6. Горский Г.Ф. Судебная этика. – Воронеж, 1973.

7. Кисель Я.С. Этика адвоката. – Л., 1974.

8. Комарова Н.А., Сидорова Н.А. Судебная этика: Учебное пособие. – СПб., 1993.

9. Кудрявцев П. Слово адвокату // Соц. законность. – 1982. – № 7

10. Лившиц В.И. Слово адвокату. – М., 1990.

11. Николаев М. Слово предоставляется адвокату // Сов. юстиция. – 1982. – № 20.

12. Осипов К.А. Вопросы защитительной речи: Метод. пособ. для адвокатов. – Свердловск, 1968.

13. Речи советских адвокатов по уголовным делам / Отв. ред. К.Н.Апраксин. – М., 1975.

14. Слово адвокату / Под ред. К.Н. Апраксина. – М., 1981.

15. Фиолевский Д.П. Записки адвоката. – Киев, 1987.

Тема 6. Речи прокурора и адвоката по гражданским и уголовным делам в суде II инстанции

1. Особенности речи прокурора по гражданским делам в суде II инстанции.

2. Особенности речи прокурора по уголовным делам в суде II инстанции.

3. Особенности речи адвоката по гражданским делам в суде II инстанции.

4. Особенности речи адвоката по уголовным делам в суде II инстанции.

Задание

1. Прочитайте и проанализируйте речь адвоката И.Р. Журавлевой по делу М.А. Котова, речь адвоката В.И. Поганкина в защиту В.М. Хилкова, определите цели, задачи, форму и характер аргументации в выступлениях судебных ораторов. На основании этих речей составьте выступление в кассационной инстанции и обратите внимание на мотив вынесенного решения в суде I инстанции, на их доказанность и обоснованность или наоборот, возможность представления новых материалов по делу. Проведите сравнительный анализ судебной речи в судах I и II инстанции по элементам.

Рекомендуемая литература

1. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования убеждения в уголовном судопроизводстве. – Харьков, 1975.

2. Карнеева Л.М. Доказывание в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений // Сов. госво и право. – 1981. – № 10.

3. Киселев Я.С. Перед последним словом. – М., 1982.

4. Манаев Ю.В. Исследование в суде личности обвиняемого // Правоведение. – 1969. – № 2.

5. Матвиенко Е.А. Судебные речи. – Мн., 1972.

6. Орлов Ю.К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 28. – М., 1978.

7. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. – М., 1977.

8. Рузавин Г.И. Логика и аргументация. – М., 1997.

9. Селезнева М., Уорсноп Р. Казнить нельзя – помиловать // Рос. юстиция. – 1995. – № 6.

10. Соколова В.В. Культура речи и культура общения. – М., 1995.

11. Смолярчук В.И. «Только в творчестве есть радость» // Законность. – 1993. – № 3.
12. Стецовский Ю.А. Советская адвокатура: Учеб. пособие для вузов по специальности «Правоведение». – М., 1989.
13. Шведов И. Искусство убеждать. – Киев, 1986.
14. Розенберг С. Методика защиты по уголовным делам в суде второй инстанции // Сов. юстиция. – 1982. – № 8.
15. Басков В.И., Темушкин О.П. Прокурор в суде второй инстанции по уголовным делам. – М., 1972.
16. Грачев Н.Н. Психология инженерного труда: Учебн. пособие. – Мн.: Выш. шк., 1998.
17. Ключев Е.В. Риторика: Учебное пособие для вузов. – М.: «Приор», 1999.
18. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: Учебное пособие. – Гродно, 1998.

Тема 7. Полемика в суде

1. Судебные прения как форма полемики в суде.
2. Доказывание и опровержение в судебном споре.
3. Допустимые приемы полемики в суде.
4. Реплика как форма проявления полемики в суде.

Задание

1. Прочитайте и проанализируйте речь Плевако Ф.Н. по делу рабочих Коншинской фабрики, речь Спасовича В.Д. в защиту Дементьева, определите предмет речи, используемые приемы, их последовательность, выражение тезиса и антитезиса как способа доказательства, использование логических законов, выделение сомнительных фактов, использование позволительных и непозволительных уловок, манера и культура спора.

2. Изучите работу А.Ф. Кони «Нравственное начало в уголовном процессе», выразите мнение, какие ее положения приемы в наши дни, какие кажутся Вам устаревшими.

3. Проследите, как в речах П.Н. Обнинского и Ф.Н. Плевако по делу Качки осуществляется полемика, какая речевая композиция этому способствует.

4. Посетите судебный процесс. Отметьте, как соблюдаются нравственные начала судьями, судебными ораторами, как соблюдается этика речевого поведения.

Рекомендуемая литература

1. Барабанов Е.П. О споре по существу, или как подготовить и провести дискуссию // Аргумент. – 1994. – № 2-3.
2. Безнасюк А. О культуре проведения судебных процессов // Сов. юстиция. – 1986. – № 17.
3. Киселев Я.С. Речевая культура судебных прений // Правоведение. – 1976. – № 4.
4. Козаржевский А.Ч. Искусство полемики. – М., 1972.
5. Кореневский Ю. Можно ли обойтись без полемики в судебных прениях? // Соц. законность. – 1976. – № 5.
6. Корецкий И. Этика судебных прений // Соц. законность. – 1976. – № 1.
7. Кульберг Я. Юридический анализ в защитительной речи адвоката // Сов. юстиция. – 1965. – № 2.
8. Леоненко В.В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. – Киев, 1981.
9. Ликас А. Культура судебных прений // Соц. законность. – 1976. – № 4.
10. Павлова К.Г. Искусство спора. Логико-психологические аспекты. – М., 1988.
11. Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика. – М., 1991.
12. Побегайло Г.Д. Судебные прения в советском уголовном процессе. Общие положения. – М., 1982.
13. Подголин Е. Юридическая речь в уголовном судопроизводстве // Сов. юстиция. – 1985. – № 20.
14. Сапожников И. Полемика в обвинительной речи прокурора // Соц. законность. – 1971. – № 10.
15. Стешов А.В. Как победить в споре. О культуре полемики. – Л., 1991.
16. Сухарев И. Адвокат и воспитательная роль судебных процессов // Соц. законность. – 1985. – № 7.

**РЕЧЬ АДВОКАТА И. Р. ЖУРАВЛЕВА
ПО ДЕЛУ М. А. КОТОВА**

(Витебская областная коллегия адвокатов)

Краткое содержание дела. Истица П. К. Валентинова предъявила иск к М. А. Котову об установлении отцовства в отношении двух ее дочерей – Оксаны, 13 апреля 1969 г. рождения, и Елены, 16 марта 1972 г. рождения.

Дело слушалось в народном суде Полоцкого района.

Народный суд в иске полностью отказал.

Решение суда было отменено судебной коллегией по гражданским делам Витебского областного суда, и дело направлено на новое судебное рассмотрение.

При повторном рассмотрении народный суд г. Полоцка иск удовлетворил. Однако и это решение судебной коллегией областного суда было отменено. Ввиду сложности дело было принято к производству Витебским областным судом в качестве суда первой инстанции.

Речь адвоката И. Р. Журавлева в защиту интересов ответчика была произнесена в заседании судебной коллегии областного суда.

Товарищи судьи! Принятые Верховным Советом СССР 27 июня 1968 г. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье и республиканские кодексы о браке и семье свидетельствуют о новом проявлении заботы партии и правительства о дальнейшем укреплении советской семьи, о всемерной охране интересов матери и детей.

Статьей 16 Основ и ст. 53 КоБС БССР определено, что при рождении детей у родителей, не состоящих в браке, отцовство может быть установлено в судебном порядке при отсутствии совместного заявления родителей.

Заявленный истицей иск к моему доверителю об установлении отцовства в отношении двух ее дочерей – Оксаны, 13 апреля 1969 г. рождения, и Елены, родившейся 16 марта 1972 г., — как раз и вытекает из этих правовых норм.

Товарищи судьи! В течение трех дней вы самым тщательным образом исследовали доказательства, представленные сторонами по делу, сами проявили инициативу по собиранию новых. Теперь необходимо отбросить все сомнительные и недостоверные и оставить только те, которые соответствуют

истине. Сделать это непросто. Ведь не случайно дело рассматривается судебными инстанциями около года.

Исковое заявление подано в народный суд Полоцкого района еще 12 января 1973 г. По делу уже принимались решения диаметрально противоположные.

Решением народного суда Полоцкого района от 26 марта 1973 г. истице было полностью отказано в иске, а в августе 1973 года иск был полностью удовлетворен и мой доверитель был признан отцом обоих детей. Как известно, оба эти решения были отменены, и вы должны принять новое решение. Каким же должно быть это решение?

В соответствии со ст. 53 КоБС БССР при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка, или совместное воспитание либо содержание ими ребенка, или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства.

Свои исковые требования истица мотивирует в настоящем судебном заседании тем, что до рождения указанных детей она с ответчиком совместно проживала и вела общее с ним хозяйство.

Ответчик иск не признал и пояснил, что одной семьей с истицей не жил, а бывал у нее в доме в связи с тем, что по ее просьбе оказывал ей помощь в учебе, так как она заочно занималась в Сельскохозяйственной академии, помогал истице в некоторых хозяйственных делах как знакомый. Интимную жизнь с истицей ответчик отрицает.

Чтобы установить подлинную картину отношений между истицей и ответчиком, считаю необходимым прежде всего подробно остановиться на утверждениях самой истицы и сопоставить ее показания с другими доказательствами.

П. К. Валентинова в исковом заявлении утверждала, что она проживала совместно с моим доверителем с мая 1968 года до 5 декабря 1971 г., вела с ним совместное хозяйство, а затем он ее оставил и переменял местожительство. В период совместной жизни у нее родились двое указанных выше детей,

которых они с Котовым совместно воспитывали и которым ответчик доставлял необходимое содержание.

В судебном заседании 26 января 1973 г. истица дала иные объяснения, сущность которых сводится к тому, что она постоянно с ответчиком совместно не проживала, но он к ней систематически приходил в выходные дни.

Аналогичные объяснения дала истица и в судебном заседании 26 марта 1973 г.: «С мая 1968 года по 5 декабря 1971 г. ответчик приезжал ко мне на выходные дни. В 1970 году ответчик работал на ремзаводе в г. Полоцке, тогда чаще ко мне приезжал...».

В судебном заседании 8 августа 1973 г. и в данном судебном заседании истица изменила свои объяснения и стала утверждать, что Котов начал вести с ней совместную жизнь в феврале 1969 года и жил вместе с ней до своего переезда на новое место жительства в г. Витебск, т. е. до июля 1970 года.

Таким образом, истица дважды в судебных заседаниях — 26 января и 26 марта 1973 г. — отрицала совместное проживание с ответчиком и наличие у них семьи, а дважды — 8 августа и в настоящем судебном процессе — давала противоречивые объяснения о сроках совместного проживания с ним.

Во всех судебных заседаниях истица утверждала, что после рождения у нее первого ребенка — дочери Оксаны она оставила ее на воспитание у своей матери в деревне, в 60 км от места своего жительства, и дочь там воспитывалась до октября 1971 года. Этот факт подтвердили и свидетели Милый, Милая, Громова, Зуева, Толочко, и сомнений по этому поводу не возникает.

В подтверждение своих исковых требований истица приложила к исковому заявлению справку Юровичского сельсовета, в которой указано, что ответчик «с мая 1968 года по декабрь 1971 года проживал совместно с истицей в одной квартире в деревне Янково, вел совместное хозяйство».

Эту справку подписал бывший председатель сельсовета Соболенко, который допрашивался вчера в судебном процессе. Он пояснил, что ему о совместном проживании М. А. Котова с П. К. Валентиновой ничего не известно, а справку он выдал по

просьбе истицы, которая ему пояснила, что с ней проживает ее муж – М. А. Котов, т. е. по существу признал фиктивность этой справки. Из его же показаний видно, что, по данным сельсовета, М. А. Котов проживающим в деревне Янково не значился, что он лично М. А. Котова вообще не знает.

На судебном заседании свидетели Громовы Мария, Виктор и Зинаида, Скуматова, Толочко, Науменко, Агеев, Милый утверждали, что ответчик в период зачатия и рождения первого ребенка – Оксаны жил с истицей в ее квартире одной семьей, истица в этот период ни с кем из мужчин не встречалась, ответчик отвез ее в родильный дом, а после переезда на жительство в г. Витебск часто приезжал к истице, поддерживал с нею семейные отношения и перестал приезжать незадолго до рождения истицей второго ребенка. Поэтому происхождение обоих детей от ответчика у них не вызывает никаких сомнений.

Если верить этим показаниям, то действительно создается впечатление, что у истицы и ответчика сложилась прочная семья, и поэтому тот факт, что незадолго до рождения у истицы второго ребенка ответчик прекратил свои посещения, не может влиять на решение вопроса об установлении отцовства в отношении обоих детей.

Дело осложняется еще и тем, что сам ответчик признает частые встречи с истицей в период зачатия и рождения первого ребенка, также признает, что ночевал несколько раз у нее на квартире, что он отвозил истицу в родильный дом. Однако при всем этом ответчик отрицает интимную жизнь с истицей, объясняя свое отношение к истице жалостью к ней и стремлением помочь ей твердо встать на ноги, окончить академию и получить специальность.

Из характеристики, выданной с места работы М. А. Котова, видно, что он морально устойчивый человек, хороший товарищ, готовый прийти на помощь людям в трудную минуту, и поэтому такое объяснение ответчика заслуживает внимания.

Одно то, что ответчик помогал истице, заботился о ней и поддерживал в трудную минуту, само по себе не может использоваться против него как доказательство его нечестности.

Можно ли при таких обстоятельствах верить ответчику или же он просто стремится уклониться от исполнения своего родительского долга? А, может быть, свидетели Громовы, Скаматова, Толочко, Науменко, Агеев и другие говорят правду о наличии семейных отношений между ним и истицей?

По моему твердому убеждению, столь категоричные показания этих свидетелей даны ими в результате глубокого заблуждения. Насколько добросовестно они заблуждаются, трудно установить. Возможно, часть из них, наблюдая товарищеские отношения между истицей и ответчиком, составила себе мнение, что между ними сложились интимные отношения.

Не исключается, что они дают такие показания под влиянием дружеских побуждений, испытывая сочувствие к истице в ее довольно сложном положении, возможно, что сказываются и служебные отношения, так как истица работает в совхозе главным экономистом, а ряд свидетелей находятся в служебной зависимости от нее.

И, наконец, приходится говорить и о возможном влиянии на свидетелей со стороны истицы. Об этом свидетельствуют имеющиеся в деле многочисленные письма, составленные истицей или с ее участием и подписанные этими свидетелями. Эти письма адресованы в различные судебные инстанции, ответчик в них изображается как недостойный человек, оставивший истицу с маленькими детьми в беспомощном состоянии и уклоняющийся от исполнения своего родительского долга.

Естественно, что эти письма свидетелям зачитывались и их содержание повлияло на психику свидетелей. Видимо, этим и объясняется удивительная схожесть показаний указанных свидетелей с содержанием имеющихся в деле писем, даже по фразам и оборотам речи. Однако показания других свидетелей по-иному освещают жизнь ответчика М. А. Котова в период зачатия и рождения первого ребенка.

В частности, свидетели К. А. Шульга и Т. И. Шульга, проживавшие с ответчиком в одном доме, пояснили во всех судебных заседаниях, что ответчик с 1967 года до июля 1970 года, т. е. до переезда на жительство в г. Витебск, постоянно

проживал и был прописан в их доме, никуда от них на квартиру не переходил, они знали его как холостяка, и за весь период времени истица ни разу не заходила в их дом.

Из показаний указанных свидетелей известно, что истица пыталась склонить их к даче неправильных показаний по этому факту, однако они на это не согласились.

Сама же истица утверждает, что она систематически бывала в этом доме у ответчика.

Свидетели Артемьев и Гиргель подтвердили, что ответчик действительно в 1968–1970 гг. проживал на квартире у супругов Шульга и, будучи холостяком, проводил с ними свободное время.

Таким образом, свидетели по своим показаниям разделились на две группы: одни утверждают о совместном проживании ответчика и истицы и ведении ими общего хозяйства, а другие это отрицают.

На мой взгляд, товарищи судьи, вы не сделаете ошибки, если поверите показаниям ответчика и свидетелей Т. И. Шульга, К. А. Шульги, Артемьева и Гиргель, так как они подтверждаются другими доказательствами, заслуживающими доверия.

В частности, заключением судебно-медицинской экспертизы от 1 марта 1973 г., проведенной областным бюро, отцовство ответчика в отношении первого ребенка истицы исключается. Истица высказала сомнения по поводу правильности заключения этой экспертизы, утверждая, что она в тот период времени ни с кем, кроме ответчика М. А. Котова, в близких отношениях не была, и поэтому настаивала на проведении повторной, более квалифицированной экспертизы. Ее ходатайство было удовлетворено и заключением новой судебно-медицинской экспертизы, проведенной Главным бюро судебно-медицинской экспертизы БССР 12 ноября 1973 г., установлено, что ответчик не является отцом первого ребенка истицы.

Становится очевидным, что объяснения истицы и показания свидетелей с ее стороны по поводу обстоятельств, связанных с рождением дочери Оксаны, не соответствуют действительности.

Поскольку основанием иска об установлении отцовства является происхождение ребенка от ответчика, очевидно что иск об установлении отцовства М. А. Котова в отношении дочери истицы Оксаны является необоснованным.

Представляет несколько большую сложность иск истицы в отношении второй ее дочери – Елены, так как судебно-медицинская экспертиза в этом случае не исключает отцовства ответчика.

Поэтому следует подробно остановиться на доказательствах, характеризующих период жизни ответчика после переезда его на жительство в г. Витебск в июле 1970 года.

Как установлено судом, вторая дочь родилась у истицы спустя один год и восемь месяцев после переезда ответчика на жительство в г. Витебск. По утверждениям ответчика, за все это время он посетил истицу три раза: в апреле 1971 года по пути к своей матери он заехал к истице отдать и объяснить ей очередную контрольную работу; в октябре 1971 года – по тем же причинам; и в декабре 1971 года он заехал забрать учебники, так как истица не пересылала их почтой. В одно из посещений, в октябре 1971 года, ответчик помог истице перевести ее мать к ней на жительство.

Ответчик также утверждает, что истица воспользовалась этими его посещениями и пытается изобразить, что он специально приезжал, чтобы перевезти ее мать, и они свидетельствуют о поддержании с нею семейных отношений. Допрошенные по делу свидетели З. Громова, Паршонок, Яковлева и Дрогилева как раз подробно и рассказывали об этих приездах ответчика к истице.

Представляется, что на основании этих фактов нельзя сделать вывод о наличии либо отсутствии семейных отношений между истицей и ответчиком, но его можно сделать на основании объяснений самой истицы. Совсем недавно звучали в этом зале ее слова о том, что после переезда ответчика на жительство в г. Витебск она не знала, где он проживает, ни разу не зашла к нему на работу, несмотря на то, что ежемесячно приезжала в г. Витебск в Управление сельского хозяйства, которое находится в одном здании с филиа-

лом института, где работает ответчик. Не была знакома с матерью и отцом ответчика.

Справка филиала проектного института, где работает ответчик с июля 1970 года до настоящего времени, свидетельствует, что его работа связана с постоянным пребыванием в течение всего рабочего времени в здании филиала института.

Справка же с места жительства истицы подтверждает, что она с 1968 года до настоящего времени проживает в деревне в 120 км от г. Витебска.

В судебном заседании установлено, что переезд из г. Витебска в деревню, где проживает истица, на автобусе с учетом пересадки занимает пять-шесть часов.

Эти доказательства бесспорно показывают, что ответчик не проживал с истицей одной семьей после переезда на жительство в г. Витебск.

Не проводил М. А. Котов совместно с истицей и отпуска. Это подтверждено справкой Николаевского сельского совета Мiorского района, из которой явствует, что во время отпусков он находился у своей матери, проживающей от истицы в 67 км.

Можно ли говорить о семейной жизни М. А. Котова с истицей, о совместном ведении ими хозяйства в период зачатия дочери ответчицы Елены на основании одних только фактов, относящихся к этому периоду?

Конечно, нет.

Три или даже больше чем три приезда, отдельные встречи, даже если бы их было много, не могут служить доказательством совместного ведения хозяйства.

В том-то и дело, что эти встречи изображаются ответчицей и упомянутыми свидетелями как продолжение семейных отношений, начавшихся еще в то время, когда ответчик жил в г. Полоцке. Доказать наличие семейных отношений, основываясь лишь на нескольких встречах, нельзя, но с помощью этих нескольких встреч можно доказывать, что ранее существовавшие семейные отношения продолжались.

Но при одном условии: если бы эти предыдущие семейные отношения действительно существовали.

Приведенные выше доказательства свидетельствуют, что П. К. Валентинова не имела семейных отношений с М. А. Котовым и родила ребенка от другого лица.

Если показания всех многочисленных свидетелей, вызванных в суд по просьбе истицы, оказались в отношении к первому периоду, когда родилась Оксана, не соответствующими действительности, то какое же основание считать те же показания достоверными в отношении ко второму периоду?

Считаю необходимым обратить внимание суда и на то обстоятельство, что у ответчика и истицы не было никаких препятствий к регистрации брака, оба имели один – высшее, а другая – незаконченное высшее образование и хорошо понимали юридическое значение регистрации актов гражданского состояния.

Тем не менее истица более трех лет не регистрировала рождение первой дочери Оксаны и не воспитывала ее со дня рождения до октября 1971 года, не регистрировала около года рождение второй дочери, выясняя отношения со своими знакомыми.

При таких обстоятельствах с учетом биологического исключения отцовства в отношении первого ребенка истицы Оксаны, с учетом показаний Жаховского и Шульги о том, что в период зачатия второго ребенка истица встречалась с Гагибовичем и Булавко, не исключается, что отцом второго ребенка может быть кто-либо из них.

Поскольку не установлено кровное происхождение детей истицы от ответчика и не подтверждено ни одно из условий, предусмотренных ст. 53 КоБС БССР, а значит, семьи у истицы с ответчиком не существовало, считаю, что иск к М. А. Котову заявлен необоснованно и не подлежит удовлетворению, и поэтому прошу в иске П. К. Валентиновой об установлении отцовства в отношении обеих ее дочерей отказать.

Решением Витебского областного суда в иске об установлении отцовства в отношении дочери Оксаны было отказано и установлено отцовство ответчика в отношении дочери Елены.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Белорусской ССР решение было оставлено без изменения¹.

¹Речи советских адвокатов по гражданским делам. – М.: Юрид. лит., 1976. – 244 с., с. 28–36

**УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО
РЕЧЬ АДВОКАТА В. И. ПОГАНКИНА
В ЗАЩИТУ В.М. ХИЛКОВА**

(Калининская областная коллегия адвокатов)

Краткое содержание. В. М. Хилков был предан суду по обвинению в преступлении, предусмотренном пп. «б» и «з» ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство из хулиганских побуждений двух или более лиц).

Фабула дела изложена в публикуемой речи, произнесенной в выездной сессии областного суда.

Уважаемые товарищи судьи!

Только что прозвучавшее требование товарища прокурора признать В. М. Хилкова виновным в полном объеме предъявленного обвинения и приговорить к высшей мере наказания – смертной казни – явилось для меня неожиданно, потому что окончательный вывод обвинения по настоящему делу не только не согласуется с материалами, бывшими предметом судебного исследования, но и противоречит им.

На первый взгляд трудно найти слова в защиту подсудимого.

Кто не ужаснется, выслушав, как нелепо и трагически обрувалась жизнь 17-летнего Саши Суворова. Но в этот момент меня подкрепляет не только сознание необходимости выполнить свой профессиональный долг, но и надежда на то, что я в какой-то мере помогу вам объяснить поведение Хилкова, после чего позволю себе рассчитывать на снисхождение к нему.

Вы, товарищи судьи, с большим вниманием выслушали показания подсудимого, потерпевшего, многочисленных свидетелей, заключение судебно-медицинского эксперта, и на основе этих доказательств можно представить себе совершенное Хилковым преступление таким, каким оно было в действительности.

20 сентября, село Рамешки. Теплый вечер, напоенный прелым запахом опавшей листвы. Компания молодых людей приехала в районный центр на поиски развлечения. В д. Воротилово для 17-летних парней не нашлось подходящего занятия. Хотелось, как сказал свидетель Николай Виноградов, чего-то необыкновенного. Энергия была ключом. Потолкавшись в вестибюле кинотеатра, компания не нашла ничего подходящего для утешения своих интересов. Решено было ехать обратно в деревню.

Собрались у здания типографии в ожидании транспорта. И здесь скачающим, можно сказать, «повезло». Александр Су-

воров – предводитель сборища, увидел пьяного человека, прислонившегося к забору. Им оказался Хилков.

Незнакомец, еле державшийся на ногах, Суворову явно не понравился. Нужно найти повод для драки. Самое удобное – подойти и спросить закурить, хотя Саша Суворов сам не курил.

Вместе с Суворовым пошел к забору и Александр Звездин – учащийся ГПТУ.

— Слушай, старик, дай закурить.

— Валяйте отсюда, щенки.

— Смотри, ты не очень-то, по зубам живо схлопочешь.

Кровь, смешанная с ядом алкоголя, ударила в виски Хилкова, закипела безрассудная злоба, от которой, по собственному признанию подсудимого, дрожь пошла по всему телу.

Рука поползла в карман, а через несколько мгновений в воздухе блеснуло лезвие ножа.

Такова хронология событий злополучного сентябрьского вечера.

Хулиганские действия подростков и явно неоправданная по своей интенсивности ответная реакция на них Хилкова породили нелепую трагедию, оборвавшую человеческую жизнь.

Проникающее ранение в сердце оказалось для Александра Суворова смертельным.

Звездину также был нанесен ножевой удар, к счастью, не очень опасный.

Эти фактические обстоятельства в процессе судебного следствия установлены показаниями подсудимого свидетелей Березкина, Александра Печуркина и Николая Виноградова.

Сегодня с полным основанием можно сказать о гражданской зрелости и порядочности названных свидетелей, которые оказались на месте трагедии случайно, всего не видели, но их правдивый рассказ пролил свет на не уточненные следствием обстоятельства дела.

Это особенно важно отметить сейчас, так как потерпевший Звездин и его друзья – свидетели Степанов и Еремеев на следствии и в суде давали ложные показания, утверждая, что Хилков совершенно беспричинно пристал к группе ребят и без какого-либо повода применил нож.

Эти показания, положенные в основу обвинения Хилкова, должны быть решительно отвергнуты, и не только потому, что они не согласуются с другими приводимыми доказательствами,

но и потому, что в этом деле мы столкнулись с редко встречающимся явлением заранее обдуманного лжесвидетельства.

Когда истекающий кровью Саша Суворов лежал на земле и стонал, его дружки – Звездин, Степанов и Еремеев, обезумевшие от страха, спешно придумывали легенду о своей невиновности.

Никто не хотел вести раненого в больницу, чтобы не оказаться в числе свидетелей или в числе лиц, причастных к совершенному преступлению.

Сделали это, как вы знаете, Александр Печуркин и Николай Виноградов, случайно оказавшиеся на месте происшествия. Они же заявили о случившемся в милицию.

Во время следствия и на суде Звездин, Степанов и Еремеев всячески выгораживали себя, сочиняли небылицы, выдавая откровенную ложь за искренние показания.

Вы знаете, что они три раза меняли свои легенды, извращающие обстоятельства дела.

Вначале они заявили, что вообще не знают, при каких обстоятельствах погиб Суворов.

Затем сказали, что Хилков напал на группу ребят с целью ограбления и, требуя деньги, нанес ножевые ранения.

В конце следствия и в суде они утверждали, что Хилков совершил преступление беспричинно.

Лгали они, можно сказать, искусно, порой даже убедительно, однако я считаю, что все-таки истина восторжествовала и сейчас с уверенностью можно сказать, что Хилков совершил убийство Суворова и причинил Звездину легкие телесные повреждения не беспричинно, не из хулиганских побуждений, а в процессе ссоры, конфликтной ситуации, возникшей по инициативе потерпевших.

В связи с этим ошибочность квалификации действий Хилкова по п. «б» ст. 102 УК РСФСР становится очевидной.

Убийство в драке и в ссоре может квалифицироваться по ст. 102 УК РСФСР лишь в том случае, когда по делу установлено, что оно совершено при наличииотягчающих обстоятельств, указанных в законе. При отсутствии таких признаков убийство в драке и ссоре, независимо от того, по чьей инициативе произошло, должно квалифицироваться по ст. 103.

Это дает защите основание просить вас отвергнуть обвинение по п. «б» ст. 102 УК РСФСР, выдвинутое против Хилкова.

В материалах настоящего дела есть заключение судебно-

медицинской экспертизы Звездина, из которого усматривается, что последнему в правую подмышечную область нанесено ножевое ранение, отнесенное к разряду легких телесных повреждений, повлекших расстройство здоровья.

Установлено, что это ранение нанес Хилков.

Базируясь на перечисленных фактах, органы следствия считают, что в данном конкретном случае Хилков совершил покушение на убийство Звездина, а с учетом совершенного убийства Суворова его действия квалифицированы по п. «з» ст. 102 УК РСФСР.

Можно ли согласиться с этим?

Думаю, что нельзя.

Покушением на убийство деяние виновного может быть признано лишь в тех случаях, когда оно было непосредственно направлено на лишение жизни другого человека и, следовательно, совершалось с прямым умыслом.

В настоящем же деле нет достаточных данных, которые подтверждали бы умысел Хилкова на лишение жизни потерпевшего Звездина.

Сам Хилков, как вы слышали, показал, что убивать кого-либо не хотел.

Ни потерпевший Звездин, ни допрошенные по делу свидетели не утверждали, что перед нанесением ранения Хилков высказывал угрозы лишить кого-либо жизни.

Локализация ранения и незначительная сила удара, о которых можно судить по размеру и глубине раны, также не устанавливают наличия у Хилкова умысла на лишение жизни Звездина.

При таких обстоятельствах действия Хилкова по данному эпизоду надлежит квалифицировать по фактически наступившим последствиям, т. е. по ч. 1 ст. 112 УК РСФСР.

Убийство же Суворова следует рассматривать как совершенное на почве личных неприязненных отношений, подпадающее под признаки ст. 103 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств.

Вот почему на основе всех имеющихся в деле доказательств я прихожу к твердому убеждению, что действия Хилкова по настоящему делу следует квалифицировать по ст. 103 и ч. 1 ст. 112 УК РСФСР.

Вы призваны, товарищи судьи, разобраться не только в событии преступления, но и в личности человека, его совершившего.

Что представляет собой Хилков, каково его прошлое?

Я не собираюсь говорить об этом много.

Жизнь Хилкова прошла в труде, в добросовестной, безупречной работе. Хилков имеет семью, на его иждивении малолетняя дочь и престарелая мать.

Я не выполнил бы своей задачи до конца, если бы не остановился еще на одном важном обстоятельстве, которое может и должно благоприятно отразиться на судьбе подсудимого.

Я имею в виду не только признание Хилковым своей вины, но и явку с повинной.

Протокол, составленный работниками Рамешковского отдела внутренних дел, подтверждает, что сразу после события преступления Хилков пришел в дежурную часть милиции, рассказал о случившемся и передал нож.

Чистосердечное раскаяние и явка с повинной являются обстоятельствами, смягчающими ответственность Хилкова.

Осознав преступление, Хилков с ужасом оглядывается на происшедшее, клеймит позором совершенное им, и, если вы, товарищи судьи, окажете ему снисхождение, я уверен, что он по-иному воспримет жизнь и оправдает ваше доверие.

Справедливость и гуманность советского суда открывают широкие возможности для осужденного встать на путь исправления.

Я изложил все обстоятельства, которые, на мой взгляд, проливают свет на совершенное Хилковым преступление, и если слова защиты я сумел довести до вашего сознания, то буду считать свою задачу выполненной.

Прошу вас, товарищи судьи, при определении Хилкову меры наказания о максимально возможном снисхождении.

Суд переквалифицировал действия Хилкова с пп. «б» и «з» ст. 102 УК РСФСР на ст. 103 (умышленное убийство) и ч. 1 ст. 112 УК РСФСР (умышленные легкие телесные повреждения) и приговорил его к десяти годам лишения свободы.¹

¹ Слово адвокату / Под ред. К.Н.Апраскина. – М.: Юрид. лит., 1981. – 192 с., с. 136–143.

**КОНИ А. Ф. ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПО ДЕЛУ
ОБ УТОПЛЕНИИ КРЕСТЬЯНИКИ ЕМЕЛЬЦНОВОЙ
ЕЕ МУЖЕМ**

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела; между ними часто встречаются дела, где свидетельские показания дышат таким здоровым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнавания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой.

Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности. Мы знаем, что молодой банщик женился, полюбил студента и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену в речке Ждановке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по муже, и тело было предано земле, а дело воле божьей. Этим,

казалось бы, все и должно было кончиться, но в околотке пошел говор об утопленнице. Говор этот группировался около Аграфены Суриной, она была его узлом, так как она будто бы проговорила, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужем. Поэтому показание ее имеет главное и существенное в деле значение. Я готов сказать, что оно имеет, к сожалению, такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления и что даже взятая вне обстоятельств этого дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие. Но я думаю, что это свойство ее личности нисколько не изменяет существа ее показания. Если мы на время забудем о том, как она показывает, не договаривая, умалчивая, трусая, или скороговоркою, в неопределенных выражениях высказывая то, что она считает необходимым рассказать, то мы найдем, что из показания ее можно извлечь нечто существенное, в чем должна заключаться своя доля истины. Притом показание ее имеет особое значение в деле: им завершаются все предшествовавшие гибели Лукерьи события, им объясняются и все последующие, оно есть, наконец, единственное показание очевидца. Прежде всего возникает вопрос: достоверно ли оно? Если мы будем определять достоверность показания тем, *как человек говорит, как он держит себя на суде*, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность, за его сердцевину. Поэтому надо оценивать показание по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, без постороннего давления, если оно дано без всякого стремления к нанесению вреда другому и если затем оно подкрепляется обстоятельствами дела и бытовой житейской обстановкою тех лиц, о которых идет речь, то оно должно быть признано показанием справедливым. Могут быть неверны детали, архитектурные украшения, мы их отбросим, но тем не менее останется основная масса, тот камень, фундамент, на котором зиждутся эти ненужные, неправильные подробности.

Существует ли первое условие в показании Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорила, по

первому толчку, данному Дарьей Гавриловой, когда та спросила: «Не ты ли это с Егором утопила Лукерью?» Самое поведение ее при ответе Дарье Гавриловой и подтверждение этого ответа при следствии исключает возможность чего-либо насильственного или вынужденного. Она сделалась – волею или неволею, об этом судить трудно – свидетельницей важного и мрачного события, она разделила вместе с Егором ужасную тайну, но как женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, как все люди, у которых на душе тяготеет какая-нибудь тайна, что-нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвестностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, может быть, осталась жива, и гнетущим сознанием, что она умерщвлена, и поэтому-то она стремилась к тому, чтобы узнать, что сделалось с Лукерьей. Когда все вокруг было спокойно, никто еще не знал об утоплении, она волнуется как душевнобольная, работая в прачечной, спрашивает поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы. Бессознательно почти, под тяжким гнетом давящей мысли она сама себя выдает. Затем, когда пришло известие об утопленнице, когда участь, постигшая Лукерью, определилась, когда стало ясно, что она не придет никого изобличать, бремя на время свалилось с сердца и Аграфена успокоилась. Затем опять тяжелое воспоминание и голос совести начинают ей рисовать картину, которой она была свидетельницей, и на первый вопрос Дарьи Гавриловой она почти с гордостью высказывает все, что знает. Итак, относительно того, что показание Суриной дано без принуждения, не может быть сомнения.

Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь своею исключительною целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его? Такая цель может быть только объяснена страшною ненавистью, желанием погубить во что бы то ни стало подсудимого, но в каких же обстоятельствах дела найдем мы эту ненависть? Говорят, что она была на него зла за то, что он женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла за это с него деньги; положим, что, даже и взяв деньги, она была недовольна им, но между неудовольствием и смертельною ненавистью целая

пропасть. Все последующие браку обстоятельства были таковы, что он, напротив, должен был сделаться ей особенно дорог и мил. Правда, он променял ее, с которою жил два года, на девушку, с которой перед тем встречался лишь несколько раз, и это должно было задеть ее самолюбие, но через неделю или, во всяком случае, очень скоро после свадьбы, он опять у ней, жалуется ей на жену, говорит, что снова любит ее, тоскует по ней. Да ведь это для женщины, которая продолжает любить, – а свидетели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обращение два года, – величайшая победа! Человек, который ее кинул, приходит с повинною головою, как блудный сын, просит ее любви, говорит, что та, другая, не стоит его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее в ненависть. Зачем ей желать погубить Егора в такую минуту, когда жены нет, когда препятствие к долгой связи и даже к браку устранено? Напротив, теперь-то ей и любить его, когда он всецело ей принадлежит, когда ей не надо нарушать «их закон», а между тем она обвиняет его, повторяет это обвинение здесь, на суде. Итак, с этой точки зрения, показание это не может быть заподозрено.

Затем, соответствует ли оно сколько-нибудь обстоятельствам дела, подтверждается ли бытовою обстановкою действующих лиц? Если да, то как бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можем ей поверить, потому что другие, совершенно посторонние лица, оскорбленные ее прежним поведением, не свидетельствуют в пользу ее личности, свидетельствуют, однако, в пользу правдивости ее настоящего показания. Прежде всего свидетельница, драгоценная по простоте и грубой искренности своего показания, – сестра покойной Лукерьи. Она рисует подробно отношения Емельянова к жене и говорит, что, когда Емельянов посватался, она советовала сестре не выходить за него замуж, но он поклялся, что бросит любовницу, и она, убедившись этою клятвою, посоветовала сестре идти за Емельянова. Первое время они живут счастливо, мирно и тихо, но затем начинается связь Емельянова с Суриной. Подсудимый отрицает существование этой связи, но о ней говорит целый ряд свидетелей. Мы слышали

показание двух девиц, ходивших к гостям по приглашению Егора, которые видели, как он целовался на улице, и не таясь, с Аграфеною.

Мы знаем из тех же показаний, что Аграфена бегала к Егору, что он часто, ежедневно по нескольку раз, встречался с нею. Правда, главное фактическое подтверждение, с указанием на место, где связь эта была закреплена, принадлежит Суриной, но и оно подкрепляется посторонними обстоятельствами, а именно – показаниями служащего в Зоологической гостинице мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говорит, что он в этот день до 6 часов сидел в мировом съезде, слушая суд и собираясь подать апелляцию. Не говоря уже о том, что, пройдя по двум инстанциям, он должен был слышать от председателя мирового съезда обязательное по закону заявление, что апелляции на приговор съезда не бывает, этот человек, относительно которого приговор съезда был несправедлив, не только по его мнению, но даже по словам его хозяина, который говорит, что Егор не виноват, «да суд так рассудил», этот человек идет любопытствовать в этот самый суд и просиживает там полдня. Действительно, он не был полдня дома, но он был не в съезде, а в Зоологической гостинице. На это указывает мальчик Иванов. Он видел в Михайлов день Сурина в номерах около 5 часов. Это подтверждает и Гаврилова, которой 8 ноября Сурина сказала, что идет с Егором, а затем вернулась в 6 часов. Итак, частица показания Суриной подтверждается. Таким образом, очевидно, что прежние дружеские, добрые отношения между Лукерьею и ее мужем поколебались. Их место заняли другие, тревожные. Такие отношения не могут, однако, долго длиться: они должны измениться в ту или другую сторону. На них должна была постоянно влиять страсть и прежняя привязанность, которые пробудились в Егоре с такою силою и так скоро. В подобных случаях может быть два исхода: или рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле, и тогда счастье упрочено, прежние отношения возобновлены и укреплены, или, напротив, рассудок подчинится страсти, заглохнет голос совести, и страсть, увлекая человека, овладеет им совсем; тогда явится стремление не только нарушить, но навсегда уничтожить прежние тя-

гостные, стесняющие отношения. Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов. Для того чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц. Я не стану говорить о том, каким подсудимый представляется нам на суде; оценка поведения его на суде не должна быть, по моему мнению, предметом наших обсуждений. Но мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены.

Лет 16 он приезжает в Петербург и становится банщиком при номерных, так называемых «семейных» банях. Известно, какого рода эта обязанность; здесь, на суде, он сам и две девушки из дома терпимости объяснили, в чем состоит одна из главных функций этой обязанности. Ею-то, между прочим, Егор занимается с 16 лет. У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное беззастенчивое проявление грубой чувственности. Рядом с этим является добывание денег не действительною, настоящею работою, а «наводкою». Средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает посетителям, которые, довольные проведенным временем с приведенною женщиною, быть может, иногда и не считая хорошенько, дают ему деньги на водку. Вот какова его должность с точки зрения труда! Посмотрим на нее с точки зрения долга и совести. Может ли она развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам страсти? Нет, его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти, а влияние жизни без серьезного труда, среди далеко не нравственной обстановки для человека, не укрепившегося в другой, лучшей сфере, конечно, не явится особо задерживающим в ту минуту, когда им овладеет чувственное желание обладания... Взглянем на личный характер подсудимого, как он нам был описан. Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», не-

спокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно – и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», – стало быть, человек, не очень останавливающийся в своих порывах. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращающийся со своею любовницею, «как палач». Ряд показаний рисует, как он обращается вообще с теми, кто ему подчинен по праву или обычаю: «Идешь ли?» – прикрикивает он на жену, зовя ее с собою; «Гей, выходи», – стучит в окно; «выходи», – властно кричит он Аграфене. Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный. Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих нравственных начал дать не могла.

Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая. «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», – говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», – прибавил он. Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное – скучная. Затем выступает Аграфена Сурина. Вы ее видели и слышали; вы можете относиться к ней не с симпатией, но вы не откажете ей в одном: она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым; она, очевидно, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы. Это совсем другой тип, другой темперамент.

Вот такие-то три лица сводятся судьбою вместе. Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеною; сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого. Егор женится, однако, на Лукерье. Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотою, невинностью. В этих ее свойствах нельзя сомневаться. Егор сам не

отрицает, что она вышла за него, сохранив девическую чистоту. Для него эти ее свойства, эта ее неприкосновенность должны были представлять большой соблазн, сильную приманку, потому что он жил последние годы в такой сфере, где девической чистоты вовсе не полагается; для него обладание молодою, невинною женою должно было быть привлекательным. Оно имело прелесть новизны, оно так резко и так хорошо противоречило общему складу окружающей его жизни. Не забудем, что это не простой крестьянин, грубоватый, но прямодушный, – это крестьянин, который с 16 лет в Петербурге, в номерных банях, который, одним словом, «хлебнул» Петербурга. И вот он вступает в брак с Лукерьею, которая, вероятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, он охлаждается, а затем начинается обычная жизнь, жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером, с его страстною натурою, испытавшею житье с Аграфеною? И ему, особенно при его обстановке, приходилось выдвигать виды, и ему, может быть, желательна некоторая завлекательность в жене, молодой задор, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья – совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно. А тут Аграфена снует, бегаёт по коридору, поминутно суется на глаза, подсмеивается и не прочь его снова завлечь. Она зовет, манит, туманит, раздражает, и когда он снова ею увлечен, когда она снова позволяет обнять себя, поцеловать; в решительную минуту когда он хочет обладать ею, она говорит: «Нет, Егор, я вашего закона нарушать не хочу», то есть каждую минуту напоминает о сделанной им ошибке, корит его тем, что он женился, не думая, что делает, не рассчитав последствий, сглупив... Он знает при этом, что она от него ни в чем более не зависит, что она может выйти замуж и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться к скучной и молчаливой жене, или отдаться Аграфене. Но как отдаться? Вместе, одновременно с женою? Это невозможно. Во-первых, это в материальном отношении дорого будет стоить, потому что ведь придется и материальным образом иногда выразить любовь к Суриной; во-вторых,

жена его стесняет; он человек самолюбивый, гордый, привыкший действовать самостоятельно, свободно, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрывать от жены или слушать брань ее с Аграфеною и с собою – и так навеки! Конечно, из этого надо найти исход. И если страсть сильна, а голос совести слаб, то исход может быть самый решительный. И вот является первая мысль о том, что от жены надо избавиться.

Мысль эта является в ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда он снова вкусил от сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказав, что это, как говорится в таких случаях, «в первый и в последний раз». О появлении этой мысли говорит Аграфена Сурина: «Не сяду под арест без того, чтобы Лукерья не было», – сказал ей Емельянов. Мы бы могли не совсем поверить ей, но слова ее подтверждаются другим беспристрастным и добросовестным свидетелем, сестрою Лукерьи, которая говорит, что накануне смерти, через неделю после свидания Егора с Суриною, Лукерья передавала ей слова мужа: «тебе бы в Ждановку». В каком смысле было это сказано – понятно, так как она отвечала ему: «Как хочешь, Егор, но я сама на себя рук накладывать не стану». Видно, мысль, на которую указывает Аграфена, в течение недели пробежала целый путь и уже облеклась в определенную и ясную форму – «тебе бы в Ждановку». Почему же именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее – будет кровь, явные следы, – ведь они видятся только в бане, куда она приходит ночевать. Отравить? Но как достать яду, как скрыть следы преступления? и т.д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство – утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок, – это время самое удобное, потому, что при обнаружении убийства он окажется под арестом и даже как нежный супруг и несчастный вдовец пойдет потом хоронить утопившуюся или утонувшую жену. Такое предположение вполне подкрепляется рассказом Суриной. Скажут, что Сурина показывает о самом убийстве темно, туманно, путается, сбивается. Все это так, но у того, кто даже как посторонний зритель бывает свидетелем убийства, часто трясутся руки и

колотится сердце от зрелища ужасной картины; когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте, осенью и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои мысли и не вполне разглядела, что именно и как именно делал Егор. Но сущность ее показаний все-таки сводится к одному, т.е. к тому, что она видела Егора топившим жену; в этом она тверда и впечатление это передает с силою и настойчивостью. Она говорит, что, испугавшись, бросилась бежать, затем он догнал ее, а жены не было; значит, думала она, он-таки утопил ее; спросила о жене – Егор не отвечал. Показание ее затем вполне подтверждается во всем, что касается ее ухода из дома вечером 14 ноября. Подсудимый говорит, что он не приходил за ней, но Анна Николаева удостоверяет противоположное и говорит, что Аграфена, ушедшая с Егором, вернулась через 20 минут. По показанию Аграфены, она как раз прошла и пробежала такое пространство, для которого нужно было, по расчету, употребить около 20 минут времени.

Нам могут возразить против показания Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих, могущих быть, возражений. Прежде всего нам скажут, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимого, который должен был войти в воду, не были мокры и т.д. Вглядитесь в эти два пункта возражений и вы увидите, что они вовсе не так существенны, как кажутся с первого взгляда. Начнем с грязи и борьбы. Вы слышали показание одного свидетеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что место, где совершено убийство, весьма крутое, скат в 9 шагов, под углом 45°. Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи в несколько секунд до низу и если затем человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь, то нет ничего удивительного, что на платье, пропитанном насквозь водою, слякоть расплывается и следов от нее не останется: природа сама выстирает платье утопленницы. Скажут, что нет следов борьбы. Я не

стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола куцавейки наводит, однако, на мысль, что нельзя отрицать ее существования. Затем скажут: сапоги! Да, сапоги эти, по-видимому, очень опасны для обвинения, но только по-видимому. Припомните часы: когда Егор вышел из дома, это было три четверти десятого, а пришел он в участок десять минут одиннадцатого, т.е. через 25 минут по выходе из дома и минут через 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной. Но в часть, где собственно содержатся арестанты и где его осматривали, он пришел в 11 часов, через час после того дела, в совершении которого он обвиняется. В течение этого времени он много ходил, был в теплой комнате, и затем его уже обыскивают. Когда его обыскивали, вы могли заключить из показаний свидетелей; один из полицейских объяснил, что на него не обратили внимания, потому что он приведен на 7 дней; другой сказал сначала, что всего его обыскивал, и потом объяснил, что сапоги подсудимый снял сам, а он осмотрел только карманы. Очевидно, что в этот промежуток времени он мог успеть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платье и сапогах, то она не отличалась от той, которая могла образоваться от слякоти и дождя. Да, наконец, если вы представите себе обстановку убийства так, как описывает Сурина, вы убедитесь, что ему не было надобности входить в воду по колени. Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жену, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватывает ее за плечи и, нагнув ее голову, сует в воду. Человек может задохнуться в течение двух-трех минут, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придерживать голову под водой. При такой обстановке, которую описывает Сурина, всякая женщина в положении Лукерьи будет поражена внезапным нападением, – в сильных руках разъяренного мужа не соберется с силами, чтобы сопротивляться, особенно если принять в соображение положение убийцы, который держал ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки от пальцев, а другою нагибал ей голову к воде. Чем ей сопротивляться, чем ей удержаться от утопления? У нее свободна одна лишь рука, но перед нею вода, за которую хватиться, о которую опереться нельзя. Платье Егора могло

быть при этом сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностном осмотре, который ему делали, это могло остаться незамеченным. Насколько это вероятно, вы можете судить по показаниям свидетелей; один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой говорит – в чуйке и т.д. Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест, что он был свой человек в участке, – станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?

Посмотрим, насколько возможно предположение о самоубийстве. Думаю, что нам не станут говорить о самоубийстве с горя, что мужа посадили на 7 дней под арест. Надо быть детски-легковерным, чтобы поверить подобному мотиву. Мы знаем, что Лукерья приняла известие об аресте мужа спокойно, хладнокровно, да и приходиться в такое отчаяние, чтобы топиться ввиду семидневной разлуки, было бы редким, чтобы не сказать невозможным, примером супружеской привязанности. Итак, была другая причина, но какая же? Быть может, жестокое обращение мужа, но мы, однако, не видим такого обращения: все говорят, что они жили мирно, явных ссор не происходило. Правда, она раз, накануне смерти, жаловалась, что муж стал грубо отвечать, лез с кулаками и даже советовал ей «в Ждановку». Но, живя в России, мы знаем, каково в простом классе жестокое обращение с женою. Оно выражается гораздо грубее и резче, в нем муж, считая себя в своем неотъемлемом праве, старается не только причинить боль, но и на шуметь, сорвать сердце. Здесь такого жестокого обращения не было и быть не могло. Оно, но большей части, есть следствие глубокого возмущения какою-нибудь стороною в личности жены, которую нужно, по мнению мужа, исправить, наказуя и истязуя. Здесь было другое чувство, более сильное и всегда более страшное по своим результатам. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконец, мы знаем, что никто так не склонен жаловаться и плакаться на жестокое обращение, как женщина, и Лукерья точно так же не удержалась бы, чтобы не рассказывать хоть близким, хоть сестре, что нет житья с мужем, как рассказала о нем накануне смерти. Итак, нет пово-

да к самоубийству. Посмотрим на выполнение этого самоубийства. Она никому не намекает даже о своем намерении, напротив, говорит накануне противоположное, а именно: что рук на себя не наложит; затем она берет у сестры – у бедной женщины – кофту: для чего же? – чтобы в ней утопиться; наконец, местом утопления она выбирает Ждановку, где воды всего на аршин. Как же тут утопиться? Ведь надо согнуться, нужно чем-нибудь придержаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность... Но чувство самосохранения непременно скажется, – молодая жизнь восстала бы против своего преждевременного прекращения, и Лукерья сама выскочила бы из воды. Известно, что во многих случаях самоубийцы потому только гибнут под водою, что или не умеют плавать, или же несвоевременно придет помощь, которую они обыкновенно сами призывают. Всякий, кто знаком с обстановкою самоубийства, знает, что утопление, а также бросание с высоты – два преимущественно женских способа самоубийства, – совершаются так, что самоубийца старается ринуться, броситься как бы с тем, чтобы поскорей, *сразу*, без возможности колебания и возврата, прервать связь с окружающим миром. В воду «бросаются», а не ищут такого места, где бы надо было «входить» в воду, почти как по ступенькам. Топясь в Ждановке, Лукерья должна была войти в воду, нагнуться, даже сесть и не допустить себя встать, пока не отлетит от нее жизнь. Но это положение невысказанное! И зачем оно, когда в десяти шагах течет Нева, которая не часто отдает жизни тех, кто пойдет искать утешения в ее глубоких и холодных струях. Наконец, самое время для самоубийства выбирается такое, когда сама судьба послала ей семидневную отсрочку, когда она может вздохнуть и пожить на свободе без мужа, около сестры. Итак, это не самоубийство.

Но, может быть, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфене Суриной, а мужу Лукерьи можно было желать убить ее, и притом, если мы остановимся на показании обвиняемого, то мы должны брать его целиком, особенно в отношении Суриной. Он здесь настойчиво требовал от свидетелей подтверждения того, что Лукерья плакалась от

угроз Суриной udавить ee или утюгом хватить. Свидетели этого не подтвердили, но если все-таки верить обвиняемому, то надо признать, что Лукерья окончательно лишилась рассудка, чтобы идти ночью на глухой берег Ждановки с такою женщиною, которая ей враг, которая грозила убить ee! Скажут, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводив мужа. Но факты, неумолимые факты докажут нам противное. Егор ушел из бань в три четверти десятого, пришел в участок в десять минут одиннадцатого, следовательно, пробыл в дороге 25 минут. Одновременно с уходом из дому он вызвал Аграфену, как говорит Николаева. Следовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истечении этих 25 минут. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой через двадцать минут после ухода. Наконец, могла ли Сурина один-на-один сладить с Лукерьею, как мог сладить с нею ee муж и повелитель? Вот тут-то были бы следы той борьбы, которой так тщетно искала защита на платье покойной. И так, предположение о Суриной как убийце Лукерьи рушится, и мы приходим к тому, что показание Суриной в существе своем верно. Затем остаются неразъясненными два обстоятельства: во-первых, зачем обвиняемый вызывал Аграфену, когда шел убивать жену, и, во-вторых, зачем он говорил, по показанию Суриной, что «брал девку, а вышла баба», и упрекал в том жену в последние моменты ее жизни? Не лжет ли Сурина? Но, господа присяжные, не одними внешними обстоятельствами, которые режут глаза, определяется характер действий человека; при известных случаях надо посмотреть и на те душевные проявления, которые свойственны большинству людей при известной обстановке. Зачем он бросил тень на честь своей жены в глазах Аграфены? Да потому, что, несмотря на некоторую свою испорченность, он живет в своеобразном мире, где при разных, подчас грубых и не вполне нравственных явлениях существует известный, определенный, простой и строгий нравственный кодекс. Влияние кодекса этого выразилось в словах Аграфены: «Я вашего закона нарушать не хочу!» Подсудимый – человек самолюбивый, гордый и властный; прийти просто просить у Аграфены прощения и молить о старой

любви – значило бы прямо сказать, что он жену не любит потому, что женился «сдуру», не спросясь броду; Аграфена стала бы смеяться. Надо было иметь возможность сказать Аграфене, что она может нарушить закон, потому что этого закона нет, потому что жена внесла бесчестье в дом и опозорила закон сама. Не тоскующим и сделавшим ошибку, непоправимую на всю жизнь, должен он был прийти к Аграфене, а человеком оскорбленным, презирающим жену, не смогшую до свадьбы «себя соблюсти». В таких условиях Аграфена стала бы его, быть может, жалеть, но он не был бы смешон в ее глазах. И притом – это общечеловеческое свойство, печальное, но верное, – когда человек беспричинно ненавидит другого, несправедлив к нему, то он силится найти в нем хоть какую-нибудь, хотя вымышленную, вину, чтоб оправдаться в посторонних глазах, чтобы даже в глазах самого ненавидимого быть как бы в своем праве. Вот почему лгал Егор о жене Аграфене и в решительную минуту при них обоих повторял эту ложь, в виде вопроса жене о том, кому продала она свою честь, хотя теперь и утверждает, что жена была целомудренна.

Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство? Вы ознакомились с Аграфеною Суриною и, вероятно, согласитесь, что эта женщина способна вносить смуту и раздор в душевный мир человека, ею увлеченного. От нее нечего ждать, что она успокоит его, станет говорить как добрая, любящая женщина. Напротив, она скорей всего в ответ на уверения в прочности вновь возникшей привязанности станет дразнить, скажет: «Как же, поверь тебе, хотел ведь на мне жениться – два года водил, да и женился на другой». Понятно, что в человеке самолюбивом, молодом, страстном, желающем приобрести Аграфену, должно было явиться желание доказать, что у него твердо намерение обладать ею, что он готов даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словах, которым Аграфена не верит и над которыми смеется, но на деле. Притом она уже раз испытала его неверность, она может выйти замуж, не век же находиться под его гнетом; надо ее закрепить надолго, навсегда, поделившись с нею страшною тайною. Тогда всегда будет возможность сказать: «Смотри, Аграфена! Я скажу все, мне

будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдем, ведь из-за тебя же Лукерья душу загубил...»

Вот для чего надо было вызвать Аграфену, удалив во что бы то ни стало плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затем могли быть и практические соображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: я сидел в участке, а в участок шел с Грушей, что же – разве при ней я совершил убийство? Спросите ее! Она будет молчать, конечно, и тем дело кончится. Но в этом расчете он ошибся. Он не сообразил, какое впечатление может произвести на Сурина то, что ей придется видеть, он позабыл, что на молчание такой восприимчивой женщины, как Сурина, положиться нельзя... Вот те соображения, которые я считал нужным вам представить. Мне кажется, что все они сводятся к тому, что обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело, как настоящее, для разрешения своего потребует больших усилий ума и совести. Но я уверен, что вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своею бедною и ни в чем не повинною женою, он со всею строгостью привел его в исполнение. Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женою¹.

¹Кони А.Ф. Избранные произведения. – М.: Юрид. лит., 1980 – 496 с. (с. 297–312).

КИСЕЛЕВ Я. С. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ БЕРДНИКОВА

Товарищи судьи!

Я должен покаяться – слишком много мы, стороны, вносили горячности в допрос подсудимого и потерпевшей. Временами в судебном заседании бушевали страсти. Барометр показывал бурю.

Но в этом повинны не столько мы, сколько само дело. По нему невозможно вынести приговор, который в какой-то степени удовлетворял бы обе стороны, нельзя прийти к выводу: в чем-то право обвинение, а кое в чем права защита. Нет, одно из двух: или подсудимый – человек без совести и чести, он цинично преследовал потерпевшую, а теперь так же цинично клеветает на ее, или потерпевшая, которая отнюдь не потерпевшая, цинично обманывала честного и прямодушного человека, а когда обман должен был раскрыться, она, чтобы помешать этому, возводит ложное обвинение. Или – или! Третьего не дано.

Приступая к судебному следствию, каждая из сторон не только считала свою точку зрения единственно возможной, но любую иную рассматривала едва ли не как посягательство на истину. Но вот закончено судебное следствие. Все доказательства рассмотрены, исследованы, проверены. Не осталось ничего невыясненного или сомнительного. Все стало на свои места. А позиции сторон? Кое-что изменилось, но в главном они остались прежними. Спор продолжается. Но теперь уже нет места для страстей. В действие должен вступить точный, беспристрастный, выверенный анализ.

Наше дело должно было пройти сложный и трудный путь. Да и как могло быть иначе? Следствие еще не было закончено, не были получены последние объяснения обвиняемого, шел еще допрос свидетелей и никто, разумеется, не знал, что они покажут, а обвинение против Сергея Тимофеевича Бердникова было уже признано установленным и доказанным. Признано путем, для которого в законе нет основания, путем несправедливым, вызывающим острое чувство

протеста. За неделю до окончания следствия появился в газете тот самый фельетон «Чубаровец в конторке мастера», который приобщен к делу. В фельетоне как о чем-то совершенно достоверном доводится до общего сведения о преступлении Бердникова: 54-летний селадон понуждал к сожительству молодую, светящуюся нежным розовым светом невинности Наталию Туркину, попавшую на свою беду в зависимость от Бердникова.

Выступление печати! Оно, естественно, воспринимается как выражение общественного мнения. С вниманием и уважением мы относимся к нему. Тысячами читателей фельетон был воспринят как полное и верное отражение действительности. Вина Бердникова считалась доказанной еще до того, как дело пришло в суд.

Да, суд независим. Фельетон не может предрешить приговор. Все это самоочевидно. Но ведь не существует такого барьера, да и не нужен он, который отгораживал бы суд от общественного мнения, выраженного в печати. Не обинуясь, можно сказать, что появление фельетона потребовало от суда дополнительных усилий для того, чтобы подойти к делу непредвзято, чтобы освободиться от воздействия навязываемой точки зрения. Не сомневаюсь, суд с этим справился и справится. Но это не значит, что работа суда не была затруднена. В гораздо большей степени фельетон затруднил работу следователя. Следователь поторопился, надеюсь, теперь это уже очевидно, передавая материалы фельетонисту. Фельетонист поторопился с опубликованием своего опуса. И вот началось то, что психологи называют индукцией: сначала следователь вдохновил фельетониста, а затем фельетонист стал вдохновлять следователя. В самом деле, допустим, что после появления фельетона Бердников представил следствию убедительные доказательства своей невинности. В какое положение поставил себя следователь? Что ему делать? Прекратить дело? Казалось бы, единственное, что нужно сделать! А как быть с фельетоном? Материал-то давал он, следователь. Значит, нужно признать, что ввел в заблуждение общественное мнение, зря очернил честного человека. Нужно! Но... сколько «но» расставил на своем пути следователь. Впрочем, от этих

«но» можно и избавиться. Для этого надобно только одно: верить! Верить, несмотря ни на что, верить вопреки всему, верить, пренебрегая доказательствами, что Бердников виноват. Ведь если с ходу отвергнуть все доводы Бердникова, как бы они ни были убедительны, то тогда окажется, что фельетон, хотя и ставит в трудное положение, но только Бердникова, а не следователя.

Я не случайно начал с покаяния в горячности. Если страсти и разгорались, то не в малой степени повинен в этом злополучный фельетон. Фельетон приобщен следователем к делу. Зачем? Как доказательство? Фельетон им служить не может. Приобщен как мнение сведущего лица? И это невозможно, если следовать закону. Для чего же приобщен фельетон? Неужели для эдакого деликатного предупреждения судьям: «Вы, конечно, свободны вынести любой приговор, но учтите, общественное мнение уже выражено»? Нет, не могу я допустить, что обвинительная власть пыталась таким путем воздействовать на суд. Так для чего же приобщен фельетон? Неизвестно. Хорошо было бы, объясни нам это прокурор в реплике. Справедливости ради нужно отметить, что в обвинительной речи ни слова не было о фельетоне. Светлый облик Наталии Федоровны Туркиной, так любовно выписанный фельетонистом, настолько потускнел, что о фельетоне было неловко и вспоминать. Хотя облик Туркиной и претерпел изменения, все же ее показания по-прежнему, по мнению прокурора, остаются основой обвинения.

Что же, попытаемся проверить эти показания.

Суд их помнит, и если я позволю что-то повторить, то только потому, что теперь, когда все материалы дела проверены, легко обнаружить в показаниях Туркиной то, что раньше ускользало от внимания.

Наталия Федоровна Туркина, только что предупрежденная об ответственности за дачу ложных показаний, начала с заявления: «Я буду показывать только правду». Никто еще в этом не усомнился, а Туркина торопится рассеять сомнения. Но не будем к этому придирааться, отнесем это за счет того, что, как только речь заходит об ее правдивости, Наталия Федоровна становится особо чувствительной и щепитильной.

Но вот уже следующая фраза, дополнившая декларацию о правдивости, заслуживает особого внимания. Туркина возвестила: «Я не питаю никакого зла к Бердникову». Это звучит как едва прикрытая просьба о доверии – не питает зла, значит, не станет возводить ложное обвинение. И я, как защитник Бердникова, готов повторить вслед за Туркиной – верно, не питает она зла к подсудимому.

Стоит призадуматься, как могло случиться, что жертва не питает зла к обидчику? Бердников, если верить Туркиной, посягал на ее женскую честь, преследовал ее, ставил в невыносимое положение, позорил ее и клеветал на нее, словом, причинил ей из самых гнусных побуждений столько зла. Как же могло все это не возмутить ее? Вчуже пылаешь гневом против Бердникова, когда слышишь, как он издевался над беззащитной Туркиной. Как же ей, униженной и оскорбленной, не питать зла к нему?

Нет, если правда то, что Туркина показывала о Бердникове, то она говорит неправду, заявляя, что не питает к нему зла. Или, если говорит правду, что не имеет против него зла, то неправда все то, что она наговорила на Бердникова.

Не будем излишне строги к Туркиной. Может быть, первые неудачные фразы в ее показаниях объясняются волнением, таким понятным. Проверим, какова суть ее показаний.

Наталья Федоровна, сообщив суду, что она правдива и очищена от злых чувств, перешла к изложению фактов. Она показала, что была принята на завод по рекомендации и настоянию Бердникова. Эти показания ее верны. Она показывала, что Бердников, мастер, начальник смены, сам обучал ее токарному делу. И эти показания ее верны. Она показала, что бывали случаи, когда Бердников, хотя небольшую, но часть работы за нее делал, чтобы она выполнила норму. И эти показания ее верны.

Итак, ее показания о том, что Бердников внимательно и заботливо относился к ней несколько первых месяцев ее работы на заводе, полностью соответствуют действительности.

Туркина старательно работала, и это подтверждается. Следовательно, не было никаких деловых причин к тому, чтобы мастер изменил к худшему отношение к добросовестной

работнице. А отношения изменились. И очень резко. Бердников не то, что стал безразличен к той, к кому он был так заботлив, он стал враждебен, открыто, не скрываясь, враждебен. Туркина показывала: Бердников придиричиво выискивал брак в ее работе. И это подтвердилось. Туркина показывала:

Бердников выживал ее с завода. И это подтвердилось. Начальник цеха, свидетель Свиридов, припомнил: когда он пытался образумить Бердникова и убедить его быть справедливым к Туркиной, Бердников раскрыл свой замысел: «Гнать ее нужно с завода, гнать!»

Но почему «нужно гнать», не сказал.

Сами эти факты, о которых говорит Туркина, достаточно впечатляющи. И легко может показаться, что то объяснение, которое она дает этим фактам, похоже на правду. Наталия Федоровна, видя заботу и внимание мастера, была убеждена, что он все это делает, так сказать, по зову совести. Но как она ошиблась! Оказывается, Бердников расставлял силки, он надеялся склонить ее к сожительству. Действовал он осторожно, ничем не возбуждая ее подозрений. По простоте душевной она поделилась с Бердниковым своей радостью: муж, который свыше года был в отсутствии, приехал к ней. И тут-то Бердников, сообразив, что рушится все то, что он так коварно и так тщательно готовил, потребовал грубо и цинично: «Сожительствуй со мной!» Потребовал угрожая и запугивая. И только тогда открылись глаза у Наталии Федоровны. Это было для нее катастрофой. Так гибнет вера в человека. А когда возмущенная до глубины души Наталия Федоровна отвергла циничное предложение Бердникова, он стал выживать ее с завода.

И чтобы подтвердить и эту часть своих показаний, Наталия Федоровна еще на следствии предъявила записку Бердникова. Ярость лишила его осторожности, он, разоблачая себя, написал: «В последний раз говорю, не хочешь добром, заставлю».

Все в показаниях Туркиной как будто убеждает, все как будто свидетельствует о вине Бердникова. И все же... В суде нет ничего опаснее полуправды. Ложь полная и законченная, ее нетрудно обнаружить. Полуправда неизмеримо труднее

разоблачается. В полуправду вкраплены фактик, другой, а то и третий, каждый из них чем-то подтвержден, – вот и возникает нечто вроде психологической экстраполяции. Часть фактов верна, значит, и другая верна. А это вовсе не так.

Судебное следствие, проведенное так, что в значительной мере была выполнена работа, которую надлежало проделать следователю, дает нам право утверждать: показания Туркиной есть та полуправда, что на самом деле является только оболочкой для лжи. Для оценки показаний Туркиной самым важным, как это нередко бывает, оказывается не то, что в них есть, а то, чего в них нет, то, о чем предпочла умолчать Туркина.

В апреле этого года вернулся к Туркиной ее законный супруг, Александр Туркин. До его приезда чистая и наивная Наталия Федоровна и не подозревала о злом умысле Бердникова. Запомним это. А запомнив, постараемся разобраться, почему Туркина рассказ о своих отношениях с Бердниковым начинает с октября прошлого года, то есть с того времени, когда она пришла на завод. Почему начинает с октября? Разве задолго до начала ее работы на заводе не возникли, развились и окрепли ее отношения с Бердниковым? Об этих своих отношениях не только в трех своих показаниях на следствии, но и здесь, в суде, Туркина не промолвила ни слова до тех пор, пока в результате допроса у нее не была отнята возможность их отрицать. Что же было в этих отношениях такого, что побуждало Наталию Федоровну так старательно скрывать их?

Спрашивая так, не ставлю ли я, по известному присловию, телегу впереди коня? Не доказав еще, что были какие-то особые отношения, связывающие Бердникова и Туркину, я позволяю себе утверждать, что она их скрывает. Есть ли к тому доказательства?

Можно ли считать таким доказательством показания Бердникова? Он утверждал и утверждает, что Туркина с ним сожительствовала задолго до ее поступления на завод, когда не могло быть и речи о какой бы то ни было служебной зависимости. Но Бердников – подсудимый и, конечно, понимает, что для его оправдания необходимо вызвать недоверие к показаниям Туркиной.

Есть еще одно обстоятельство, которое, на первый взгляд, ослабляет доказательственное значение показаний Бердникова. На вопрос следователя Бердников показал, что никаких доказательств, подтверждающих его заявление о близости с Туркиной, он представить не может.

Следователь счел его заявление клеветой, вызванной стремлением снять с себя ответственность.

Следователя можно было бы понять, если бы он, прежде чем решить вопрос, кому верить, Бердникову или Туркиной, сделал бы все необходимое, чтобы разобраться в подлинном облике их обоих. Но даже намек на такую попытку в деле не найдешь. Поэтому и пришлось нам в суде так много заниматься тем, что надлежало сделать на предварительном следствии.

Клевещет ли Бердников? Чтобы обоснованно ответить на это, нужно присмотреться, и внимательно, к Наталии Федоровне Туркиной.

По показаниям Туркиной, она немногим более года назад приехала из Пскова к своей матери. Что делала, где и как трудилась Наталия Федоровна в Пскове? На следствии она об этом умолчала. Но в суде Туркина все же была спрошена, на какие средства она жила в Пскове? Товарищи судьи, вы помните ее ответ: «Жила на средства мужа». Отвечая, Наталия Федоровна не знала или не помнила, что по запросу суда получена копия приговора, которым осужден ее муж. Не буду упрекать ее за то, что она говорила неправду о муже. Свидетельница Варкушева показала, что Туркина ей жаловалась: муж ее, электромонтер, погиб на трудовом посту, в аварии. Так Туркина рассказывала пригорюнясь и свидетелю Прохорову. Наталию Федоровну можно по-человечески понять: не очень приятно разглашать, что муж отбывает наказание. Но есть одно обстоятельство, характеризующее Туркину значительно острее, чем ложь о муже. Когда Туркину спросили, зачем она живого мужа записывала в покойники, она без тени смущения, мгновенно найдясь, парировала обвинение во лжи: «Что из того, что он жив? Для меня он был мертв». Стыдно лгать, но проявлять такую «находчивость», когда уличена во лжи, пожалуй, еще стыднее!

Итак, выяснилось, в Пскове супруги Туркины жили на средства главы семьи – Александра Туркина. Из приговора видно, что Туркин в течение полутора лет совершил 14 краж. Совершал он их аккуратно, осмотрительно, долго не попадаясь, и совершал их вроде как по расписанию, примерно по одной краже в месяц. И любящие супруги, Наталия и Александр Туркины, жили на уворованное. Все это и называла Наталия Федоровна «жить на средства мужа». Жила, расходовала украденные деньги так, чтобы их хватило до следующей кражи, и ничего – не возражала.

Позволю себе выразить уверенность, что если бы следователь знал то, что узнано на суде, то Наталии Федоровне не было бы оказано столь широкое доверие, и при решении вопроса, кто из двоих говорит правду, она или Сергей Тимофеевич Бердников, вопрос не был бы столь категорически решен в пользу Туркиной.

Но, может быть, в Пскове Наталия Федоровна была под тлетворным влиянием своего супруга, а приехав в Ленинград, она сбросила груз прошлого и обновилась душой? Проверим, что же она делала в Ленинграде.

Следователю она сообщила, не вдаваясь в излишние подробности: сначала работала на конфетной фабрике, а затем перешла работать на завод, где трудился Бердников. Никакой проверкой показаний Туркиной следователь и не стал заниматься: разве можно оскорблять ее недоверием?! А судом была запрошена справка с конфетной фабрики, и выяснилось: снова сказала неправду Наталия Федоровна. Между ее работой на фабрике и поступлением на завод был перерыв в восемь месяцев, и эти восемь месяцев нигде не работала. На какие же средства жила она?

Теперь мы это уже знаем. Наталия Федоровна рассказала, что на кондитерской фабрике ее зарплата была невелика. Это Туркину не устраивало. Мать Наталии Федоровны, вспомнив, что знала жену Бердникова, умершую несколько лет назад, и надоумила дочь: Бердников живет один в двухкомнатной квартире, порядка ему, разумеется, в ней не навести, пусть Наталия сходит к нему, предложит убирать квартиру. Хоть небольшой, все же приработок. Как сказала старушка-мать, так и сде-

лала послушная дочка. Бердников сначала отказался от ее услуг, но затем согласился. Так стала Наталия Федоровна убирать квартиру одинокого Бердникова. Ничего больше! Только убирать. Работодатель и работница – все отношения. «И пусть будет стыдно тому, кто плохо думает», как говорят французы. И так убирала все те восемь месяцев, которые не работала, и платы за уборку квартиры хватало на жизнь Наталии Федоровне. Честным трудом зарабатывала на жизнь. Похвально. Почему же стала это скрывать?

Да, Бердников ответил на следствии, что он не может представить доказательств близости, возникшей между ним и Туркиной, но едва ли нужно было следователю удовлетворяться этим ответом. Сергей Тимофеевич Бердников – пожилой человек, совершенно не искушенный в вопросах права, потрясенный позорным обвинением, на него возведенным, растерянный и вместе с тем полный понятной ярости, разве мог он без посторонней помощи разобраться в том, что может или не может служить доказательством? Ведь он и слыхом не слыхивал, что существуют прямые и косвенные доказательства и что значение последних может быть не меньше, чем прямых.

Разве мог он знать, какие обстоятельства могут стать косвенными доказательствами? Разве не было обязанностью следователя, стремящегося к отысканию правды, помочь Бердникову в спокойной и неторопливой, не омраченной недоверчивостью беседе, именно беседе, а не допросе, выяснить, нет ли чего-либо такого, что Бердникову и не кажется доказательством, а в самом деле доказывает правдивость заявления Бердникова о его отношениях с Туркиной? Выполни правильно свой долг следователь, и доказательства выявились бы, как выявились они в суде!

Выявились с такой убедительностью, что прокурор в обвинительной речи признал: да, в этой части Наталия Федоровна солгать изволила, она действительно была в интимных отношениях с Бердниковым задолго до ее поступления на завод. Прокурор признал доказанным, что Туркина оставила работу на конфетной фабрике, предпочитая жить, ничего не делая, за счет Бердникова. Не признать интимных связей

между Бердниковым и Туркиной, сколько бы она это ни отрицала, было невозможно после показаний свидетельницы Екатериносинской, допрошенной впервые только в суде. Свидетельница владеет домом в Ольгино, это у нее в доме в августе прошлого года снимали на месяц комнату Бердников и Туркина. Жили они в одной комнате, рекомендовались как муж и жена, вели общее хозяйство.

Ложь Туркиной, отрицавшей близкие отношения с Бердниковым, была разоблачена.

Эти близкие отношения прокурор считал аморальными и в них в первую очередь винил Бердникова. Эти отношения действительно аморальны, но по чьей вине, к кому следует обратиться упрек?

Да, верно, между Бердниковым и Туркиной большая разница в возрасте: 54 года и 31. И нет в Бердникове ничего такого, что могло бы привлечь к нему молодую и милостивую женщину. Угрюм и мрачноват Сергей Тимофеевич. Да и как ему быть другим? Безрадостными были последние, перед встречей с Туркиной, годы его жизни. Еще семь лет тому назад все хорошо было у Бердникова. С женой жил душа в душу. Двумя своими сыновьями гордился. И внезапно, когда ничего не предвещало грозы, врачи обнаружили у жены Сергея Тимофеевича неизлечимую и быстро развивающуюся опухоль в мозгу. Операция и смерть на операционном столе. Вскоре старший сын ушел в армию и остался на сверхсрочной. А младший сын женился и перешел в семью жены. И стал дом Бердникова домом Бердникова, опустевшим, затихшим и бесприютным. Остался Бердников один, и это в 47 лет. Сил еще много, а они только тягостят. Одни люди борются с горем, не дают ему взять верх над собой. А другие без борьбы смиряются с ним. И горе хозяином расселяется в доме. И жизнь становится хмурой и тягостной. И чем дальше, тем все более хмурой и тягостной. Бердников, человек по натуре сильный, оказался немощным перед горем.

Вы слышали отзывы свидетелей Варкушевой, Сергеевко, Прохорова. Если где и жил Бердников, то только на работе. Но и там замечали, что он становится все более угрюмым, ушед-

шим в себя. Ровен, справедлив, но людей вроде как сторонился: не то не хотел их омрачать своим горем, не то опасался, как бы не начали они проявлять к нему жалость.

Трудно так жить из года в год. Но ничего не делал Сергей Тимофеевич, чтобы изменить свою жизнь. Тащились медленно и безрадостно дни. И привык к этому, но и тяготился. Таким застала его Туркина.

В первых же своих показаниях она, верная своей манере оспаривать обвинение, которое еще никто не выдвигал, стала заверять: «Завлекать Бердникова – не завлекала».

Так ли это? Вспомним еще раз выдумку Наталии Федоровны о смерти своего мужа. Не спору, не так уж проницательна и тонка Туркина, чтобы разобраться сразу же в душевном состоянии Бердникова, но в житейской хватке и смекалке супруге Александра Туркина не откажешь. Она сообразила, что если чем и можно пронять Бердникова, то только одним: сочувствием к горю. Горю, схожему с тем, что выпало на его долю. Бердников всенепременно посочувствует, так сказать, «сестре по несчастью». И, не затрудняя себя разными моральными запретами, «открылась» Бердникову: горе у нее горькое, молодого мужа схоронила, вдовствует, бедняжка!

«Завлекать – не завлекала», избави боже, но выдумать, что она вдова и во вдовстве своем в утешении нуждается, – выдумала!

Но разве это единственная, говоря мягко, выдумка Наталии Федоровны, сочиненная для того, чтобы растрогать Бердникова? А насквозь лживый рассказ о том, что ее мать больна, за ней нужен уход, и мечется бедная Наталия Федоровна: на фабрику пойдет – мать нельзя одну оставить, дома останется – кормить мать не на что будет. А в судебном следствии установлено: мать здорова и непрерывно работала на «Красном треугольнике».

Неплохо придумала Наталия Федоровна! И не только потому, что выдумка открывала для нее кошелек Бердникова. Неплохо придумала и потому, что женским чутьем своим угадала: крепче всего привяжет к себе Бердникова, если он почувствует себя нужным ей. Закостеневшему в своем одиноче-

стве Сергею Тимофеевичу было так внове и вместе с тем так радостно чувствовать себя кому-то нужным, сознавать, что может кого-то радовать, облегчать жизнь. Быть нужным Туркиной стало для Бердникова потребностью, которая росла с каждым днем. Он-то считал, что необходим ей, а на самом деле мало-помалу Туркина делалась необходимой ему, как бы снова обретшему жизнь.

Говоря так, не забываю ли я, что Бердников почти вдвое старше Туркиной, что за его плечами большая жизнь? Неужели можно допустить, что Туркина водила его вокруг пальца, а он так ничего и не замечал?

Ошибочно было бы думать, что существует прямая пропорция между возрастом и умением разбираться в людях, между возрастом и способностью распознать ложь и лицемерие, во что бы они ни рядились. Бердникова жизнь не баловала, но от встреч с дурными людьми долго оберегала. Он остался прямодушным и бесхитростным. А такие всегда доверчивы. Боюсь, что это прозвучит сентиментально, но ничего не поделаешь, такова правда: в пожилом, много пережившем Бердникове осталось немало наивного. Достаточно, чтобы поддаться обману.

Вот как случилось, что он поверил Туркиной. И больно, и горько, и унижительно было Бердникову здесь в суде рассказывать, в какое нелепое и смешное положение попал он: на пороге старости он, как мальчишка, поверил в то, во что нельзя было поверить. Туркина, лукавая и хитря, плела небылицы, и он сочувствовал ей и от всего сердца стремился помочь. Она «поверяла» ему, как тяжело она переносит смерть мужа, и он верил ей. Она «поверяла» ему, что ей в ее состоянии больше всего нужна верная и надежная мужская рука, которая защитила бы от бед и напастей, и Бердников верил ей. Туркина стыдливо «призналась», что она стосковалась по покою, по уверенности в завтрашнем дне, по всему тому, что ей может дать только он один, Бердников, ее единственный друг и покровитель. Бердников и в это поверил.

Так постепенно вкралась Наталия Федоровна в доверие, а затем и в сердце Бердникова. И когда они стали близки, то

для Туркиной это была, как бы помягче сказать, деловая сделка, а для Бердникова вновь обретенная семейная жизнь.

Нет, не было оснований у прокурора упрекать Бердникова в аморальности. Сергей Тимофеевич не «брал на содержание» Туркину. Сергей Тимофеевич не из тех людей, которые легко привязываются. Он из тех, кто, почувствовав привязанность и тепло к человеку, распахнет сердце настежь. Иначе не умеет.

В какой-то мере это признается и в обвинительной речи. Но делается из этого неожиданный вывод: Бердников действительно испытывал привязанность к Туркиной. А когда она после приезда мужа прервала отношения с Бердниковым, то он, не желая с этим смириться, стал понуждать ее к сожительству, используя служебную от него зависимость.

Как видите, обвинение значительно изменилось. Но и в изменившемся виде оно образует тот же состав преступления.

Но, проверяя обоснованность этого обвинения, мы не можем не признать, что значительно изменилось и наше отношение к источникам доказательств. Если раньше показания Туркиной воспринимались обвинением как незыблемый оплот истины, как трубный глас правды, то сейчас основывать свои выводы на них было бы по меньшей мере неосторожно.

Мы можем и вправе, в полном соответствии с требованиями закона, придать доказательственное значение объяснениям Бердникова. И не в том только дело, что все то, что он показывал, нашло, как мы убедились, объективное подтверждение. Важно, крайне важно для Сергея Тимофеевича, чтобы он почувствовал, что ему верят, вопреки показаниям Туркиной, верят, отвергая ее показания, верят ему, не доверяя ей. Такое доверие значит сейчас для Бердникова больше, чем даже вопрос о том, как решится его судьба. Зло, которое причинила ему Туркина, вовсе не исчерпывается тем, что она возвела на него ложное обвинение. Нет, самое большое зло, самую большую обиду принесла ему Туркина до того, как возникло дело, когда о возведении обвинения она еще и не помышляла. И об этом зле, которое причинила Туркина, причинила расчетли-

во, сознавая размер зла и нисколько этим не смущаясь, я не имею права не сказать.

С октября прошлого года по апрель нынешнего были светлыми месяцами в жизни Бердникова: Наталия Туркина уступила настояниям Бердникова и стала работать. Он не понимал, как может молодая, крепкая женщина нигде не работать. Это было для Сергея Тимофеевича тем более неприятно, что Туркина, уже уверенная в своей власти над Бердниковым, перестала глать о болезни матери. Туркина пошла навстречу желаниям Бердникова и начала работать на заводе, значит, они будут почти неразлучны.

Туркина оказалась способной к работе и действительно, к чести Наталии Федоровны нужно сказать, увлеклась ею. Не нарадоваться Бердникову на Туркину. Все чаще заходит речь о том, что им нужно съехаться, и Туркина никак не возражает, только то по одной, то по другой причине откладывает переезд. Словом, все безоблачно. 14-го апреля приезжает Александр Туркин. Приезд его был неожиданностью. Я не имею никаких оснований брать под сомнение привязанность Туркиной к своему мужу, как нет у меня оснований отвергать его любовь к своей жене. Ведь явно неверно представлять себе, что если Туркин совершал кражи, то он неспособен на подлинное человеческое чувство. И естественно, что, любя свою жену, он не потерпел бы, чтобы она длила связь с Бердниковым. Это было ясно и Туркиной. И она заметалась. Порвать нужно и сейчас же! Но как это сделать, никак не подготовив Бердникова? Трудное положение: нельзя правду открыть, но и скрывать ее невозможно. Очевидно, в самооправдание она и солгала мужу, что Бердников понуждал ее к сожительству. Солгала, убежденная, что дальше мужа это не пойдет. И, ломая голову, как уладить то, что она своей ложью так усложнила, Туркина решила несколько дней не ходить на работу, авось, что-нибудь за эти дни и придумается. Это было худшим из решений. Бердников, ничего не зная, обеспокоенный ее отсутствием и тем, что никаких вестей о себе не подает, пришел к Туркиной.

Мы видели поведение Туркина на суде, как часто приходилось призывать его к порядку. Можно без труда понять, как

вел он себя дома, чувствуя себя оскорбленным в лучших чувствах и видя перед собой оскорбителя.

Даже Туркина вынуждена была признать: «Сергей Тимофеевич ничего мужу не отвечал, стоял и молчал, будто его мешком по голове стукнули». Нет, для Бердникова это было куда чудовищнее и страшнее. Внезапно, когда он менее всего этого ожидал, раскрылось: Туркина лгала, лгала все время, лгала про все. Лгала про мужа, лгала, что хочет связать свою жизнь с Бердниковым, лгала про свои чувства. Но не только бесстыдно его обманывала. Она отдала его добрые чувства, его привязанность к ней, его доверчивость на посмеяние, на поругание. Было от чего Бердникову прийти в отчаяние, и, словно для того, чтобы уже полностью залить душу Бердникова горечью, Туркина согласилась, только подумать, согласилась исполнить то, что говорил Александр Туркин: «Гони его, гони, чтобы я слышал», – требовал Туркин. И Туркина это сделала!

Рассказывать об этом и то очень тягостно. Что же должен был перечувствовать Сергей Тимофеевич! Какая боль, мука и стыд жгли его! И ни с кого не спросишь. Только с себя. И горькой, все обостряющейся мукой стали для него каждодневные встречи на заводе с Туркиной.

Уйти самому с завода? На нем он проработал всю жизнь. Работа – единственное, что у него осталось. Уйти с завода – на это у него не хватит сил. И он потребовал, да, потребовал, чтобы Туркина ушла с завода. И когда она не захотела уйти (не могу разобраться, почему Туркина держалась за работу на заводе, но держалась), Бердников стал, нарушая в какой-то мере служебные права, выживать ее с завода. Тут есть нарушение служебных обязанностей, и если у кого хватит сердца поставить ему это в вину, пусть поставит.

Но прокурор видит в резком изменении отношения Бердникова к Туркиной, видит в снижении ее заработка и ухудшении условий ее труда только одно: понуждение к сожительству.

Да, все было: и снижение заработка, и ухудшение условий работы. Но ведь это не все, что можно выдвинуть против Бердникова. Прокурору следовало бы сказать и о том, что бесспорно установлено: Бердников выживал Туркину с завода, делал все, что мог и на что не имел права, чтобы она ушла с

работы. Почему об этом умолчал прокурор? Ведь это должно было вызвать наибольший гнев обвинителя: старательную работницу выживают с завода! Громите! Клеймите! Обрушьте обвинение со всей силой! А обвинитель молчит. Впрочем, молчание это не столь уж загадочно. Чем отчетливее выявляется стремление Бердникова к тому, чтобы Туркина ушла с завода, тем меньше остается оснований обвинять его в понуждении к сожительству, используя ее служебную зависимость. Ведь с уходом Туркиной с завода исчезает ее служебная зависимость, Бердников теряет единственный способ воздействия на нее.

Признав, что Бердников выживает Туркину с завода – а не признать это невозможно, прокурор понимает, что это означает признать установленным, что Бердников сознательно лишал себя средств понуждения.

А теперь становится понятным и смысл той записки, которую пыталась выдать Туркина за способ понуждения.

Туркина оставалась на заводе, оставалась, зная, какую муку причиняет Бердникову. Боясь за себя, боясь, что, встретившись с Туркиной с глазу на глаз, он не совладает с собой, Бердников и написал: «В последний раз говорю, не хочешь добром, заставлю». Он не дописал: «уходи с завода». Из записки, в самом деле, не видно, что он требует ее ухода с завода. Он-то считал, что дьявольски хитро и осторожно написал свою записку, а она едва не превратилась в опасную улику. Думается, теперь можно сказать: обвинение против Сергея Тимофеевича Бердникова не выдержало судебной проверки.

Но остается ответить еще на последний вопрос: что же толкнуло Наталию Федоровну Туркину на возведение ложного обвинения?

Не хочу быть несправедливым к Туркиной. Думается: заявляя начальнику цеха о притеснениях, которым ее подвергал Бердников, о его домогательствах близости с ней, она и не предполагала, что это ее заявление поведет к возбуждению уголовного дела против Бердникова. Верю, что Туркина не хотела зла Бердникову. Могло быть и так: Туркина опасалась, что Бердников, возмущенный тем, что она сотворила,

с кем-нибудь поделится, и пойдет о ней худая слава, а вот если она заявит о том, что Бердников склоняет ее к сожительству, а она не соглашается, то веры Бердникову не будет. У Туркиной могли быть разные мотивы: она, возможно, заявила и для того, чтобы начальник цеха помешал Бердникову притеснять ее.

Неожиданно для Туркиной начальник цеха дал официальное движение ее заявлению, и она попала в плен собственной лжи. Когда ее вызвали на первый допрос, Туркина оказалась перед выбором: или признать, что она оклеветала Бердникова, не понуждал он ее к сожительству, и тогда ей, Туркиной, надлежит нести ответ за возведение ложного обвинения, или же подтвердить обвинение. Недолго колебалась Туркина. Так и возникло обвинение против Бердникова.

Верю, что Наталия Федоровна в глубине души хочет, чтобы вы ей не поверили, хотя прокурор ей и поверил, но, очевидно, с какими-то оговорками, если просил об условном наказании для Бердникова.

Но разве наказание страшит Бердникова!

Самым страшным и самым тяжким было бы для него, если бы вы поверили Туркиной. Лгать и оставаться неразоблаченной, обмануть доверие и быть признанной правдивой, надругаться над человеком и добиться, чтобы его признали виновным, что может быть страшнее!

Туркина сделала все, что могла, чтобы убить в Бердникове веру в правду, в справедливость, в чистоту и ясность чувств и отношений. Нужно исправить то зло, что причинила Туркина. А это можно сделать только оправдательным приговором. Приговор вернет веру Бердникова в то, что ложь рано или поздно, но обязательно разоблачается, а хитрость посрамляется¹.

¹Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб. пособие – М.: Юристь, 1999. – 384 с.

РОССЕЛЬС В.Л. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ СЕМЕНОВЫХ

Товарищи судьи!

Старый рабочий, слесарь Семенов никогда не забудет тот холодный декабрьский день, когда он встретил давнишнего знакомого, почтенного, уважаемого и занимающего, с его точки зрения, высокое положение главного бухгалтера главка Любомудрова.

Знакомство с Виктором Ивановичем Семенов ценил, оно казалось ему даже лестным.

Встречи этой ему не забыть.

Навсегда сохранится в памяти Семенова и просьба, с которой обратился к нему Любомудров. «Гавриил Борисович, – сказал он, – машинистка наша перепечатала для учреждения не входящую в ее обязанности работу, а оплатить ей, штатной машинистке, сверх заработной платы тысячу рублей как-то неудобно. Не поможете ли? Да в чем сомневаетесь? Ведь это же совсем просто. Я выпишу по счету вашей жене деньги на ее имя, вы с ее доверенностью их получите, передадите мне, а я – машинистке. Вот как приходится обходить бюрократические формальности», – вздохнул он.

Екнуло, сильнее забилося сердце у Семенова: «Хорошо ли?» Но тут же одумался.

«В чем дело, в конце концов? Тысячу рублей получу, полностью отдам, и машинистка своего не потеряет. Что же тут плохого? Да и не кто-нибудь просит, а Виктор Иванович...»

Согласился...

Разговор этот, как на камне высеченный, из памяти его не изгладится.

Как обещал, так и сделал.

Полина Александровна по просьбе мужа написала счет и доверенность, а он, получив по изготовленной Любомудровым на имя его жены доверенности тысячу рублей, передал их Любомудрову.

«Спасибо, Гавриил Борисович». – «Да что вы, не за что, Виктор Иванович».

И только значительно позже, у следователя, Семенов узнал, что не было никакой работы, никакой машинистки, что старый знакомый, почтенный, уважаемый главный бухгалтер главка Виктор Иванович Любомудров обманул его и жену.

«Поверить не мог. Потемнело в глазах, подкосились ноги, стали как ватные», – вспоминал здесь об этом Семенов.

Все так, как было, рассказали Семеновы следователю, и он поверил и тому, что они обмануты Любомудровым, и их бескорыстию.

Да и как было не поверить Семеновым, которым проще было бы утверждать, что Полина Александровна действительно работала и за работу получила законно причитавшееся ей вознаграждение.

Но Семеновы говорят правду – никакой работы Полина Александровна не выполняла, да и не в состоянии была по объему своих знаний и компетенции выполнить работу, о которой она и представления не имела.

Легко было проверить Семеновых еще и потому, что в аналогичном положении оказались и другие простые душой люди, бескорыстие которых было выгодно использовать Любомудрову и которых он, как и Семеновых, убеждал, что они делают хотя по форме неправильное, но по существу доброе дело.

Поверил Семеновым следователь и, несмотря на это, внес их в список тех, кому суждено было разделить скамью подсудимых с Любомудровым.

И вот они перед вами.

Такова горькая судьба этих неискушенных, слишком доверчивых людей, прошедших весь свой долгий путь по прямым и светлым дорогам жизни, не ведая о кривых и темных ее переулках, о звериных ее тропах, по которым бродят хищники.

Мы слышали здесь прокурора.

И он поверил Семеновым, но... тем не менее предлагает осудить их как соучастников Любомудрова, обвиняемого в хищении.

И вот Семеновы, всю жизнь прожившие рука об руку и здесь сидящие рядом, поникшие и растерянные, с тоской внимают речи прокурора, искусно доказывающего, что обманувший Любомудров и обманутые им Семеновы связаны одним общим умыслом, направленным на хищение тысячи рублей, как будто у рыбака и трепещущей в его хитро сплетенной сети рыбы возможен общий умысел.

Можно ли согласиться с прокурором, утверждающим «виновны и должны быть осуждены», или прав защитник, говорящий «невиновны, должны быть оправданы!»

Вам придется решить, кто из нас прав.

Вы помните, товарищи судьи, что Семенов на вопрос, признает ли он себя виновным, ответил: «Тысячу рублей получил и отдал их Любомудрову, в этом каюсь, но у меня и в помыслах не было содействовать ему в хищении».

В этих простых, бесхитростных словах заключено содержание, имеющее серьезное правовое значение. «И в помыслах не было» – это значит на языке права «не было умысла».

Хищение – преступление умышленное, и само собой разумеется, что Семеновы могли бы быть осуждены за участие в этом преступлении только в том случае, если была бы установлена их умышленная вина.

Однако наличие умышленной вины предполагает раньше всего сознание лицом фактических обстоятельств, образующих соответствующий состав преступления.

Но ведь прокурор согласен, что здесь именно те фактические обстоятельства, которые образуют состав хищения, и были скрыты от Семеновых.

Ведь в их представлении, в противоречии с действительностью, существовали и машинистка, и работа, за выполнение которой ей законно причиталось получить тысячу рублей.

Но если в сознании Семеновых не создалось представления о готовящемся Любомудровым хищении, то не может быть и речи об умышленной их вине.

Далее, у участников хищения должен быть общий, направленный на совершение этого преступления умысел.

Однако и этого не отрицает прокурор, прямой умысел Любомудрова был направлен на хищение тысячи рублей, а умысел Семенова – на уплату этой суммы машинистке за произведенную ею работу.

И, наконец, эти соображения, устанавливающие отсутствие умышленной вины у Семеновых, подкрепляются и тем имеющим самое серьезное значение обстоятельством, против которого также не спорит прокурор, что Семеновы никакой корыстной или иной заинтересованности не имели.

Этот факт делает предположение о соучастии Семеновых в хищении государственного имущества совершенно необоснованным, предположение это повисает в воздухе, лишенное почвы, на которой могло бы вырасти соучастие в тяжком, касающемся экономической основы государства преступлении, грозящем преступнику суровым наказанием.

Вот почему полагаю, что в споре с прокурором я прав. Обманутые Семеновы не могут быть осуждены за соучастие с Любомудровым в хищении государственного имущества.

Однако остается еще серьезный уголовно-правовой вопрос. Семеновы без умысла, направленного на хищение, бескорыстно передали Любомудрову тысячу рублей, но деньги эти они получили из кассы главка подложно, за работу, которую они не делали.

Можно ли считать их действия безразличными с точки зрения закона?

Ответ находим в законе.

Подлог предусмотрен ст. 72 и 120 УК нашей республики. Обе эти статьи не предусматривают подлогов, бескорыстно совершенных частными лицами. Такой подлог не является преступлением и уголовно не наказуем.

Стало быть, Семеновы не участвовали ни в хищении, ни в совершении уголовно наказуемого подлога и должны быть судом оправданы.

Этим, казалось бы, я исчерпал свою непосредственную задачу защитника.

Но я не могу и не хочу уйти при оценке поведения Семеновых от общественного долга защитника, обязывающего

меня ответить еще на один, настоятельно требующий разрешения вопрос.

Можно ли считать соответствующим интересам государства и общества, справедливым, честным, заслуживающим уважения и одобрения поведение Семеновых, получивших подложно из государственного учреждения не причитающиеся им деньги, хотя бы переданные впоследствии тому, кому, по их убеждению, они причитались? Конечно, нет.

Такие действия наше общество никогда не сочтет соответствующими нормам поведения советского человека. Семеновы не нарушили норм права, воплощенных в уголовном законе, но нарушили нормы морали, которые хотя и не поддерживаются силой государственного аппарата, но поддерживаются силой общественного мнения относительно того, что является правильным или неправильным, справедливым или несправедливым, хорошим или дурным.

Нормы социалистического права и нормы социалистической нравственности, отличаясь друг от друга источником силы, принуждающей к их исполнению, связаны, как два ствола одного корня, общим происхождением, проникают друг в друга и, находясь между собой в неразрывном взаимодействии, служат одной и той же цели – построению коммунизма.

Эта их общность и тесная связь вытекают из самой природы нашего социалистического права и социалистической нравственности, между которыми нет пропасти и которые, наоборот, покоясь на одних и тех же принципах, граничат друг с другом.

Семеновы, несомненно, нарушили нормы нравственности. Может ли защитник, «добру и злу внимая равнодушно», пройти мимо такого рода нарушения и не высказать слов морального осуждения?

Конечно, нет. Не может этого сделать и суд...

Судебный зал – лаборатория, в которой формируется общественное сознание граждан, поэтому здесь громко должны прозвучать слова осуждения неправильных, недопустимых

действий Семеновых. Но нарушение норм морали влечет моральное, а не уголовно-правовое осуждение.

Моральную недопустимость своего поведения сейчас понимают и Семеновы.

Семенов сказал: «Винным себя не признаю, но каюсь в том, что я сделал». Это значит: «Я не нарушал норм уголовного закона, а нарушил нормы социалистической морали и в этом раскаиваюсь».

Он и на этот раз, как всю жизнь, сказал правду.

В правде, в труде, в уважении, в любви друг к другу, к людям, к своему государству, не омраченная столкновениями с законом, протекала спокойная жизнь рабочего Гавриила Борисовича Семенова и его жены, скромной служащей Полины Александровны.

И вдруг...

Нет, никогда не забыть им Любомудрова, никогда не изжить им постигшего их на склоне лет разочарования, никогда не погаснут в их памяти эти тяжкие дни...

Они совершили, и они сознают это, противообщественный проступок, но они не совершали преступления. Морального осуждения они заслуживают, и они его уже получили. Но для их осуждения в уголовном порядке и применения к ним уголовного наказания нет законного основания. Я прошу их оправдать¹.

¹Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб. пособие – М.: Юристь, 1999. – 384 с.

**ГРОМНИЦКИЙ М.Ф. ОБВИНТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПО
ДЕЛУ О БЫВШЕМ СТУДЕНТЕ ДАНИЛОВЕ**

Господа присяжные! Преднамеренное, с целью грабежа убийство отставного капитана Попова и его служанки Марии Нордман, мошенническое присвоение чужой собственности и наименование себя чужими фамилиями – вот совокупность тех преступлений, в которых обвиняется подсудимый и которые подлежат вашему обсуждению. Так как убийство составляет здесь неизмеримо важнейший пункт обвинения, то я начну с этого пункта. Чтобы вы могли лучше судить о личности покойного Попова и дабы вам понятнее стала сама цель преступления, я познакомлю вас с обстоятельствами, предшествовавшими 1 января.

До 1865 года отставной капитан Попов проживал в Финляндии, где у него были родные и недвижимое имение. В 1865 году он продает свое недвижимое имение и переселяется в Москву. За имение он выручил 23 тысячи рублей. В верности этой цифры удостоверяет и список банковских билетов, найденный в квартире убитого, и такой же список, присланный его родными. Сами билеты не найдены. Были ли у него наличные деньги, неизвестно. Но если и были, то немного. В сентябре 1865 года он переселился в Москву и 5 октября поселился в квартире дома Шелягина. Из переписки с родными, найденной между бумагами убитого, видно, что Москва произвела на него весьма хорошее впечатление. С удовольствием рассказывает он о московской жизни, о своей уютной квартире; с восторгом отзывается о здешнем театре и, наконец, сообщает, что записался в библиотеку, откуда намерен брать книги для чтения. Вообще из этой переписки можно вывести то заключение, что Москва давно влекла его к себе воспоминаниями, которые он хранил о ней как о месте своего прежнего служения. Не могу не упомянуть также, что родные, до переезда его в Москву, предлагали ему отдать свои деньги под залог домов и земель. Но на это он отвечал им, что считает достаточными для прожития проценты, получаемые им от своих банковых билетов, и отказывается от этого предложе-

ния; а потому родные удивляются слухам о том, что он стал заниматься отдачей денег под залог вещей, и полагают, что его кто-нибудь подбил на это не совсем почетное занятие. Из сведений, собранных по делу, можно утверждать положительно, что у него не было никаких знакомых в Москве. Если его кто действительно подбил к этому, то это, вероятно, была не кто иная, как кухарка его, Нордман. Ее личность отчасти также обрисовывается из переписки. Это была женщина чрезвычайно домовитая и большая экономка. Попов описывает, как он накопил различные принадлежности хозяйства и в каком она была от этого восторге. С этой женщиной, сорока четырех лет, жил Попов в совершенном уединении. И вот 14 января оба они найдены убитыми.

Вы слышали подробный медицинский осмотр, и я не стану повторять памятные вам, без сомнения, подробности кровавого дела. Скажу только, что все находившееся в комнатах разбросано было в страшном беспорядке. Следы крови заметны были всюду до самой лестницы. Что убийство совершено с целью грабежа, доказывалось тем, что не найдено ни банковских билетов, ни наличных денег. Таким образом, состав преступления был определен вполне. Для следователей предстояла трудная задача – открыть, кто совершил убийство. Задача эта делалась труднее при той особенной обстановке, в которой жили покойные, при отсутствии малейшего указания на какую-либо связь с окружающей их средой. Следов убийца не оставил, кроме крови.

Мы знаем, что следователи преодолели все эти трудности. Мы имеем перед собой образцовое следствие. Сначала же они могли только определить время совершения преступления. Следователи смело определили, что оно совершено 12 января, и притом вечером. Мнение это обосновывалось, во-первых, на стенном календаре, который показывал число 12-е, во-вторых, на показании водовоза, что кухарка ежедневно брала у него ведро воды и что в последний раз она взяла у него воду 12-го, наконец, третьим показанием послужили часы в комнате Попова: эти часы остановились на 6 часах 43 минутах. Часы эти были такого устройства, как объяснили приглашенные часовые мастера, что их стоило толкнуть, чтобы они тотчас остановились. Таким образом, определен был не толь-

ко день, но даже час и сама минута совершения преступления. Мы знаем, что это предположение следователей вполне подтвердилось впоследствии показанием самого подсудимого. Далее, следователи определили, что у убийцы непременно должна быть ранена левая рука. Вам известны основания этого предположения и насколько оно впоследствии тоже подтвердилось. Наконец, следователи не могли не обратить внимания на две записки, найденные тут, которые подписаны были Григорьевым. По книге, в которой записывалиськлады, оказалось, что Григорьев заложил Попову перстень и билет за № 09828. В книге адресов адрес Григорьева был записан. Адрес этот, по справкам, оказался фальшивым. Кроме того, сделаны справки о самой личности Григорьева. Такой личности во всей Москве не оказалось. Все эти данные дозволяли предположить, что убийца скрывается под именем Григорьева. Кроме того, найдено было письмо Попова к Феллеру, которое указало на знакомство последнего с убитым, и у него-то добыты первые указания на таинственного обладателя перстня. Феллер и его приказчики, в особенности мальчик его, Шохин, заявили, что черты этого господина, которые они описали, врезались в их память. Кроме того, Феллер припомнил, что это лицо называло себя Всеволожским. Здесь, на судебном следствии, подсудимый заподозрил это показание Феллера, утверждая, что этим именем не назывался. Но именно то, что Феллер не сразу припомнил эту фамилию, а лишь через несколько дней, доказывает справедливость его показаний; иначе, кто же мешал ему назвать тотчас же первую, пришедшую на ум, вымышленную фамилию и кто мог бы уличить его в этом? С тех пор как Феллер и его приказчики дали эти указания и вплоть до 31 марта производились поиски – они продолжались два месяца, – и в это время было заподозрено много личностей, но подозрения оказались несостоятельными.

31 марта было Светлое воскресенье. Зная, что в дни больших праздников больше всего бывает движения на московских улицах, полиция поручила своим агентам и Шохину следить особенно зорко за проезжими. Шохин подметил знакомое ему лицо, проследил его до квартиры. Оказалось, что это студент Данилов. Он взят был в том самом пальто, в котором

был в магазине Феллера. Первоначально замечено было, что у Данилова находятся следы раны на левой руке. По обыску в его квартире ничего подозрительного не нашли, но захватили несколько бумаг, написанных рукой Данилова, для сличения его почерка. На первом допросе Данилов от всего отрекся: он показал, что никогда не знал Попова, никогда не бывал у Феллера, никакого перстня не закладывал и Григорьевым не назывался, весь день 12 января и вечер провел безвыходно дома. Но полицией собрано уже было тогда против него достаточно улик. Случайно узнали о его отношениях к закладчику Рамиху, имя которого он шепнул своей матери при свидании. От Рамиха узнали, что он приносил оценивать к нему перстень и что у него был заложен билет № 09828. Билет этот, выкупленный у него Даниловым 8 января и заложенный 11 января у Попова, тот самый билет, который оказался похищенным в числе других из квартиры Попова. Записки, подписанные Григорьевым, оказались писанными его рукой. Депутат от университета Должиков заявил следователям о записке, переданной ему Даниловым, в которой он просил заготовить для него свидетелей насчет 12 января. Отец и мать передали о рассказе его насчет происхождения раны на руке. Студент Трусов подтвердил тот же рассказ и, кроме того, сообщил о пятнах на пальто и о том, как они продавали бриллианты. Девица Шваллингер и Малышев, на которых он сослался в подтверждение того, что он был дома, этого не подтвердили. Этого не подтвердили и его родные. Все это я перечислил с тем, чтобы показать вам, какое значение вообще имеют его показания и особенно то, которое он дал 6 апреля. Не подлежит сомнению, что он был вынужден к этому показанию силой собранных против него улик. Ввиду таких улик молчать было невозможно и неблагоприятно. Ему оставалось или сознаться, или выдумать какую-нибудь историю.

И вот он выдумывает фантастическую историю, в которой сознается в укрывательстве преступления. Я прослежу эту историю шаг за шагом. В этой истории подсудимый говорит, что Феллер советовал ему назваться у Попова Григорьевым. Не говоря уже о том, что это показание совершенно голословно, я спрашиваю: с какой целью мог ему Феллер это посовето-

вать? Цели тут никакой и придумать нельзя. А между тем известно, что он и прежде менял свое имя; естественнее, стало быть, предположить, что имя Григорьева он сам выдумал. Далее, он говорит, что Феллер знал его адрес. Но в таком случае зачем же он скрывал его два месяца, тогда как мальчик его же магазина послужил главным агентом в долговременных поисках за подсудимым? Если Феллер, по предположению подсудимого, не мог этого сделать прямо, то неужели ему трудно было в течение двух месяцев так или иначе намекнуть полиции на место жительства Данилова? Стало быть, и это его показание голословно и невероятно. Затем он говорит, что он оставил свой старый шарф у Феллера по предложению последнего. Но из сведений, собранных следователями, известно, что подсудимый имел привычку оставлять старые вещи в магазине, где он покупал новые. Так, он в магазине «Амстердам» тоже оставил раз свой старый шарф, у сапожника он оставил свои старые сапоги. Конечно, все это мелочи, но эти мелочи и важны, как указание на степень искренности его показаний. Перехожу к более важным его показаниям. 8 января он встретился с Феллером в клубе и просил будто бы его посредничества для пятипроцентного билета. Билет этот будто бы поручила ему выкупить у Рамиха Соковнина. Соковнина ему этого не поручала, но, как бы то ни было, билет у него был, и ему понадобилось заложить Попову. Спрашивается, зачем он показывал его Феллеру? Это уже не бриллиантовая вещь, которую тот мог оценить высоко к его выгоде. Попов знал курс билетов не хуже Феллера. К чему тут посредничество Феллера? Мы знаем, что он и прежде бывал у Попова и был с ним знаком. В доказательство, что билет заложен Попову не им, а Феллером, он указывает на то, что о залоге перстня он дал Попову расписку под именем Григорьева, а насчет билета никакой расписки не найдено. Но у Попова в книгах нет расписок ни одного из тех лиц, которые ему закладывали вещи: в его квартире только и найдена единственная расписка насчет перстня. Попов все заклады записывал в особую книгу, и в этой книге под 11 января собственной рукой Попова записано, что билет за № 09828 заложен ему Григорьевым. Далее, 11 января будто бы Феллер назначил ему быть 12 января у Попова. Но в книге клуба в числе гостей Феллер в этот день

не значится. Клубовская книга должна в этом случае служить для нас полным доказательством. Феллер в этот день в клубе не был; пусть подсудимый докажет мне противное! Для какой цели звал его Феллер к Попову на 12-е число и зачем он туда поехал, решительно неизвестно. Сам же он говорит, что Феллер вручил ему 100 рублей. Неужели Феллер только для того назначил ему приехать, чтобы он получил от Попова еще несколько рублей, следовавших по курсу? Остальные билеты, которые он намеревался будто бы тоже перезаложить от Рамиха Попову, в руках его еще не были. Я решительно не вижу, зачем ему было отправляться 12 января к Попову, а между тем надобность ехать к Попову, по-видимому, настояла большая, так как он оставил даже сестру свою одну вечером на Кузнецком мосту, и она возвратилась домой одна. 12-го вечером он приехал, нашел дверь отворенной, ступил в комнату, увидел на полу труп женщины, и тут на него набросились убийцы и т.д. Не говоря уже о том, что немыслимо, чтобы убийца, совершая преступление, оставлял все двери отворенными, мы имеем неопровержимое доказательство, что убийца отпирал изнутри двери, когда выходил: об этом свидетельствуют крючок на внутренней стороне косяка наружной двери и ручка второй двери, обагренная кровью. Это первая несообразность. Вторая несообразность в его показании та, что он, вступив в комнату один шаг, тогда только заметил труп убитой женщины. Ему доказали, что если дверь была отворена, как он говорит, то он не мог не заметить трупа, находясь еще на лестнице. Я от себя могу удостоверить, что это действительно так. Я был в квартире Попова и убедился, что внутренность первой комнаты видна вся еще с лестницы, потому что голова человека, стоящего на шестой или седьмой ступени лестницы, сверху вниз, приходится в уровень с полом комнаты. Заметив и эту несообразность, подсудимый здесь, на судебном следствии, уже изменяет свое показание и говорит, что он не помнит, вошел ли он в комнату или нет, и что заметил только какую-то темную массу. Все эти изменения в каждой из подробностей того чистосердечного показания, той «исповеди», как он сам выразился, на которую он решился наконец 6 апреля, сами по себе уже составляют сильную улику против подсудимого. Но он не ограничился упомянутыми изменениями.

Он показал, что, когда он вступил в комнату, из спальни выскочил человек и бросился на него с кинжалом, нанес ему рану в руку и затем он стремглав бросился вниз и выбежал на улицу. Ему было доказано, что если бы он сделал хотя бы один шаг в комнату, то человек, выскочивший из соседней комнаты, тем уже отрезал бы ему всякое отступление. Заметив, что это невероятно, он изменил и это показание. При предварительном следствии он сказал, что получил вторую рану, которая пробила будто бы насквозь его руку, от убийцы, следовавшего за ним по пятам. Ему доказали, что это невозможно, что убийца, следовавший по пятам, намеренно или ненамеренно, мог нанести ему рану во всякую часть тела скорее, чем в руку. Он изменил эту подробность. Он сказал далее, что получил удар кинжалом и в пальто, и указал место удара, впоследствии будто бы им зашитое. При тщательном осмотре пальто никакого зашитого места не оказалось. Он сказал, что бежал вниз стремглав, придерживаясь раненой рукой за стену. Ему доказали, что в двух местах на лестнице он должен был остановиться, что доказывается большим количеством крови, найденным в этих местах. Этот пункт он оставил без разъяснения. Он выбежал на улицу, пробежал пространство в 75 шагов и во все это время не кричал и не звал на помощь, хотя был всего девятый час вечера, сел на извозчика и уехал домой. Теперь он говорит, что, может быть, и кричал. Новое изменение того чистосердечного показания, которого он держался несколько месяцев. Что значит восклицание: «А, это вы!», которым будто бы встретил его неизвестный убийца? Стало быть, его ожидали у Попова? Какая связь между Поповым и Даниловым, чтобы убийцы знали наперед, что он будет? Если же его нарочно туда послали, как хочет намекнуть подсудимый, то я опять спрашиваю: для какой цели? Неужели для того только, чтобы иметь свидетеля убийства? А если убийцы не знали, что он должен прийти, то как оказались отворенными двери и что в таком случае означают слова: «А, это вы!», обращенные, по-видимому, к знакомому человеку? Наконец, как мог он убежать от убийц, которым помешал в их деле и которые никак не могли надеяться, что он выбежит молча на улицу, сядет на извозчика и уедет спокойно домой? Но самое трудное объяснение предстояло подсудимому отно-

сительно билета. Вам известно, что билет этот, выкупленный им 8 января у Рамиха, был им заложен 11 января у Попова и им же 15 января снова заложен у Юнкера.

Ему не оставалось ничего более, как выдумать новую историю, и он сочинил историю невероятную, немислимую. Здесь он отказывается от этой истории, а он не раз напирал в своем чистосердечном показании именно на этот рассказ об анонимных письмах. Таких писем, утверждает он теперь, он не получал, а билет получил в запечатанном конверте днем, на улице, от неизвестного человека, который на вопрос его, что это такое, отвечал: «Увидите». На предварительном следствии он не так рассказывал, там неизвестный быстро пробежал мимо него, сунул ему конверт и исчез, не говоря ни слова. Распечатав конверт, рассказывает далее подсудимый, и найдя в нем свой пятипроцентный билет, он ужасно смутился. Но в чем же выразилось это смущение? В том, что он в тот же день заложил билет у Юнкера... Данилова спросили, носил ли он перчатки. Он сказал, что носил постоянно, 12 января на левой руке его надета была перчатка и что, вероятно, она спала с руки во дворе. Но, во-первых, невероятно, чтобы перчатка спала с руки его от нанесения в нее раны, а во-вторых, перчатка эта ни в квартире Попова, ни во дворе не найдена. Я полагаю, господа присяжные, что я опровергнул во всех частях то чистосердечное показание Данилова, которым он старался отстранить от себя обвинение в убийстве, хотя и сознавался в его укрывательстве. Теперь я исчислю более положительные доказательства того, что убийца именно он, и никто другой.

Прежде всего уликой против него является его карандашная записка, подписанная именем Григорьева, которая найдена у Попова. Подсудимый отказывается от этой записки, понимая всю важность этой улики. Но после показаний экспертов и товарища его, Трусова, для вас, господа присяжные, не может быть никакого сомнения в том, что записка эта писана им. Почему он так упорно отказывается от нее? Очень просто: ему хочется доказать, что он всего три раза был у Попова и что, стало быть, никаких особенных отношений у него к Попову не было. Записка прямо уличает его в противном и, кроме того, уличает его еще во лжи перед Поповым насчет поездки в Тулу, которая для чего-нибудь да понадобилась же ему.

Что кроется под лживым содержанием этой записки, нам неизвестно. Можно только заключить, что она писана незадолго до убийства Попова, иначе она затерялась бы. На более близкие отношения к Попову и более частые посещения его указывает и то, что тот же Григорьев заложил Попову еще какую-то пару серег, серьги эти также не оказались между вещами Попова. Стало быть, одно из двух: или убийца похитил вместе с перстнем и серьги, или мнимый Григорьев их выкупил прежде; значит, он был у Попова еще лишний раз. Это первая положительная улика. Второй уликой я считаю записательство подсудимого до 6 апреля и то, что он изменял свой почерк. 6 апреля он дал наконец свое «чистосердечное» показание, которое я разобрал перед вами. Если Данилов виновен только в укрывательстве, то почему же его показание до такой степени опровергается в мельчайших подробностях? Я понимаю, что виновный в укрывательстве может долго не доносить о нем, не доносить до тех пор, пока главные преступники не открыты и он сам не уличен в укрывательстве. Но, раз сознавшись в укрывательстве, виновный в нем, из собственного интереса, постарается раскрыть преступление во всей его целостности, чтобы тем облегчить меру следующего ему наказания. То ли сделал Данилов? Вот почему я смело выставляю его показание 6 апреля как третью улику против него. Далее, уликой служит рана на левой руке Данилова. 18 января следователи сделали заключение, что у убийцы должна быть ранена левая рука. Через два с половиной месяца подсудимый арестован, и на левой руке оказались явственные следы двух ран. Сверх того у него найдены царапины на правой руке; вы слышали объяснение, данное Даниловым насчет происхождения этих царапин, а также и то, как эксперты оценили достоверность его объяснений. 15 апреля делали сличение, и шрам на ладони его левой руки пришелся как раз против пятна на ручке двери. Между вещами Попова не оказалось только тех вещей, которые были заложены Григорьевым, да еще перстня Беловзора. Понятно, что убийца не взял прочих вещей, потому что похищенные вещи могут всегда навести на след похитителя. Но мы знаем, что Данилов продал два бриллиантика. Сначала я думал, что эти бриллиантики из перстня Соковниной, теперь, судя по описанию этих бриллиантиков, я скло-

нен думать, что они из перстня Беловзора. Как ни любопытно объяснение происхождения этих бриллиантиков, купленных будто бы у неизвестного мальчика на Театральной площади, еще любопытнее то, что будто бы он, купив их, тут же про них забыл и вспомнил, только когда Трусов просил помочь ему заложить вещи. Данилов, вечно нуждавшийся в деньгах, вечно закладывавший свои собственные и чужие вещи, вдруг забыл про такое выгодное приобретение! Известно, что Данилов накупил разных вещей у Феллера рублей на 25. Через три месяца ни одной из этих вещей, кроме шарфа, не оказалось. Это наводит на мысль, подтверждаемую показаниями Трусова относительно шарфа, что вещи эти уничтожены, чтобы скрыть все знаки его сношений с Феллером. Не могу не указать и на то, что с января Данилов стал тратить больше денег. Правда, эти траты не были очень велики. Но они и не могли быть велики. Я уже сказал вам, что весь капитал Попова заключается в билетах на 23 тысячи, билеты эти были похищены, но разменять их было опасно, потому что номера их были тотчас сообщены во все конторы банка. Наличных денег у Попова не могло быть много, потому что известно, что, как только он стал отдавать деньги под заклады, он разменял два билета на 600 рублей. Самое большее, что было в квартире Попова кредитными билетами, – это 200, много 300 рублей, да и то только в таком случае, если перед этим были выкуплены у него какие-либо из заложенных вещей. Надо полагать, что кредитные билеты были у Попова в одной пачке. Об этом заставляет догадываться и окровавленная пятирублевая бумажка, которая, вероятно, была верхней в пачке, и убийца ее бросил. Одним ли совершено убийство или несколькими? Я, со своей стороны, полагаю, что одним. Я думаю так потому, что убийство Попова и Нордман совершено в разное время. Основываясь на драгоценном указании часов, можно с достоверностью сказать, что убийство Попова совершилось в 7 часов, а в 7 часов, как известно, Нордман находилась в аптеке Кронгельма. А если убийство совершено в разное время, то нет основания предполагать, что его совершил не один. Далее спрашивают, возможно ли, чтобы Данилов, будучи еще так молод, совершил такое зверское преступление. Но мы имеем ясные доказательства, что он созрел вполне, как умствен-

но, так и физически. Мы знаем его уже как жениха, знаем также, что с 17 лет он жил жизнью самостоятельной, сам зарабатывал деньги. Что же касается его нравственности и душевной теплоты, свойственной молодости, то какие имеем мы на этот счет указания? У него счастливая наружность и недюжинный ум. А между тем, где его друзья? Мы знаем только, что в семействе Соковниных он был как жених Алябьевой; он пользовался доверием г-жи Соковниной. Но мы знаем также, как воспользовался он этой доверчивостью. Этот один факт может служить меркой его нравственности.

Господа присяжные! Мое обвинение окончено. Вы, вероятно, ждете моего мнения насчет смягчающих обстоятельств. Но не подумайте, что я, как обвинитель, считаю себя обязанным говорить лишь о том, что клонится к обвинению. Обвинение, по моему глубокому убеждению, должно быть прежде всего искренним и добросовестным, а можно ли назвать добросовестным обвинение, когда обвинитель сознательно обходит факты, говорящие в пользу подсудимого? Если я умолчал о смягчающих обстоятельствах, то это потому, что их нет в настоящем деле. Правда, подсудимый молод, но я не привожу этого обстоятельства, потому что молодость послужит к смягчению его наказания в силу самого закона. С понятием молодости мы соединяем обыкновенно искренность и раскаяние, а разве мы замечаем хоть что-нибудь подобное в подсудимом? Вспомните, как совершено убийство, количество ран, нанесенных убитым, вспомните цель преступления и то, как он вышел к Попову под видом хорошего знакомого; вспомните наконец, как вел он себя на предварительном и здесь, на судебном следствии! До тех пор, пока не укажут смягчающих обстоятельств, я буду утверждать, что подсудимый не заслуживает вашего снисхождения. Я обвиняю его в предумышленном убийстве Попова и Марии Нордман, в мошенническом присвоении денег, принадлежавших г-же Соковниной, и в наименовании себя фальшивыми фамилиями¹.

¹Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб. пособие – М.: Юристъ, 1999. – 384 с. (237–245).

УРУСОВ А.И. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ВОЛОХОВОЙ

Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимая, обвиняемая в самом тяжком преступлении, которое только можно себе представить. Я в своем возращении пойду шаг за шагом вслед за товарищем прокурора. Мы, удостоверясь в существенном значении улики, взвесим их значение, как того требует интерес правды, и преимущественно остановимся не на предположении, а на доказательствах. Искусная в высшей степени речь товарища прокурора, основанная преимущественно на предположениях...

Председательствующий: Господин защитник, я прошу вас воздерживаться, по возможности, от всяких выражений одобрения или порицания противной стороны.

Защитник: Господин товарищ прокурора в своей речи сгруппировал факты таким образом, что все сомнения делаются как бы доказательствами. Он озарил таким кровавым отблеском все улики, что мне приходится сознаться, что вы, господа присяжные, должны были склониться несколько на его сторону. Вспомните, господа, что мы два дня находимся под довольно тяжелым впечатлением. Наслоение впечатлений, накопившихся в продолжение этих двух дней, не дает нам возможности сохранить ту долю самообладания, которая дала бы возможность строго взвесить все улики и скептически отнестись к тому, что не выдерживает строгого анализа. Господин товарищ прокурора опирается преимущественно на косвенные улики. Первой уликой он представляет народную молву. Господин товарищ прокурора говорит, что народный голос редко ошибается; я думаю наоборот. Народный голос есть воплощенное подозрение, которое нередко вредит крестьянину. Почему в настоящем деле народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребе дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой, после этого следует немедленное заключение – она виновна. Почему? Больше никому. Вот народная логика.

Для того чтобы нагляднее понять, что такое народный голос в настоящем случае, необходимо вспомнить существен-

ные черты характера действующих лиц. Каков человек был Алексей Волохов? Он был пьяница, во хмелю буянил, бил стекла (по осмотру оказалось, что в его доме было разбито до 40 стекол); когда он возвращался пьяным домой, он шумел, но при этом, как показали все свидетели, он стоял крепко на ногах. Эта индивидуальная черта его имеет весьма важное значение. Замечательно, что никто из свидетелей не подтвердил главного обстоятельства, никто не сказал, вернулся ли Алексей Волохов 17 августа домой ночевать, тогда как в два или три часа его видели на улице пьяным. Мы знаем, что он был в этот день несколько раз в трактире. Никита Волохов видел, как он шел по улице с каким-то мужиком пьяный, но он не сказал, что видел его, как он вошел в дом. Если бы было доказано, что он ночевал в этот день дома, то это было бы довольно сильной уликой против подсудимой, между тем почти положительно можно утверждать, что он не ночевал дома, так как его ближайшие соседи, Никита и Семен Волоховы, непременно должны были слышать его возвращение. Член суда, производивший осмотр, удостоверяет, что из половины Семена слышен был даже обыкновенный разговор в половине Алексея, а тем более должны были быть слышны шум и крики, без которых невозможно было совершить убийство. Господин товарищ прокурора делает предположение, что Волохов был убит сонным, но я полагаю, что делать предположения в таких важных делах мы не имеем никакого права. По мнению эксперта Доброва, подтеки на руках убитого могли произойти от сильного захвата рукой; если допускать предположение, то в этом случае возникает сильное сомнение о самом обстоятельстве дела. Относительно показания мальчика Григория я должен заметить, что оно носит на себе явный след искусственности. Вы слышали, господа присяжные, что мальчик признавался, что он действовал по научению дяди; если предположить, что мальчик действовал сознательно, то чем объяснить то обстоятельство, что он от 17 до 22 августа никому ничего не говорил, он бегаёт свободно по улицам, играет с мальчиками и мать его свободно отпускает.

Остановимся на минуту на предположении, что убийство совершено ею и мальчик видел это, то неужели бы она отпус-

тила его на улицу, где каждый мог бы его спросить от отца? Впрочем, остановимся на его показании: он говорит, что видел, как мать его ручкой топора без железа била его отца; потом он говорит, что видел отца в погребу; ясно, что мальчик смешивает время, он легко мог видеть, как отец его пьяный спал и у него из носу текла кровь, после же он слышал, что отец его найден в погребу. Мальчик явно перемешал события; выдумкой в его рассказе является только показание его о топоре. Я не могу допустить мысли, чтобы мальчик до такой степени отдавал себе отчет о своих впечатлениях, чтобы так долго помнить о таком событии. Далее, в числе улик товарищ прокурора приводит то обстоятельство, что подсудимая 17 августа ходила ночевать к Прохоровым; он объясняет это ее боязнью оставаться ночевать в том доме, в котором она только что совершила убийство; но эта улика достаточно опровергнута следствием, так как свидетели показали, что она и прежде ночевала у соседей, когда муж ее возвращался домой пьяный. 17 августа, видя, что муж долго не возвращается, и думая, что он возвратится пьяный, она уходит ночевать к соседям. Господин товарищ прокурора не допускает того, чтобы она, уйдя из дома, не заперла ворот, но я должен заметить, во-первых, что ей незачем и нечего было запирасть, так как у нее в доме ничего не было; во-вторых, раз вышедши из ворот, запереть их изнутри невозможно. Вы слышали, что Мавра Егорова ушла ночевать к Прохоровым, дом оставался пустой. Никита, бывший в то время ночным сторожем и живший рядом, не мог не знать этого. Никита говорит, что он не помнит, караулил ли он 17 августа. Он отрицает драку свою в тот день с Алексеем Волоховым, отрицает даже, что был в тот день в трактире, но мы должны в этом случае более доверять показанию трактирщика. Я считал излишним загромождать судебное следствие вызовом трактирщика и других, видевших Никиту в трактире. Я не имею права составлять новый обвинительный акт, но странным является отрицание Никиты о бытности его в трактире с Алексеем Волоховым.

Затем я должен остановиться на осмотре следов крови, найденной в верхней части дома. Пол в комнате был найден замытым на три квадратных аршина, в пазах пола были най-

дены небольшие сгустки крови. Я говорю «небольшие» на том основании, что если бы куски были большие, то они были бы перед вами в числе вещественных доказательств, вместо этих забрызганных кровью щепок, которые лежат перед вами. Из медицинского осмотра мы видим, что у Алексея Волохова вскрыта была полая вена, из которой должно было быть обильное кровотечение; кроме того, Алексей Волохов был человек с сырой, разжиженной кровью, следовательно, кровь должна была вытечь из его тела в огромном количестве; должны были быть крупные фунтовые сгустки крови и тогда не зачем было бы соскабливать маленькие кровяные пятнышки, чтобы представлять их к судебному следствию; тогда нужно было бы представить эти большие сгустки. Между тем мы их не видим. Так как наука не в состоянии доказать, какая кровь найдена была в верхней комнате, то не было бы причины подозревать непременно, что это кровь человеческая, но, заметьте, что подсудимая сама не отрицает того, что это была кровь Алексея Волохова, и объясняет это кровотечением из носу. Мы не имеем причины не доверять ей в этом случае, тем более, что фельдшер подтвердил, что он ставил банки Алексею Волохову, который жаловался на приливы крови в голове.

Правда, общественное мнение склоняется не в пользу подсудимой. Оно говорит, что подсудимая была злого и сердитого характера, но не надо забывать того, что это мнение было высказано тогда, когда в народе уже сложилось убеждение в виновности подсудимой, и потому доверять ему вполне нельзя.

Далее. И товарищ прокурора в числе улик выставляет нравственные качества подсудимой. Признаюсь, я не ожидал, чтобы нравственные качества человека можно было поставить ему в вину. Я должен прибавить, что эта женщина десять лет была замужем. Имея пьяного мужа, который пьяный буянил, она часто уходила ночевать к соседям. Мудрено ли было в этом случае молодой женщине увлечься, а между тем из показаний свидетелей и из повального обыска мы видим, что она никогда не нарушала долга жены. В доказательство ее нравственных качеств я должен прибавить, что она на поваль-

ном обыске никого не отвела от свидетельства о ее поведении. Здесь, на судебном следствии, она требовала, чтобы все свидетели были спрошены под присягой, хотя я накануне заседания объяснял ей, что свидетелям, спрошенным без присяги, дается менее вероятия, но она отвечала мне: «Авось они оглянутся и покажут правду», так твердо она была уверена в своей невинности. Товарищ прокурора находит, что у Алексея Волохова не было врагов, не было причины враждовать против него, но судебное следствие показывает нам, что могли быть причины вражды: он нанимался не раз в рекруты и не исполнял обещания. Кроме того, я должен сказать, что жена Никиты судилась как-то с одним мужиком по вопросу об изнасиловании, что могло подать повод к насмешкам со стороны подсудимой и тем возбудить против нее вражду. Кроме того, для братьев покойного Алексея мог служить предметом зависти дом его. Я не хочу сказать, чтобы для братьев его мог быть интерес убить Алексея, этот интерес мог и не существовать, но зато мог быть интерес скрыть преступника. В числе других улик, выставленных господином товарищем прокурора, он указал на то, что Мавра Егорова часто ругала своего мужа, называла его жуликом, мошенником и каторжником. Но кому не известно, что в народе употребляются более резкие ругательства, и они не могут давать повода к подозрению совершения преступления. Да и могла ли Мавра Егорова равнодушно смотреть на развратный вид пьяного мужа, который действительно выглядел арестантом. Далее, товарищ прокурора говорит, что убийца всегда старается бежать от трупа. Совершенно соглашаясь в этом с товарищем прокурора, я должен заметить, что Мавра Егорова не страшилась быть на погребке, она солила там огурцы и лазила даже в погреб. Если допустить, что Мавра Егорова совершила преступление, то ее нужно признать за какое-то исключение из всех людей. Между тем, если допустить, что убийство совершено было посторонним лицом, то проще допустить, что убийца бросил труп в погреб Волохова. Дом был совершенно пустой, погреб от улицы был в семи шагах – все это очень хорошо мог знать ночной сторож.

Товарищ прокурора замечает, что трудно предположить, чтобы посторонний убийца сходил за мешком, в который по-

ложил Волохова. Я согласен, что это трудно, но еще труднее предположить, чтобы был отыскан мешок там, где его не было, а мы знаем, что Мавра Егорова не имела мешка, она даже брала мешок у соседей, когда ей нужно было солить огурцы. Если допустить, что подсудимая, совершив убийство, уничтожила все следы преступления, замыла кровь на полу в верхней комнате, то почему же она не замыла пятен крови, оказавшихся на окнах и стенах?

Кроме того, из медицинского осмотра видно, что раны были нанесены тремя родами орудий. Не говоря уже о том, что одному человеку нужно было употреблять три различных орудия для того, чтобы совершить убийство, я замечу, что в доме Волоховых ни ножа, ни шила не было найдено. Что подозрения на подсудимую могли быть, об этом не может быть и спора, но закон говорит, что для того, чтобы преступление было наказано, оно должно быть несомненно, а всякое сомнение должно толковаться в пользу подсудимой и никак не во вред ей. В настоящем же случае я полагаю, что убеждение в виновности подсудимой ни в каком случае не могло у вас сложиться. Тому показанию свидетелей, что Мавра Егорова не часто ночевала у соседей, я ни в каком случае не могу доверять. Они показывают так потому, что боятся, чтобы не навлечь почему-либо в этом случае на себя подозрения, и показывают так для того, чтобы окончательно отстранить себя от всяких подозрений. Далее, товарищ прокурора говорит, что подсудимая постоянно клеветает на свидетелей; клеветает ли она, я предоставляю судить об этом вам, господа присяжные; я со своей стороны думаю, что большей искренности со стороны подсудимой и желать нельзя. Если вы недостаточно убедились моими доводами, то я должен заявить вам, что случаи судебных ошибок нередки в уголовной практике. Нужно надеяться, что эти ошибки будут реже и реже. Тем не менее, я не могу допустить, чтобы суд присяжных мог допускать такие ошибки. Вы, господа присяжные, должны постановить свой приговор, основывая его на убеждениях логических, а не формальных.

Господа присяжные, настоящее преступление совершенно было среди белого дня, между тем Семен Волохов говорит,

что он, вернувшись вечером домой, никакого шума в квартире Алексея не слышал.

Показание Прохорова об ужасе подсудимой, когда она пришла к нему ночевать, ничем не подтвердилось. Я с изумлением замечаю, что товарищ прокурора в числе улик признает слова ее, сказанные Никите, что если ее притянут к суду, то он будет стоять с ней на одной доске. Если придавать этим словам значение, то странно, почему же Никита не был привлечен к суду. Я объясняю слова ее так: она хотела этим выразить, что если ее, против которой нет никаких улик, привлекут к суду, то тем более должны привлечь к суду Никиту, который был сторожем в деревне и должен знать, кто совершил убийство.

В заключение я должен упомянуть о краже 150 рублей. Мавру Егорову постоянно попрекает сноха тем, что она нищая, что муж ее все у нее пропил. Она из досады похищает у снохи деньги, но совесть ее мучит, и она открывается в этом священнику. Она никогда не обвиняла мужа, она прямо говорит перед священником, что она, а не муж ее, украла деньги. Тот берет клятву с Семена и его жены в том, что те никому не расскажут о происшедшем. Что же происходит? Вот, господа присяжные, насколько нравственными личностями являются Семен Волохов и его жена. Только что поклявшись перед образом, они через полчаса нарушают эту клятву. Предоставляю вам судить, насколько можно доверять этим личностям в их показаниях.

Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще худший конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься перед таким горем¹.

¹Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб. пособие – М.: Юристъ, 1999. – 384 с. (314-318).

ДЕРВИЗ О.В. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ВАСИЛЬЕВОЙ

Товарищи судьи!

Моей подзащитной Васильевой предъявлено обвинение в совершении весьма тяжкого преступления – причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Закон предусматривает наказание за совершение таких действий в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Если добавить к этому, что покойный Волков – отец подсудимой, то обвинение Васильевой становится еще более страшным.

Именно поэтому задача защиты по данному делу трудна и ответственна, ибо ни в законе, ни в нашем нравственном чувстве нет и не может быть оправдания для отцеубийцы.

Однако я исполняю сегодня свой профессиональный долг с глубоким убеждением в правильности моей правовой и моральной оценки действий Васильевой. Защита не согласна с предложенной обвинением юридической квалификацией совершенного ею преступления.

Чтобы вы, товарищи судьи, могли правильно оценить действия моей подзащитной и назначить справедливое наказание, необходимо тщательно и непредвзято проанализировать все обстоятельства дела, проследить развитие событий в семье Васильевой, приведших 11-го февраля к трагической развязке. Материалы дела дают нам возможность сделать это с достаточной полнотой.

Мы с Вами выслушали показания подсудимой, рассмотрели заключения экспертиз, характеристики и другие документы. Сухое и лаконичное изложение событий в обвинительном заключении дополнилось живыми и непосредственными впечатлениями очевидцев, людей, повседневно соприкасавшихся с семьей Волкова. Перед нами возникла чрезвычайной яркая картина происшедшего.

Зоя Васильева – молодая тридцатилетняя женщина – была брошена мужем и год тому назад приехала с трехлетним сыном в дом к отцу. Она поступила на работу санитаркой в больницу, помогала мачехе вести хозяйство, воспитывала сына. Свой заработок Зоя вкладывала в общий семейный бюджет.

Мачеха хорошо относилась к ней, жалела ее. Все было бы нормально в их жизни, если бы не отношение отца. Он был недоволен пребыванием дочери в его доме, считал ее нахлебницей. Часто он упрекал Зою в том, что она не сумела «удержать» мужа. Не радовался Волков и внуку, никогда не ласкал его, был с ним хмур и неприветлив.

Волков злоупотреблял спиртным, часто являлся домой пьяный и затевал скандалы с женой и дочерью. Он придирался к любому пустяку, требовал полного подчинения себе как «хозяину».

Вы хорошо знаете, товарищи судьи, какое огромное социальное зло алкоголизм. Большинство уголовных дел, которые вы здесь рассматриваете, так или иначе возникли на почве пьянства. Многие разводы, выселения из-за невозможного поведения в квартирах, прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины на работе, мелкое хулиганство – вот что порождает алкоголь.

Из скольких семей ушло счастье, сколько детей лишились отцов, сколько людей потеряли человеческий облик из-за умеренного употребления спиртного.

Я берусь утверждать, что и сегодняшнее дело возникло на той же ядовитой почве, только подсудимая и потерпевший поменялись местами. Именно поведение покойного Волкова создало ненормальную обстановку в семье, породило то психологическое напряжение, в состоянии которого ежедневно находились Васильева и ее мачеха. Они жили в постоянном страхе, ожидании того, что должно случиться что-то непоправимое. Часто бывало, что, желая оградить себя от пьяных выходов Волкова, женщины с ребенком уходили из дома, ночевали у соседей. Им было хорошо известно, что лучше не попадаться Волкову под горячую руку. Не раз и не два им приходилось стыдливо скрывать от сослуживцев и соседей полученные синяки. А ведь иногда дело доходило и до более серьезных вещей – Волков брался за топор и лопату... Женщины терпели – все-таки Волков – муж, все-таки отец. Но в них росло чувство отчаяния, а это чувство опасное – оно не всегда бессильно, иногда оно заставляет браться за оружие!

Трагедия, происшедшая 11-го февраля, была подготовлена поведением Волкова в течение длительного времени. Если

бы он вел себя по-другому, вероятно, реакция Васильевой была бы не такой острой. Она боялась отца, знала, что от него можно ждать чего угодно, была психологически подготовлена к насилию. Насилие породило насилие!

Вечером в этот день Волков пришел домой в состоянии сильного опьянения. Он затеял скандал с женой и дочерью, занимавшимися на кухне хозяйственными делами. Он высказал недовольство тем, что жена готовила корм для скотины, а на него не обращала внимания. Криком и руганью он сам взвинчивал себя, стал бросать на пол разные предметы. Жена сказала Волкову, что он пьян, мешает им заниматься делом, пусть идет в комнату и ложится. Ах, он, хозяин, мешает, ну, тогда держись... Волков схватил с плиты ведерный бидон с кипятком. К счастью, жене удалось отскочить, и на ее лицо и руки попали только брызги кипятка. От боли она закричала. Бидон остался в руках у Волкова.

Васильева не знала, осталась ли еще вода в бидоне, не знала, войдет ли на кухню привлеченный шумом и криком ее маленький сын. Она видела бидон в руках отца, она слышала крик ошпаренной мачехи, она знала, что отец может продолжать буйствовать. Ее охватил страх за своих близких, за себя. Она должна была защищаться, защищать других. Она, по ее собственным словам, не помнила себя.

Вот в каком состоянии находилась Васильева, когда схватила стоявшую у плиты кочергу и нанесла ей отцу два удара по голове.

По существу, товарищи судьи, все рассказанное мною сейчас о событиях, приведших Васильеву к совершению преступления, не отрицает и представитель государственного обвинения. Вы помните, что, обосновывая свою просьбу об определении подсудимой минимального наказания по части второй ст. 108-й УК РСФСР – 5 лет лишения свободы, говоря о смягчающих ответственность обстоятельствах, прокурор ссылается на эти же факты.

Обвинение считает, говорил вам прокурор, что своим поведением покойный Волков убил в дочери естественное чувство любви и лишился ее уважения. Но эти чувства, полагает обвинитель, вытеснила ненависть, которая только жда-

ла удобного момента, чтобы открыто проявиться, которая, по его образному выражению, «шла рука об руку с мезтью».

Из этого делается вывод, что Васильева подняла руку на отца с радостью, что представился случай. Не было якобы реальной угрозы жизни и здоровью подсудимой, ее близким, поскольку Волков сразу выплеснул весь кипятик и стал после этого вполне безопасен. Его не бить надо было, а успокаивать, уговаривать.

Во всяком случае, утверждает обвинитель, если еще можно как-то объяснить нанесение первого удара кочергой, то уж во втором не было никакой необходимости. Именно этот второй удар свидетельствует об умысле Васильевой.

Я уверен, товарищи судьи, что говорить так – значит не понимать психологического состояния подсудимой в момент нанесения ударов, более того, значит не понимать психологического механизма внезапного возникновения сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. Да, вопрос о возникновении такого состояния, именуемого медицинской наукой физиологическим аффектом, один из сложнейших в теории и практике уголовного права, здесь возможны ошибки. И я полагаю, что прокурор призывает вас совершить ошибку, закрыть глаза на явные признаки аффективного состояния Васильевой.

Обвинение утверждает, что Волков сразу выплеснул весь кипятик и не представлял поэтому больше опасности для находившихся на кухне женщин. Этим обосновывается вывод, что Васильева действовала из мести, что необходимости в защите не было. С этим невозможно согласиться. Я допускаю, что, испугавшись содеянного им, испугавшись крика жены, покойный прекратил бы буйство. Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Но могло быть и по-другому, он вполне мог продолжать свои действия, как неоднократно это делал во время пьяных дебошей. Для этого были все возможности – на кухне находилось много предметов, подходящих вполне для учинения расправы над женщинами. В руках у него был горячий бидон – тоже достаточно грозное оружие, а то, что он уже успел сделать, давало основания считать, что пьяному буйству нет предела. Именно так думала Васильева, и ее нельзя

не понять. Не могла она в то время знать, что в бидоне не осталось больше кипятка.

Перед вами, товарищи судьи, столкнулись две точки зрения на события 11-го февраля, две оценки их. От того, какую из этих оценок вы признаете правильной, зависит юридическая квалификация совершенного Васильевой преступления. Если вы согласитесь с обвинением, что Васильева действовала умышленно, значит, предложенная органами предварительного следствия квалификация содеянного по части второй ст. 108-й УК РСФСР правильна.

Я же убежден в истинности своей точки зрения и прошу вас согласиться с ней. Я считаю, что поведение Волкова на протяжении всех последних месяцев, его издевательства и насилия над домочадцами подготовили психику Зои Васильевой к происшедшему вечером 11-го февраля взрыву. Испытанные ею в тот день страх, гнев и возмущение действиями отца вызвали сильнейший психологический «разряд» – аффект.

Нельзя, как это делает обвинение, искусственно разрывать действия, следовавшие одно за другим практически мгновенно; нельзя объяснять нанесение первого удара страхом и волнением, а второй объявлять умышленным. Находясь в состоянии сильного душевного волнения, человек не может точно соразмерить свои поступки с объективной необходимостью. Именно поэтому наш закон выделяет преступления, совершенные в состоянии аффекта, и предусматривает за них значительно более мягкие наказания, чем за совершенные умышленно. Содеянное Васильевой подлежит квалификации по ст. 110-й УК РСФСР, устанавливающей ответственность за нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего и вызванного насилием или оскорблением со стороны потерпевшего.

Наш уголовный закон, товарищи судьи, будучи выражением социалистического гуманизма, требует от вас учета всех смягчающих обстоятельств. В этом деле я вижу целый ряд таких обстоятельств.

Ст. 38-я УК РСФСР предусматривает в качестве одного из наиболее существенных смягчающих ответственность виновного обстоятельств совершение преступления при защите от обще-

ственно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны. Нет сомнения, что в данном случае налицо это смягчающее обстоятельство. Действия Волкова были общественно опасны, защищаться было необходимо.

Огромное значение для определения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, имеет его поведение во время следствия и суда, его отношение к содеянному. Изворачивается человек, лжет, пытается уйти от наказания – одно, раскаивается, правдиво обо всем рассказывает – совсем другое. Это всегда учитывается судом.

Я хочу обратить внимание на предельную искренность моей подзащитной, ее чистосердечное раскаяние и готовность понести наказание за совершенное преступление. Вы, конечно, помните, что мачеха Васильевой, желая спасти ее от ответственности, показала на первом допросе неправду. Она рассказала, что муж ее в пьяном виде упал на плитку и разбил голову об ее угол. Васильева не пыталась воспользоваться этой ложью – она с самого начала говорила только правду, не пыталась ничего скрыть. Подсудимая тяжело переживает случившееся, глубоко подавлена совершенным ею преступлением. Ей очень жалко отца, но на вопрос, могла бы она вновь поступить так же, если бы все повторилось, она откровенно отвечает, что, вероятно, могла бы. Такая правдивость подкупает. Остается только пожелать, чтобы жизнь не ставила больше мою подзащитную в такое тяжелое положение.

Вы тщательно исследовали сегодня, товарищи судьи, жизненный путь Васильевой. Мало было в нем радостных событий, жизнь не баловала ее. Она выросла в трудных условиях военных и первых послевоенных лет, не получила достаточного образования, обманулась в муже, не видела сочувствия со стороны единственного близкого человека – отца. Но она не озлобилась, осталась простой и скромной женщиной, о которой никто не мог сказать ни одного худого слова. Васильева никогда в жизни не преступала закон. В характеристике из больницы отмечается, что работала Васильева исключительно добросовестно, ровно и ласково относилась к больным. Соседи говорят о ней как о труженице, приветливой и спокойной женщине, хорошей матери. Какое потрясе-

ние должна была испытать она, *как должна* была бояться отца, чтобы осмелиться поднять на него руку!

Есть в событиях этого дела еще одно обстоятельство, о котором я не имею нрава умолчать. Тягостное, неправдоподобное, но, увы, имевшее место. Я имею в виду отношение медицинских работников станции «скорой помощи» к выполнению своего профессионального долга.

Вечером 11-го февраля к Волкову вызвали «скорую помощь». Приезжала машина, врач осмотрел раненого. Да, он был пьян, да, он ругал медиков и мешал им исследовать повреждения, утверждая, что ничего с ним особенного не случилось. Все это так... но проглядеть проникающую рану костей черепа врач не имел права. Не имел права оставлять без помощи тяжело раненного человека, не имел права предлагать ему самому явиться утром на осмотр. Врач ввел в заблуждение родственников Волкова, создав у них впечатление, что потерпевший действительно никаких опасных повреждений не получил.

Судебно-медицинская экспертиза, отвечая на вопрос о шансах на жизнь Волкова при условии оказания ему своевременной помощи, ответила, что, хотя благополучный исход при травмах такого типа гарантировать нельзя, были все основания надеяться на выздоровление потерпевшего.

Таким образом, ответственность за трагический исход ложится в определенной степени и на представителя самой гуманной в мире профессии! Я считаю, что необходимо вынести частное определение по этому вопросу, мимо этого пройти нельзя.

Заканчивая свою речь, я хочу выразить уверенность в справедливости того приговора, который вы вынесете моей подзащитной. Она должна быть на свободе, она должна заботиться о своем малолетнем сыне, воспитывать его. Мера ее вины не столь значительна, чтобы была необходимость направлять ее в исправительную колонию. Я прошу вас, товарищи судьи, определить Васильевой по ст. 110-й У К РСФСР наказание, не связанное с лишением свободы¹.

¹ Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб. пособие – М.: Юристъ, 1999. – 384 с. (331–336)

**ОБНИНСКИЙ П.Н. ОБВИНТЕЛЬНАѢ РЕЧЬ
ПО ДЕЛУ КАЧКИ**

Господа присяжные заседатели! 15 марта 1879 года, вечером, в меблированных комнатах Квирина на Басманной был убит выстрелом из револьвера бывший студент Медико-хирургической академии дворянин Бронислав Байрашевский. Убийство совершено в номере студента Гортынского в то время, когда у него собирались товарищи и знакомые; между ними находилась девица Прасковья Качка, тут же сознавшаяся в этом убийстве, но объяснившая, что открыть причину убийства она не желает.

Предварительным следствием было между прочим обнаружено, что Качка и Байрашевский познакомились в Москве еще в 1878 году. Почти одинаковый возраст, общая цель – подготовить себя к предстоящей деятельности научным образованием, наконец, совместное жительство на общей квартире – все это не могло не способствовать к сближению молодых людей. Научные занятия шли без всякого руководства, без достаточной к тому подготовки и потому, вместо желаемой цели, привели к совершенно иному результату; молодые люди полюбили друг друга.

Зародившись в дружбе, любовь эта скоро, в Качке по крайней мере, перешла в страсть: обещание Байрашевского жениться на Качке давало полный простор такому чувству. По отзывам свидетелей, Качка перестала заниматься, появились перемены в характере, привычках, и она, видимо, находилась под гнетом какого-то страстного беспокойного влечения, с резкими переходами от беспредельной веселости к мрачному настроению, как это часто случается у влюбленных. Байрашевский, напротив того, начал заметно охладевать к Качке, избегал даже встречаться с ней, откладывал свадьбу и т.п. – и это уже после того, когда взаимные отношения их достигли того предела, за которым подозревалась возможность сделаться матерью.

В этом периоде их взаимных отношений, когда страстное чувство Качки достигло своего высшего напряжения, Байра-

шевский изменяет ей и становится женихом другой девушки, ее же подруги – Ольги Пресецкой, которая также одновременно жила и занималась с ними в общей квартире.

Сначала только подозревая измену, но вскоре затем убедившись в этом, Качка начинает жестоко страдать, ищет выхода в мысли о самоубийстве, решает покончить и с Байрашевским, покупает револьвер, но еще колеблется в своем решении. Через неделю, именно 15 марта, узнав о приезде из Петербурга Ольги Пресецкой, с тем чтобы ехать с Байрашевским к родителям его и обвенчаться там, Качка вечером того же дня убивает Байрашевского в то время, когда все окружающие наслаждались ее пением.

Вот и вся история несчастной любви Качки и того трагического исхода, который привел ее сегодня на скамью подсудимых. Уже из моего короткого рассказа, основанного на бесспорных фактах судебного следствия, вы, господа присяжные заседатели, могли убедиться, что дело идет об одном из обыкновенных убийств, с обыкновеннейшим мотивом – ревностью, т.е. о деянии хотя и несомненно преступном, но вызванном и обусловленном логическим ходом событий, последовательным развитием страстей, присущих каждому и умственно здоровому человеку, а стало быть – о деянии психически нормальном.

Не столь ясным и простым представлялось дело прежде, в начале предварительного следствия: в высшей степени самолюбивая, все еще любящая убитого ею жениха, Качка долгое время не хотела раскрыть причину убийства, ей тяжело было обнаружить поведение покойного, бросить на него тень, сделать ему упрек... Еще тяжелее было ей признать, что она, отдавшаяся своему жениху, забыта ради другой, забыта и поругана; ей было больно даже и подумать об этом; понятно, что на первых порах она должна была молчать о причине. Это сообщило загадочность делу; подозревался болезненный аффект, появились слухи о политической цели убийства. Следствию удалось, однако, доказать как полнейшую несостоятельность этих обоих предположений, так и раскрыть истинную причину убийства. На это, между прочим, потребовалось много времени, и вот почему мы

только сегодня приступаем к судебному разрешению события, совершившегося ровно год тому назад, – события, столько несложного по своим внешним очертаниям и, кроме того, засвидетельствованного собственным сознанием обвиняемой. Зато факт, сначала загадочный, низведен был в область понятных для каждого, того искренне желающего, и самых обыкновенных явлений. Доказать это последнее положение составляет в нашем деле главнейшую преобладающую задачу обвинения, так как сама подсудимая и ее защита, как это видно по оконченному судебному следствию, стараются, совершенно для меня неожиданно, вернуть дело снова в ту туманную сферу, из которой оно первоначально возникло.

Для уразумения того, является ли известное деяние свободным продуктом злой воли или совершено оно под гнетом душевной болезни, весьма важно знать повод, вследствие которого возникло первое сомнение относительно умственной состоятельности и свободной воли обвиняемого. Важно это потому, что если повод такой обусловлен каким-нибудь субъективным явлением, обнаруженным в поведении самого обвиняемого, то, естественно, к предположению о его ненормальном состоянии мы должны отнестись более или менее доверчиво; если же, наоборот, повод этот стоит вне сферы личных явлений из жизни и натуры обвиняемого и возник по чьему-либо стороннему указанию или по излишней, хотя и весьма почтенной в этом случае, мнительности следователей, то такое обстоятельство может иметь значение только тогда, когда возбужденной по такому поводу врачебной экспертизой подозрения эти в чем-либо подтвердятся. Применяя эти общие положения к рассматриваемому случаю, мы видим, что повод, благодаря которому возникло сомнение в умственном здоровье девицы Качки, должен быть отнесен не к первой, а ко второй категории; он пришел к нам, так сказать снаружи. Первое сомнение было возбуждено братом подсудимой, заявившим следователю о беременности сестры и о развившемся вследствие этого ее душевном расстройстве; сомнение подкреплялось долгим и упорным молчанием подсудимой об истинной причине убийства. Но когда стараниями следователя

была обнаружена эта причина, когда произведена была врачебная экспертиза, то стало несомненным: первое, что заявление о беременности было внушено исключительно чувством братской любви и не имело под собой никакой фактической основы, и второе, что мотивом убийства была не душевная болезнь, а просто ревность. Итак, повод к сомнению, зародившись извне, не получил при обследовании никакого подтверждения.

Результатом освидетельствования явилось заключение врачей о полном умственном здоровье и, следовательно, полной способности к вменению. Единственным диссонансом в таком гармоническом соглашении представляется мнение врача Державина. Мнение это, основанное не только на кратком, а, можно сказать, на мимолетном наблюдении, положительно опровергается как заключением врача Булыгинского, наблюдавшего ее более месяца и, стало быть, изучившего ее природу несравненно основательнее, так и конечным заключением коллегии врачей-экспертов гг. Кетчера, Доброва и Гилярова, свидетельствовавших Качку в судебном заседании. Оба эти акта были прочитаны на суде, и вы могли убедиться в основательности, всесторонности и внимательности, с которыми отнеслись эксперты эти к своей трудной и сложной задаче. Далеко не таково заключение Державина. Державин в своем заключении совершенно игнорирует фактические обстоятельства и говорит лишь о субъективных свойствах обвиняемой, дознанных им из ее же слов; действительно, если закрыть глаза на отношения Качки к Байрашевскому и Пресецкой, на поведение Байрашевского, на его измену, на силу любви Качки и т.д., тогда, пожалуй, можно приписать убийство душевной болезни, но уж никак не той *gartus melancholicus*, которую нашел Державин. Основные признаки этой болезни, как определяют их Маудсли и Крафт-Эбинг, таковы: «Наступлению помешательства с склонностью к убийству или самоубийству предшествует обыкновенно мрачное состояние духа с бредом или без бреда, убийство совершается под влиянием угнетения, вызванного ложными убеждениями, вдруг, при каком-нибудь незначительном поводе; больной впадает в бешенство, совершенно не знает,

что делает в это время, и приходит в ужас, когда впоследствии узнает об этом» (Маудсли, доктор и профессор. Ответственность при душевных болезнях, стр. 241).

«Аффект появляется столь внезапно и с такой напряженностью, что во время припадка утрачивается не только сознание и рассудительность, но даже и память. Образ действий при *raptus melancholicus* имеет особый механизм, с которым необходимо познакомиться, чтобы не смешивать его с другими состояниями: больной никогда не стремится к достижению какой-либо объективной цели, а лишь к внешнему выражению того, что тяготит его сознание; в образе действий такого больного никогда не бывает плана, целесообразности, а, напротив, больной действует как слепой, как бы конвульсивно; он не довольствуется, например, убийством своей жертвы, а калечит ее самым жестоким отвратительным способом; иногда больной предостерегает окружающих; если же приступ быстр, то за ним следует слепое, бессознательное неистовство» (Крафт-Эбинг, доктор. Начала уголовной психологии, стр. 63–64).

Ничего подобного никто – ни врачи, ни свидетели убийства – в Качке не наблюдали; поступок ее, как это мы видели, далеко не бесцельный; убийство совершено без всяких жестокостей, память и самосознание полнейшие, неистовства по совершении убийства никакого и т.д.

Насколько Качка обладала сознанием в момент убийства и чутко относилась даже к мелочным событиям, видно из двух доказанных следствием явлений, из которых одно предшествовало убийству, а другое за ним следовало: за два часа до выстрела Качка вручает свидетелю Малышеву прочитанную на суде записку свою о брате и домашних своих распоряжениях, а тотчас после убийства, по поводу чьего-то смеха, иронически замечает, что она доставила своим поступком кому-то удовольствие.

Мысль об убийстве зрела и развивалась в долгом, хотя и мучительном, процессе нравственного страдания обвиняемой; она зародилась в измене Байрашевского, а не в каких-нибудь «ложных убеждениях» и разрешилась 15 марта, когда приехала его новая невеста Пресецкая и когда Качка, в последний раз перед разлукой навеки, видела своего бывшего жениха; в

этих последних обстоятельствах, пожалуй, можно допустить внешний толчок, ускоривший развязку, но разве это может лишить факт его осмысленной причины, сознательного стимула, логически подготовленного рядом событий мира действительного, помимо всякой деятельности воображения, миража «ложных убеждений», аффекта и т.п. Где же тут *gartus melancolicus*? Что касается указаний Державина на пьянство отца Качки, о чем говорит и ее мать в своем показании, то и отсюда невозможно вывести какого-либо заключения о нравственной болезненности дочери их Прасковьи Качки, так как у тех же родителей, кроме нее, были дети: Александр, Владимир, Анна и Елизавета; все они умственно совершенно здоровы; отчего же пьянство отца отразилось бы только на одной Прасковье Качке?

На предложенный мною по этому поводу вопрос эксперт Державин мог возразить только то, что в семействе Качки запой отца отразился, кроме Прасковьи Качки, и на сестре ее Анне физическим уродством; но вы помните, господа присяжные заседатели, что об этом уродстве показывала мать ее, г-жа Битмид, и причину его объяснила случайным обстоятельством – падением или ушибом.

Врач Левенштейн вовсе не наблюдал Качку, и поэтому его заключение уже чисто теоретического свойства. Чтобы доказать вам всю его несостоятельность в этом отношении, а также чтобы помочь вам в уяснении психической стороны дела и того значения, какое может иметь для суда врачебная экспертиза вообще, мне необходимо привести, хотя и в выдержках, мнения нескольких научных авторитетов в занимающем нас вопросе.

«Ни в одном из случаев, требующих вмешательства судебного врача, – говорит Шайнштейн (см.: Руководство к изучению судебной медицины, пер. Чацкина, стр. 663—664), – для него не бывает так близка возможность преступить черту своей компетентности, как при исследовании умственного состояния с целью определить, находится ли данное лицо в здравом уме или нет; ибо, высказывая свое мнение, он тем самым высказывает и свое личное суждение о том, можно ли этому лицу вменить данное действие его как свободное и со-

знательное. А между тем решение этого последнего вопроса, как по здоровой логике, так и по точному смыслу большей части законодательств, принадлежит не врачу, а судье. Ни в одном отделе судебной медицины не было поэтому более бесплодных теоретических рассуждений и ни к чему не ведущей полемики, как в судебной психиатрии. Задача врача душевных болезней ограничена представлением судье возможно полной картины физического и нравственного состояния обвиняемого и объяснением, какое влияние то или другое могло иметь на его образ действий вообще. Дальнейшую же оценку этих фактов врач представляет судье; притом к сфере компетентности врача относится только часть тех душевных состояний, которыми исключается вменяемость, – именно одни душевные болезни; все же другие условия, как-то: недостаточное воспитание, заблуждение, страсти и нравственные потрясения в качестве общепонятных психологических моментов, подлежат оценке судьи».

«Решение вопроса о вменяемости, – говорит Миттермайер, – принадлежит исключительно судье или присяжным, а врачи должны доставить им только сведения, дающие возможность решить этот вопрос или облегчающие это решение».

«Не всякое видоизменение умственной деятельности, происшедшее вследствие болезненного состояния, возможно бывает признать душевной болезнью; болезненное расстройство умственной деятельности в конкретном случае еще не безусловно влечет за собой признание того, что действия больного находились под влиянием такого расстройства, исключаящего свободное определение воли, и несомненно, что не все действия душевнобольных носят отпечаток душевных их страданий» (Скржечка, доктор и профессор. Душевные болезни по отношению к учению о вменении).

«Нет ни одного симптома расстройства умственной деятельности, который бы исключительно был свойством душевной болезни и не встречался бы в нормальном состоянии. Отдельные лица в умственном отношении бесконечно разнообразны, и нет типа, который мог бы служить нормой умственно-душевного здоровья. Судебная антропология вращается

исключительно на почве врачебного опыта и наблюдения и не должна ни разрешать вопроса о способности ко вменению, как понятии чисто юридическом, ни теряться в метафизически спекулятивном исследовании абстрактной свободы воли. Абсолютной свободы воли, в смысле философов, вероятно, не было и не будет; требования же, предъявляемые государством к индивидуальной воле, всегда ограничиваются относительной ее свободой; государство требует от частного лица лишь способности производить сравнительную оценку представлений и до известной, установленной обществом нормы поступаться чувственными эгоистическими побуждениями в пользу разумных представлений, соответствующих требованиям нравственности и государственным законам. Относительно вопроса о том, насколько для судьи обязательно заключение врача, можно положительно сказать, что судье принадлежит право оценки заключения и он может отвергнуть его. Ввиду столь многих плохих заключений, предъявляемых по настоящее время в судах, было бы весьма неудобно не признавать этого права за судом, но оно должно распространяться лишь на формальную правильность, точность и тщательность его, а никак не на научную компетентность выводов, сделанных врачом» (Крафт-Эбинг, доктор. Начала уголовной психологии).

Все только что приведенные мной отзывы известнейших представителей науки сводятся к такому общему выводу, имеющему прямое отношение к рассматриваемому сегодня делу: судебная психиатрия изобилует бесплодными теоретическими рассуждениями; неосновательные заключения врачей очень часто предъявляются в судах; врачебная экспертиза поэтому служит для суда только пособием, пользоваться которым можно лишь с величайшей осторожностью; решение вопроса о вменении и оценка фактов, послуживших поводом к экспертизе, всецело принадлежат суду, ибо это вопросы исключительно юридического свойства. Условия воспитания, страсти и нравственные потребности (т.е. единственные двигатели в убийстве Байрашевского) отнюдь нельзя смешивать с душевными болезнями. Бывают случаи, когда и одержимые такими болезнями могут обладать свободной волей, и потому

тогда и они даже подлежат вменению за совершенные ими деяния. Вообще для вменения достаточно и относительной свободы воли, так как безусловной не существует. Применяя эти общие выводы к нашему делу, мы получаем конечный и до очевидности простой итог: там, где мнения врачей расходятся, надо отдать предпочтение тому, которое более согласуется с выводами из фактов.

Правда, некоторые психиатры допускают возможность болезни и в человеке, действующем, по-видимому, целесообразно и разумно, т.е. с мотивом, предумышленным, даже скрытностью и т.п., но для этого необходимо, чтобы на такую болезнь имелись какие-нибудь указания в жизни и поведении субъекта вне совершенного им преступного деяния сомнительной вменяемости; таких указаний в биографии Качки, очень подробно и именно с этой целью обследованной, мы не находим. С другой стороны, в этом отношении следует иметь в виду, что все иностранные кодексы, на которые обыкновенно такие врачи ссылаются, допускают «неполную вменяемость», а некоторые врачи и юристы просто указывают на сомнительные психические страдания как на обстоятельства, смягчающие вину, и в таком случае роль подобных внутренних влияний делается совершенно тождественной с тем значением, какое имеют иногда внешние обстоятельства, например, повод к раздражению, вовлечение другим, несовершеннолетие, вынужденность и т.п. обстоятельства, при наличии которых смягчается наказание.

Наконец, существуют мнения, доводящие подобный взгляд до крайних пределов: по мнению некоторых врачей, сумасшедший человек может действовать совершенно так же, как и умственно здоровый; существует так называемая «больная логика», «судорожное сознание»; границ нет, по крайней мере для современной психиатрии они неуловимы. Что же это значит? Это значит, что и экспериментальное знание имеет свои границы, за которыми вся сумма его сводится к нулю. Но, господа присяжные заседатели, человек обладает свойством более высшего источника, свойством, ему прирожденным, – разумом, здравым смыслом. Область его на-

чинается как раз там, где экспериментальный вывод дает в результате такой нуль.

Итак, обратимся к этой нашей способности и последуем ее указаниям, тем более что такое право в данном случае признают за нами, юристами, и приведенные мной медицинские авторитеты. Мы видели, что преступление было сознательное, больше – оно совершено лицом, способным, как оказалось по показаниям и переписке его, к тонкому и глубокому анализу личных ощущений и к чуткой восприимчивости явлений внешнего мира; мотив, бесспорно доказанный, – ревность; цель узкая, себялюбивая, выраженная формулой: «Если не мне, так никому!»; раскаяние, угрызения совести, ясные следы которых мы видели в последующем поведении подсудимой: она мучается, просит себе кары, покушается отравиться; наконец, колебания (записка в жандармское управление) и т.п. – вот те несомненные очертания, в каких предстает нашему умственному взору страшная, как и всегда, картина убийства, совершенного Качкой; очертания эти стройны и гармоничны, они останутся теми же, откуда бы ни вздумалось освещать их, и только близорукому наблюдателю может в них мерещиться нечто иное, чем то, что они изображают в действительности. Преступление в данном случае не представляется явлением, стоящим особняком, явлением, как бы выхваченным из окружающей его сферы предшествовавших и следующих за ним событий, чем-то совершенно им чуждым, как это бывает у сумасшедших. Напротив того, убийство здесь тесно, органически связано со всем тем, что ему предшествовало и что за ним следовало. Оно – необходимое звено в этой прочно составленной цепи; разорвать такую живую цепь не в силах никакая экспертиза; прежде чем уверовать в противное, надо отречься от своего собственного разума или умышленно закрыть глаза перед очевидными каждому, победоносно убедительными фактами.

Таким образом, по вопросу о вменении, главнейшему в рассматриваемом процессе, судебное и предварительное следствия дают нам такие общие итоги: с одной стороны, предположение о душевной болезни обвиняемой, возникшее по оши-

бочному заявлению брата Качки и затем поддержанное врачом Державиным с не менее очевидными для каждого ошибками, разрушается теоретически коллективным заключением врачей-экспертов; с другой стороны, фактические обстоятельства, доказанные следствием, – обманутая любовь, ревность, разрыв и т.п. – складываются в таком бесспорном для вывода сочетании, что совокупностью своей образуют вполне естественный, для каждого понятный мотив преступления. Оба эти различными, совершенно самостоятельными путями достигнутые итога ведут к третьему убеждению в полном умственном здравии подсудимой, а следовательно, и в полной способности ее ко вменению. Так высказалось большинство экспертов, так говорят все до единого обстоятельства дела, наконец, так говорит и сама подсудимая; так, следовательно, должны сказать и вы, господа присяжные, в своих ответах по этому вопросу.

Покончив с психологической стороной процесса, переходя к рассмотрению другого, особо от этой стороны стоящего взгляда, который я рискую встретить в возражениях защиты или в некоторых впечатлениях, вынесенных лицами, призванными участвовать в разрешении дела; взгляд этот, возводимый иногда в теорию, уже не раз проявлялся в известных судебных процессах, и потому мне нельзя оставить его без внимания.

Качка вызывает к себе сострадание: это далеко не заурядная подсудимая; для многих она окружена ореолом романтического трагизма; убийство совершено под гнетом тяжелым, осложняющимся страстной натурой обвиняемой, едва ли не обезумевшей от любви и ревности. Байрашевский вырвал из ее рук счастье, которое она, доверчивая и влюбленная, купила дорогой ценой – ценой своей девственности! Она получила право на месть!

Все это с известной точки зрения так, все это еще подробнее скажет вам защита... Но вдали от всего этого, в грозном безмолвии смерти одиноко стоит перед вами образ убитого юноши... Родственники Качки пришли сюда, чтобы вместе с моим талантливым противником своими речами и показаниями облегчить участь подсудимой; за Байрашевского никто не явился: его нечего спасать, его никто не подымет из

гроба! Мы не видим здесь безутешного горя его родителей, на старости лет потерявших единственного сына; мы не слышим здесь отчаянного плача его невесты, у которой убили жениха чуть не накануне свадьбы! Я один здесь, который говорю от его имени; на мне одном лежит обязанность защищать перед вами его святое право на осуждение убийцы... Он умер с детски беззаботной улыбкой на устах, застывший отблеск которой сохранился на предьявленной Вам фотографии с трупа. Вряд ли у человека с черным прошедшим можно подметить в момент смерти такую улыбку.

Не спорю, Байрашевский виноват перед Качкой. Я первый принял это во внимание при определении степени уголовной ответственности в своем обвинительном акте; но разве за такие вины казнят смертью? Если государство в таких случаях не считает себя вправе на такую казнь, то может ли защищаться таким правом частное лицо? За что в самом деле погиб Байрашевский? Он изменил своей возлюбленной – в этом виновато его молодое сердце; корыстного мотива измены, мотива, который сделал бы ее отвратительной, здесь не было; было просто сердечное увлечение, с которым 20-летний юноша, быть может, был не в силах и бороться. И вот за это смертная казнь, казнь беспощадная, исполненная публично, как бы в назидание окружающим! Вот что сказал бы нам убитый Байрашевский, если бы мог находиться здесь.

К этому я должен прибавить еще следующее: уголовное правосудие преследует двойственную задачу. Кроме наказания преступнику, всякий приговор по каждому делу вообще, а по такому, как сегодняшнее, в особенности имеет воспитательное значение: есть люди, которые прислушиваются к решениям гласного суда, соотносят с ними поведение свое в тех или иных случаях, и если суд представителей общественной совести торжественно и всенародно объявляет, что частное лицо может безнаказанно мстить за обиду даже лишением жизни, то вслед за оправданным преступником всегда готова двинуться целая вереница последователей, рассчитывающих на безнаказанность, – и тогда где и в чем найдется гарантия личной свободы и безопасности? Чем оградится естественное

право каждого живущего на продолжение своей жизни? Все это – вопросы высшего порядка, вопросы, перед которыми должна в вашем приговоре склониться и личность подсудимой, сколько бы ни вызывала она к себе превратной симпатии и малодушного в этом случае сострадания.

Полагая поэтому, что Качка не будет оправдана ни ради ошибочно подозреваемого в ней душевного расстройства, ни ради только что рассмотренных мной столь же ошибочных и еще более опасных социологических соображений, я могу заняться теперь определением тех границ, в которых считаю справедливым предъявить вам свое обвинение. В этом отношении я обязан особенно осмотрительностью ввиду тех последних слов, которые записала Качка в протоколе предъявленного ей следственного производства: «Преступно мое прошлое, бесполезно настоящее – судите беспощадно!»

Я ищу только справедливости и только с этой целью ставлю себе вопрос. К какому именно из предусматриваемых нашим уложением видов убийства следует отнести совершенное Качкой преступление? С первого взгляда казалось бы, что оно является плодом «заранее обдуманного намерения», т.е. при обстоятельстве, особенно отягчающем вину. Действительно, мысль об убийстве рождается и зреет в голове подсудимой. Задолго до его совершения она покупает револьвер, заряжает его, держит его при себе в вечер убийства. Но при внимательном сопоставлении и тщательной оценке всех фактов, рисующих нам внутренний мир подсудимой незадолго до убийства и в самый момент его совершения, нельзя сказать с полной уверенностью, чтобы тут действовало заранее обдуманное намерение в том смысле, как это понимает наш уголовный закон. Револьвер Качка покупает, чтобы застрелить себя. Это объяснение ее не опровергается по следствию, и потому мы не имеем основания заподозрить его искренность. Затем Качка в момент преступления настолько еще, по собственному ее показанию, любила и вместе с тем ненавидела своего бывшего жениха, настолько еще страдала недавней изменой, что намерение убить его могло, скорее, явиться внезапно под влиянием особо угнета-

ющих или особо раздражающих нервную восприимчивость условий. Такими условиями в данном случае были: во-первых, известие, полученное за два часа до убийства, о приезде из Петербурга невесты Байрашевского и о предстоящем отъезде ее со своим женихом. Качка поэтому знала, что видит Байрашевского свободным уже в последний раз; он уезжает, чтобы соединиться с другой навсегда; теперь, в этот ужасный вечер, рушится ее последняя надежда, и затем – разлука навеки! Во-вторых, пение. Песни Качки, по словам собеседников, отличались на этот раз особенно мрачным и вместе с тем особенно чарующим характером; они были так близко по содержанию к ее собственному тогдашнему душевному настроению, были так обаятельны даже для посторонних слушателей. Очевидно, сама Качка, любящая музыку и глубоко ее чувствующая, не могла не проникнуться такими песнями: «голос ее дрожал и обрывался, в нем слышались рыдания», говорят свидетели; явилось нервное возбуждение... револьвер был в руках; Байрашевский сидел почти рядом, мечтая о своей новой невесте; Качка пела про несчастную любовь и в то же время на лице его мучительно наблюдала ту улыбку чужого нарождающегося счастья, какую он унес с собой и в могилу... И Качка не устояла: раздался выстрел и разбил это ненавистное счастье!

Не приезжай в этот день Пресецкая, не будь этого раздражающего пения, может быть, решимость Качки, с которой она боролась (это доказано письмом ее в жандармское управление), не достигла бы своего ужасного осуществления. Да и сама эта решимость, как выразилась Качка в одном из своих показаний, «как-то не оформливалась»; мысли – то об убийстве Байрашевского, то о самоубийстве, то об исполнении того и другого зараз, – очевидно, возникали в уме и проносились мимо. Так по ясному когда-то небу проносятся перед грозой облака, но кто угадает, из которого впервые сверкнет молния и загремит гром? То было представление, искушение, идея, отчаяние, все, что хотите, но только не «намерение», и при том «заранее обдуманное».

Вот почему, господа присяжные заседатели, я не решаюсь возвышать свое обвинение, настаивая на этом признаке,

хотя в некоторых взятых в отдельности фактах и можно было бы подыскать для того известное основание.

Я предпочитаю приурочить деяние Качки к ст. 455 уложений, т.е. той, которая выставлена в утвержденном судебной палатой обвинительном акте и которая говорит об убийстве без заранее обдуманного намерения, в запальчивости или раздражении, но не случайном, а умышленном, т.е. сознательном. Если не было «запальчивости», то могло быть «раздражение», вызванное, с одной стороны, суммой всех тех психических, но совершенно нормальных явлений, о которых так много было говорено вчера, и с другой – той обстановкой самого преступления, о которой я только что упомянул.

В конце концов, от вас, господа присяжные заседатели, будет зависеть, признать в деянии Качки наличность «раздражения» или отвергнуть этот признак; все сказанное мной в этом отношении внушено лишь целью представить вам свои соображения и тем облегчить разрешение этого частного, второстепенного в обвинении вопроса. Что же касается остальных признаков преследуемого приведенной ст. 455 преступления – не случайности и сознания, – то в том, что эти признаки были налицо, ни в ком не может возникнуть и сомнения: стреляя из ею же самой заряженного револьвера в лоб, чуть не в упор, Качка не могла не сознавать, что посягает на жизнь другого, и поэтому действовала умышленно, а поступая так, не могла, конечно, застрелить Байрашевского «случайно».

Приговор ваш в тех скромных пределах обвинения, какие я установил в своей речи, будет справедлив. Вы можете признать смягчающие обстоятельства, но не оставите подсудимую без наказания, которого одинаково требуют как ее собственная возмущенная совесть, так и совесть общественная, представителями которой являетесь вы на суде¹.

¹Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учеб. пособие – М.: Юристъ, 1999. – 384 с. (279–291).

ПЛЕВАКО Ф.Н. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ КАЧКИ¹

Господа присяжные! Накануне, при допросе экспертов, господин председатель обратился к одному из них с вопросом: по-вашему, выходит, что вся душевная жизнь обуславливается состоянием мозга? Вопросом этим брошено было подозрение, что психиатрия в ее последних словах есть наука материалистическая и что, склонившись к выводам психиатров, мы дадим на суде место «материалистическому» мирообъяснению. Нельзя не признать уместность вопроса, ибо правосудие не имело бы места там, где царило бы подобное учение, но вместе с тем надеюсь, что вы не разделите того обвинения против науки, которое сделано во вчерашнем вопросе господина председателя. В области мысли действительно существуют то последовательно, то рядом два диаметральных объяснения человеческой жизни – материалистическое и спиритуалистическое. Первое хочет всю нашу духовную жизнь свести к животному, плотскому процессу. По нему, наши пороки и добродетели – результат умственного здоровья или расстройства органов. По второму воззрению, душа, воплощаясь в тело, могуча и независима от состояния своего носителя.

Ссылаясь на примеры мучеников, героев и т.п., защитники этой последней теории совершенно разрывают связь души и тела. Но если против первой теории возмущается совесть и ее отвергает ваше нравственное чувство, то и второе не устоит перед голосом вашего опытом богатого здравого смысла. Допуская взаимодействие двух начал, но не уничтожая одно в другом, вы не впадете в противоречие с самым высшим из нравственных учений, христианским. Это возвысившее дух человеческий на подобающую высоту учение само дает основания для третьего, среднего между крайностями, воззрения. Психиатрия, заподозренная в материалистическом методе,

¹ Текст речи приводится так, как он дан в кн.: Суд присяжных в России / Сост. С.М. Казанцев. – Л., 1991.

главным образом, стояла за наследственность душевных болезней и за слабость душевных сил при расстройстве организма прирожденными и приобретенными болезнями.

В библейских примерах (Ханаан, Вавилон и т.п.) защита доказывала, что наследственность признавалась уже тогда широким учением о милосердии, о филантропии путем материальной помощи, проповедуемой Евангелием; защита утверждала то положение, что заботой о материальном довольстве страждущих и неимущих признается, что лишения и недостатки мешают росту человеческого духа: ведь это учение с последовательностью, достойной всеведения учителя, всю жизнь человеческую регулировало с точки зрения единственно ценной цели, цели духа и вечности.

Те же воззрения о наследственности сил души и ее достатков и недостатков признавались и историческим опытом народа. Защитник припомнил наше древнерусское предубеждение к Ольговичам и расположение к Мономаховичам, оправдывающееся фактом: рачитель и сберегатель мира Мономах воскрешался в роде его потомков, а беспокойные Олеговичи отражали хищнический инстинкт своего прародича. Защитник опытами жизни доказывал, что вся наша практическая мудрость, наши вероятные предположения созданы под влиянием двух аксиом житейской философии: влияния наследственности и материальных плотских условий в значительной дозе на физиономию и характер души и ее деятельности. Установив точку зрения на вопрос, защитник прочел присяжным страницы из Каспара, Шюлэ, Гольцендорфа и других, доказывающих то же положение, которое утверждалось и вызванными психиатрами. Особенное впечатление производили страницы из книги доктора Шюлэ из Илленау (Курс психиатрии.) о детях-наследственниках. Казалось, что это не из книги автора, ничего не знающего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства.

Затем началось изложение фактов судебного следствия, доказывающих, что Прасковья Качка именно такова, какой ее представляли эксперты в период от зачатия до оставления ею домашнего очага.

Само возникновение ее на свет было омерзительно. Это не благословенная чета предавалась естественным наслаждениям супругов. В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти, ей дана жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства и страхом за своего грубо разгульного мужа. Вместо колыбельных песен до ее младенческого слуха долетали лишь крики ужаса и брани да сцены кутежа и попойек. Она потеряла отца будучи шести лет. Но жизнь от того не исправилась. Мать ее, может быть, надломленная прежней жизнью, захотела пожить, подышать на воле; но она очень скоро вся отдалась погоне за своим личным счастьем, а детей бросила на произвол судьбы. Ее замужество за бывшего гувернера ее детей, ныне высланного из России, г. Битмида, который моложе ее чуть не на 10 лет; ее дальнейшее поглощение своими новыми чувствами и предоставление детей воле судеб; заброшенное, неряшливое воспитание; полный разрыв чувственной женщины и иностранца-мужа с русской жизнью, с русской верой, с различными поверьями, дающими столько светлых, чарующих детство радостей; словом, семя жизни Прасковьи Качки было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву. Каким-то чудом оно дало – и зачем дало? – росток, но к этому ростку не было приложено забот и любви: его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги и беспорядочные смены стихий. В этом семействе, которое, собственно говоря, не было семейством, а механическим соединением нескольких отдельных лиц, полагали, что сходить в церковь, заставить пропеть над собой брачные молитвы, значит совершить брак. Нет, от первого поцелуя супругов до той минуты, когда наши дети, окрепшие духом и телом, нас оставляют для новых, самостоятельных союзов, брак не перестает быть священной тайной, высокой обязанностью мужа и жены, отца и матери, нравственно ответственных за рост души и тела, за направление и чистоту ума и воли тех, кого вызвала к жизни супружеская любовь.

Воспитание было действительно странное. Фундамента не было, а между тем в присутствии детей, и особенно в при-

сутствии Паши, любимицы отчима, не стесняясь говорили о вещах выше ее понимания: осмеивали и осуждали существующие явления, а взамен ничего не давали. Таким образом, воспитание доразрушило то, чего не могло разрушить физическое нездоровье. О влиянии воспитания нечего и говорить. Не все ли мы теперь плачемся, видя, как много бед у нас от нерадения семейств к этой величайшей обязанности отцов?

В дальнейшем ходе речи были изложены по фактам следствия события от 13 до 16 лет жизни Качки.

Стареющая мать, чувствуя охлаждение мужа, вступила в борьбу с этим обстоятельством. При постоянных переездах с места на место, из деревни то в Петербург, то в Москву, то в Тулу, ребенок нигде не может остаться, освоиться, а супруги между тем поминутно в перебранках из-за чувства. Сцены ревности начинают наполнять жизнь господ Битмидов. Мать доходит до подозрений к дочери и, бросив мужа, а с ним и всех детей от первого брака, уезжает в Варшаву. Проходят дни и годы, а она даже и не подумает о судьбе детей, не поинтересуется ими.

В одиночестве, около выросшей в девушку Паши, Битмид-отчим действительно стал мечтать о других отношениях. Но когда он стал высказывать их, в девушке заговорил нравственный инстинкт. Ей страшно стало от предложения и невозможно долее оставаться у отчима. Ласки, которые она считала за отцовские, оказались ласками мужчины-искателя; дом, который она принимала за родной, стал чужим. Нить порвалась. Мать далеко... Бездомная сирота ушла из дому. Но куда, к кому? Вот вопрос.

В Москве была подруга по школе. Она – к ней. Там ее приютили и ввели в кружок, доселе ею невиданный. Целая кучка молодежи живут не ссорясь; читают, учатся. Ни сцен ее бывшего очага, ни плотоядных инстинктов она не видит. Ее потянуло сюда. Здесь на нее ласково взглянул Байрашевский, выдававшийся над прочими знанием, обстоятельностью. Бездомное существо, зверек, у которого нет пристанища, дорого ценит привет. Она привязалась к нему со всем жаром первого увлечения. Но он выше ее: другие его понимают, а она нет.

Начинается догонка, бег; как и всякий бег – скачками. На фундаменте недоделанного и превратного воспитания увлекающаяся юность, увидевшая в ней умную и развитую девушку, начинает строить беспорядочное здание: плохо владеющая, может быть, первыми началами арифметики садится за сложные формулы новейших социологов; девушка, не работавшая ни разу в жизни за вознаграждение, обсуживает по Марксу отношения труда и капитала; не умеющая перечислить городов родного края, не знающая порядком беглого очерка судеб прошлого человечества, читает мыслителей, мечтающих о новых межах для будущего. Понятно, что звуки доносились до уха, но мысль убегала. Да и читалось это не для цели знания: читать то, что он читает, понимать то, что его интересует, жить им – стало девизом девушки. Он едет в Питер. Она – туда. Здесь роман пошел к развязке. Юноша приласкал девушку, может быть, сам увлекаясь, сам себе веря, что она ему по душе прилась. Началось счастье. Но оно было кратковременно. Легко загоревшаяся страсть легко и потухла у Байрашевского. Другая женщина приглянулась, другую стало жаль, другое состояние он смешал с любовью, и легко, без борьбы, он пошел на новое наслаждение.

Она почувствовала горе, она узнала его. В словах, которые воспроизвести мы теперь не можем, было изложено, каким ударом было для покинутой ее горе. Кратковременное счастье только большее, жгучее сделало для нее ее пустую, бесприютную, одинокую долю. Будущее с того шага, как захлопнется навсегда дверь в покой ее друга, представлялось темным, далеким, не озаренным ни на одну минуту, неизвестным. И она услышала первые приступы мысли об уничтожении. Кого? Себя или его – она сама не знала. Жить и не видеть его, знать, что он есть, и не мочь подойти к нему – это какой-то неестественный факт, невозможность. И вот, любя его и ненавидя, она борется с этими чувствами и не может дать преобладание одному над другим.

Он поехал в Москву, она, как ягненок за маткой, за ним, не размышляя, не соображая. Здесь ее не узнали. Все в ней было перерождено: привычки, характер. Она вела себя стран-

но; непривычные к психиатрическим наблюдениям лица и те узнали в ней ненормальность, увидав в душе гнетущую ее против воли, свыше воли тоску. Она собирается убить себя. Ее берегут, остаются с ней, убирают у нее револьвер. Порыв убить себя сменяется порывом убить милого. В одной и той же душе идет трагическая борьба: одна и та же рука заряжает пистолет и пишет на саму себя донос в жандармское управление, прося арестовать опасную пропагандистку Прасковью Качку, очевидно, желая, чтобы посторонняя сила связала ее большую волю и помешала идее перейти в дело. Но доносу, как и следовало, не поверили.

Наступил последний день. К чему-то страшному она готовилась. Она отдала первой встречной все свои вещи. Видимо, мысль самоубийства охватила ее. Но ей еще раз захотелось взглянуть на Байрашевского. Она пошла. Точно злой дух шепнул ему новым ударом поразить грудь полурбенка, страдальцы: он сказал ей, что приехала та, которую он любит, что он встретил ее, был с ней; может быть, огнем горели его глаза, когда он говорил, не щадя чужой муки, о часах своей радости. И представилось ей вразрез с ее горем, ее покинутой и осмеянной любовью, молодое чужое счастье. Как в вине и разгуле пытается иной забыть горе, попыталась она в песнях размыкать свое, но песни или не давались ей, или будили в ней воспоминания прошлого утраченного счастья и надрывали душу. Она пела как никогда; голос ее был, по выражению юноши Малышева, страшен. В нем звучали такие ноты, что он – мужчина молодой, крепкий – волновался и плакал. На беду попросили запеть ее любимую песню из Некрасова: «Еду ли ночью по улице темной». Кто не знает могучих сил этого певца страданий, кто не находил в его звучных аккордах отражения своего собственного горя, своих собственных невзгод? И она запела... и каждая строка поднимала перед ней ее прошлое со всем его безобразием и со всем гнетом, надломившим молодую жизнь. «Друг беззащитный, больной и бездомный, вдруг предо мной промелькнет твоя тень», – пелось в песне, а перед воображением бедняжки рисовалась сжимающая сердце картина одиноче-

ства. «С детства тебя невзлюбила судьба; суров был отец твой угрюмый», – лепетал язык, а память подымала из прошлого образы страшнее, чем говорилось в песне. «Да не на радость сошлась и со мной...» – попевала песня за новой волной представлений, воспроизводивших ее московскую жизнь, минутное счастье и безграничное горе, сменившее короткие минуты света. Душа ее надрывалась, а песня не щадила, рисуя и гроб, и падение, и проклятие толпы. И под финальные слова: «Или пошла ты дорогой обычной и роковая свершилась судьба» – преступление было сделано.

Сцена за убийством, поцелуй мертвого, плач и хохот, констатированное всеми свидетелями истерическое состояние, видение Байрашевского... все это свидетельствует, что здесь не было расчета, умысла, а было то, что на душу, одаренную силой в один талант, насело горе, какого не выдержит и пятиалантная сила, и она задавлена им, задавлена не легко, не без борьбы. Больная боролась, сама с собой боролась. В решительную минуту, судя по записке, переданной Малышеву для передачи будто бы Зине, она еще себя хотела покончить, но по какой-то неведомой для нас причине одна волна, что несла убийство, переиграла другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом, унесшим сразу две жизни, ибо и в ней убито все, все надломлено, все сожжено упреками неумирающей совести и сознанием греха.

Я знаю, что преступление должно быть наказано и что злой должен быть уничтожен в своем зле силой карающего суда. Но присмотритесь к этой, тогда 18-летней женщине и скажите мне, что она? Зараза, которую нужно уничтожить, или зараженная, которую надо пощадить? Не вся ли жизнь ее отвечает, что она последняя? Нравственно гнили были те, кто дал ей жизнь. Росла она как будто бы между своими, но у нее были родственники, а не было родных, были производители, но не было родителей. Все, что ей дало бытие и форму, заразило то, что дано. На взгляд практических людей – она труп смердящий. Но правда людей, коли она хочет быть отражением правды Божьей, не должна так легко делать дело суда. Правда должна в душу ее войти и прислу-

шаться, как велики были дары, унаследованные, и не переборола ли их демоническая сила среды, болезни и страданий? Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды. Пусть, по счастливому выражению псалмопевца, правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызаются. И если эти светлые свойства правды подскажут вам, что ее «я» не заражено злом, а отвертывается от него, содрогается и мучится, не бойтесь этому кажущемуся мертвецу сказать то же, что вопреки холодному расчету и юдольной правде книжников и фарисеев сказано было великой и любвеобильной Правдой четверодневному Лазарю: «гряди вон».

Пусть воскреснет она, пусть зло, навешенное на нее извне, как пелена гробовая, спадет с нее, пусть правда и ныне, как и прежде, живет и чудодействует! И она оживет. Сегодня для нее великий день. Бездомная скиталица, безродная, – ибо разве родная ее мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то поделывает моя бедная девочка, – безродная скиталица впервые нашла свою мать-родину, Русь, сидящую перед ней в образе представителей общественной совести. Раскройте ваши объятия, я отдаю ее вам. Делайте, что совесть вам укажет. Если ваше отеческое чувство возмущено грехом детища, сожмите гневно объятия, пусть с криком отчаяния сокрушится это слабое создание и исчезнет. Но если ваше сердце подскажет вам, что в ней, изломанной другими, искалеченной без собственной вины, нет места тому злу, орудием которого она была; если ваше сердце поверит ей, что она, веруя в Бога и в совесть, мучениями и слезами омыла грех бессилия и помраченной болезнью воли, – воскресите ее, и пусть ваш приговор будет новым рождением ее на лучшую, страданиями умудренную жизнь.

**ПЛЕВАКО Ф.Н. РЕЧЬ ПО ДЕЛУ РАБОЧИХ
КОНШИНСКОЙ ФАБРИКИ¹**

Как старший по возрасту между говорившими в защиту подсудимых товарищами, я осторожнее всех. Моя недлинная речь будет посвящена просьбе о снисходительном отношении к обвиняемым, если вы не разделите доводов, оспаривающих правильность законной оценки предполагаемых событий. К этому прибавлю и просьбу, вызываемую особенными чертами этого дела.

Время, которое вы отдадите вниманию к моему слову, – это лучшее употребление его.

Когда на скамье сидят 40 человек, для которых сегодня поставлен роковой вопрос: быть ли и чувствовать себя завтра свободными, окруженными своими близкими, или утро встретит их картинами тюремной жизни, представлениями о безлюдных пустынях и, может быть, о зараженном миазмами воздухе отдаленных стран ссылки – лишний потраченный час судейского времени – ваш долг, даже если бы слово мое оказалось излишним и несодержательным.

Пусть, если не суждено им избавиться от тяжелых кар, они уйдут с сознанием, что здесь их считают не за зараженный гурт, с которым расправляются средствами, рекомендуемыми ветеринарией и санитарами, а за людей, во имя которых здесь собрано это почтенное судилище, в защиту которых здесь велением закона допущено и слушается представительство защиты.

Особенный состав присутствия, установленный законом для данных дел, внушает мне смелую мысль воспользоваться благами, из того истекающими.

Простите, что хочу я внести не мир, а меч в сердце коллегии в минуту, когда она должна будет обсуждать дело. Я

¹ Текст речи приводится так, как он дан в кн.: Суд присяжных в России / Сост. С.М. Казанцев. – Л., 1991.

хочу говорить о тех условиях, которым должны быть верны представители сословий, когда начинается высказывание мнений по делу.

У вас, господа коронные судьи, масса опыта, – не к вам слово мое: не напоминать вам, а учиться у вас должны мы, младшие служители правосудия. Вы выработали для себя строго установленные приемы, точно колеи на широкой дороге, по которой гладко и ровно идет к цели судейское мышление.

Но законодатель ввел в состав ваш общественный элемент, конечно, не для подсчета голосов и внешнего декорума.

Вносится слово живой действительности, не исключенной в отвлеченный термин. Вносит непосредственность бытовых отношений, составляющих самую душу изучаемого дела.

И вот я прошу носителей этого непосредственного миропонимания не выезжать колесами в соблазняющие своей прямолинейностью колеи судейского опыта, а всеми силами отстаивать житейское значение фактов дела.

Есть у настоящего дела громадный недочет, – люди жизни его понимают.

Совершено деяние незаконное и нетерпимое, – преступником была толпа.

А судят не толпу, а несколько десятков лиц, замеченных в толпе. Это тоже своего рода толпа, но уже другая, маленькая: ту образовали массовые инстинкты, эту – следователи, обвинители.

Заразительность толпы продолжает действовать. Помня, что проступки совершены толпой, мы и здесь мало говорим об отдельных лицах, а все сказуемые, наиболее хлестко вырисовывающие буйство и движения массы, – приписываем толпе, скопищу, а не отдельным лицам.

А судим отдельных лиц: толпа как толпа, – ушла. Подумайте над этим явлением.

Толпа – это фактически существующее юридическое лицо. Гражданские законы не дают ей никаких прав, но 14 и 15-й томы делают ей честь, внося ее имя на свои страницы.

В первом – толпе советуется расходиться по приглашению городских и чинно, держась правой стороны, чтобы не

мешать друг другу, идти к своим домам (ст. 113, т. 14 Свода Законов).

Второй – грозит толпе карами закона.

Толпа – стихия, ничего общего не имеющая с отдельными лицами, в нее вошедшими.

Толпа – здание, лица – кирпичи. Из одних и тех же кирпичей создается и храм богу, и тюрьма – жилище отверженных. Пред первым вы склоняете колена, от второй бежите с ужасом.

Но разрушите тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмоздательство, не отражая отталкивающих черт их прошлого назначения...

Как ни тяжело, но с толпой мыслимо одно правосудие – воздействие силой, пока она не рассеется. С толпой говорят залпами и любезничают штыком и нагайкой: против стихии нет другого средства.

Толпа само чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит. Она страшна, даже когда одушевлена добром. Она задавит не останавливаясь, идет ли разрушать или спешит встретить святыню народного почитания.

Так живое страшилище, спасая, внушит страх, когда оно, по-своему нежничая, звуками и движениями сзывает к себе своих детенышей.

Быть в толпе еще не значит быть носителем ее инстинктов. В толпе богомольцев всегда ютятся и карманники. Применяя земные методы обвинения находящихся в толпе, вы впустите в рай вместе с пилигримами воров по профессии.

Толпа заражает, лица, в нее входящие, заражаются. Бить их – это все равно, что бороться с эпидемией, бичуя больных.

Только рассмотрением улик, выясняющих намерения и поступки отдельных участников толпы, вы выполните требование закона, и кара ваша обрушится на лиц не за бытие в толпе, а за ношение в себе первичных, заразных миазм, превратившихся в эпидемию по законам, подмеченным изучающими психологию масс.

Здесь вам доказывали, что не было стачки.

А если была?

Тогда выступает вопрос о целях стачки.

Доказано, что часть требований была законна и удовлетворена. Доказывали, что и все требования были законны, в том числе и спорный вопрос о прекращении работ перед праздниками ко времени церковного богослужения.

Я же допускаю, что последнее требование не было законно. Я допускаю, что базарные инстинкты взяли верх над духовными, и уже давно заповедь о посвящении субботы богу (хотя бы со всеобщего бдения) отменена другой, гласящей, что суббота – время чистки машин на фабриках.

Спорить не будем против законности господствующего инстинкта, но не откажем виноватым в снисхождении за увлечение святыми, но отживающими в сознании хозяев идеалами.

Скажем только, что они жестоко ошибаются, урывая время у осатаневшего от недельного труда рабочего.

Церковь – это место подъема духа у забитого жизнью, возрождение нравственных заповедей, самосознания и любви. Там он слышит, что и он человек, что перед богом несть эллин или иудей, что перед ним царь и раб в равном достоинстве, что церковь не делит людей на ранги и сословия, а знает лишь сокрушенных и смиренных, алчущих и жаждущих правды, труждающихся и озлобленных, всех вкупе помощи божьей требующих.

Входя туда озлобленным, труженик выходит освеженным умом и сердцем.

Хотите сделать из народа зверей – не напоминайте ему про божью правду; хотите видеть работника-человека – не разлучайте его с великою школой Христовой.

Обвинение вменяет в вину избобличенным подсудимым их тоску по церкви. В надежде, что вы в этой тоске найдете основание к снисхождению, я перехожу к другому моменту дела.

Отгоняемые от церкви, они, преданные страсти, разбивают кабаки. И за кабаки их влекут к еще строжайшему ответу.

Остановимся.

Буйство было. Но относить это буйство к беспорядкам

скопищем, направленным против порядка управления, – несогласно с требованием закона. Вам это доказывали, и я вычеркнул из моей памяти все, что хотел сказать по этому предмету.

Добавлю одно: закон, ст. 269 Уложения, – закон новый, но мотивы к нему выяснены весьма подробно. Закон этот целиком взят из нового Уложения.

Вам, вероятно, присланы, как высшему суду местности, для заключений работы комиссии по Уложению. Там, во 2-ом томе, под ст.ст. 8г, 8з вы найдете исчерпывающую вопрос аргументацию за наказуемость скопищ особливими карами лишь в исключительных, статьей перечисленных случаях; там приведено ценное мнение светила французской юриспруденции Ней о границах общепасного и просто буйного массового беспорядка. Прочитайте эти страницы.

Вас поразит дерзость буйнов, вторгающихся в чужие помещения, и хозяйничанье их за чужим вином.

Да, перед чужою дверью чувство деликатности и врожденное признание святости чужого очага сдерживают всякого человека с непреступно направленной или неиспорченной совестью. Но в том-то и беда, что здесь для этого чувства не было места.

Разбивались кабаки, ютящиеся около той же фабрики, где жили обвиняемые. А что такое кабак в жизни большинства наших фабричных?

Это его клуб, его кабинет. Здесь он оставляет весь свой заработок, остающийся от необходимых домашних затрат. Кабачная выручка – это склад, где сложены и трудовые деньги, и здоровье, и свободное время рабочего.

Кабак построен около фабрики, чтобы своим видом, запахом смущать и напоминать о себе рабочему. Кабаку нужны не трезвые и сдержанные: его друзья – буйные и безвольные гуляки. Для этих последних он не чужой дом, а самое настоящее пребывание, свой угол, свой правовой домицилий, где ищет рабочего, уклонившегося от работы, надзиратель, где сыщут его и власти, находящие нужным задержать его.

А если так, то не вмените в особый признак злостности буйство пьяного рабочего в кабаке, где все, от чайной чашки до последней капли одуряющего спирта, есть кристаллизация его беспросветного невежества и его непосильного труда.

Судя этих людей, вы должны, по требованию закона и справедливости, принять во внимание нравственные качества их, как ту силу, которая противостоит преступным соблазнам всякого рода.

Посмотрим же, какова эта сила и среди каких условий возникает и растет она.

Вечный визг махового колеса, адский шум машины и пыхтение паровика, передающего свою силу десятку тысяч станков, около которых ютятся как мало значащие винтики рабочие люди...

Титаническая сила – машина блестит чистотой и изяществом своих частей, к ней прикованы забота и любовь домоладыки; и только они, легко заменимые в случае порчи, винтики, чужды любви и внимания.

Это ли условие подъема личности?

Выйдем из фабрики...

Кое-где виднеется церковь, одна-две школы, а ближе и дальше – десятки кабаков и притонов разгула.

Это ли здоровое условие нравственного роста?

Есть кое-где шкаф с книгами, а фабрика окружена десятками подвалов с хмельным, все заботы утоляющим вином.

Это ли классический путь к душевному оздоровлению рабочего, надорванного всеми внутренностями от бесконечно однообразного служения машине?

Пожалеет его. Не будем прилагать к нему не ради правды, а ради соображений неправового свойства мерку, удобную для наших сил.

Нас воспитывают с пеленок в понятии добра, нас блюдут свободные от повседневного труда зоркие очи родителей, к нам приставлены пестуны. Вся наша жизненная дорога, несмотря на запас сил и умение различать вещи, обставлена барьерами за счет нашего достатка, благодаря которым мы и сон-

ные не свалимся в пучину и рассеянные идем автоматически по прямой и торной дороге.

А у них не то.

Обессиленные физическим трудом, с обмершими от бездействия духовными силами, они, тем не менее, сами должны искать путь и находить признаки правового и неправового направления.

Справедливо ли требовать от них той выдержки, какую мы носим в наших грудях?..

Чудные часы предстоит пережить вам, господа судьи. Вы можете при свете милосердия и закона избавить от кар неповинного и ослабить узы несчастных, виноватых не столько злой волей, сколько нерадостными условиями своей жизни.

Будьте снисходительны!

Правда, не велика разница для рабочего между неволей по закону и неволей нужды, приковывающей всю его жизнь, все его духовные интересы к станку, бесстрастно трепещущему перед его глазами. Но все же эти люди, куда бы вы ни послали их, – к станку или в тюрьмы и ссылку, – услышав в вашем приговоре голос, осторожный в признании вины и свободный в приложении милости, исполнятся чувства нравственного удовлетворения.

Они увидят, что великое благо страны – суд равный для всех – коснулось и их, пасынков природы; что и им, воздавая по заслугам, судейская совесть сотворила написанное народу милосердие, внушенное русскому правосудию с высоты первовластия.

И пусть из их груди, чуткой ко всякой правде, им дарованной, дорожащей всякою крупницей внимания со стороны вашей, вырвутся благодарные клики, обращенные к тому, чьим именем творится суд на Руси, клики, какие, правда, по иным побуждениям вырывались из груди гладиаторов Рима: «.....».

СПАСОВИЧ В.Д. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ДЕМЕНТЬЕВА

Господа судьи! Хотя судьба, а может быть, и жизнь трех людей висит на конце пера, которым суд подпишет свой приговор, защита не станет обращаться к чувству судей, играть на нервах, как на струнах. Она считает себя не вправе прибегнуть к такого рода приему, потому что настоящее дело похоже на палку, которая имеет два конца. Один только конец рассматривается теперь, другой еще впереди. В этом деле так слились два элемента: то, что сделал солдат, и то, что сделал офицер, что разделить их можно только мысленно, а в действительности оно и неразделимо: насколько смягчится участь солдата, настолько отягчится участь офицера, насколько палка опустится для одного, настолько она поднимется для другого. Подсудимый находится в очень трудном положении, вследствие особенностей военного судопроизводства, вследствие примечания к статье 769, в силу которого ввиду соображений высшего порядка поручик Дагаев не может быть вызван в суд. Его отсутствие чрезвычайно затрудняет работу разоблачения истины, разбирания, кто говорит правду, кто говорит неправду. Если бы Дагаев был на суде, если бы он мог живым словом передать подробности происшествия, то как человек молодой, образованный, может быть, он и изменил бы отчасти показания, данные им на предварительном следствии, и, может быть, участь подсудимого была бы смягчена. Но если даже он и не изменил своих показаний, то из слов его, из образа действий на суде сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путем весьма трудным, окольным путем соображений, сопоставлений, сравнений, заключений. Путь этот требует большого хладнокровия, нужно приступить к делу со скальпелем в руках, с весами, как для химического анализа, и только таким образом, сказав сердцу, чтобы оно молчало, обуздав чувство, установить факт. Раз установив факт, можно будет дать чувству разыгаться против того, кто окажется виновным, дать место состраданию к тому и другому, пото-

му, что обе стороны одинаково нуждаются в нем, потому что офицер, если не оклеветал, то ввел в искушение своим образом действий солдата и виновен в том, что ему грозит теперь тяжкое наказание. Тогда можно будет руководствоваться соображениями, почерпнутыми из сферы военного быта, из сознания глубокой необходимости строгой дисциплины. Но до установления самого факта нельзя руководствоваться этими соображениями; до установления факта для суда не существует офицера и нижнего чина, а существует только Дагаев и Дементьев.

Приступая к установлению факта, защита не может держаться того порядка, которого держалась обвинительная власть, которая начала с конца. Все дело развивалось весьма логически с первого шага; с первого шага события, логически развивавшиеся, довели до последнего результата.

Следует начать сначала с Даниловой и ее собаки.

На улице Малой Дворянской есть большой дом, занимаемый внизу простонародьем; бельэтаж занимает Данилова и другие жильцы, затем в мезонине живет Дементьев с женой и дочерью. У Даниловой есть собака, большая и злая. Из приговора мирового судьи видно, что она бросалась на детей и пугала их. 5 апреля настоящего года эта собака ужаснейшим образом испугала малолетнюю дочь Дементьева, которую отец страстно любит, ради которой он променял свою свободу на военную дисциплину. Девочка шла с лестницы по поручению родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолетка испугалась, закусил губу в кровь и с криком бросилась бежать. На крик дочери отец выбежал в чем был, в рубашке, в панталонах, в сапогах, не было только сюртука. Он простой человек, он нижний чин, ему часто случалось ходить таким образом и на дворе, и в лавочку. А тут рассуждать некогда, собака могла быть бешеная. Собаку втаскивают в квартиру, он идет за ней, входит в переднюю и заявляет: «Как вам не стыдно держать такую собаку». Чтобы он сказал что-нибудь оскорбительное, из дела не видно; Данилова на это не жаловалась. Все неприличие заключалось в том, что он вошел без сюртука, в рубашке и с палкой; Данилова говорит,

что он ударил собаку, он говорит, что собака сама на него лаяла и бросилась. Насчет неприличия существуют понятия весьма различные. К человеку своего круга относишься иначе, чем к человеку низшего круга. Если человек своего круга войдет в гостиную без сюртука, на него можно обидеться. Но Дементьев, хотя и кандидат, нижний чин, он знал свое место в доме вдовы надворного советника и не пошел дальше передней. Данилова оскорбилась тем, что простой человек вошел в ее переднюю без сюртука, и это неудовольствие увеличилось до того, что из-за него ее пригласили к мировому судье. С дамами пожилыми, воспитанными в старых понятиях, чрезвычайно трудно бывает рассуждать об обстоятельствах, касающихся их лично. Дама, может быть, очень благородная, очень сдержанная, но ей трудно втолковать, что право, что не право, трудно заставить ее стать на объективную точку зрения по личному вопросу, трудно дать почувствовать, что то, что не больно ей, другим может быть больно. В семействе Даниловой сложились, вероятно, такого рода представления: собака нас не кусает, на нас не лает; невероятно, чтобы она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые возводят все это на нее, кляузники. Данилова никого не зовет к мировому судье, почему же ее зовут? Это кровная обида. По всей вероятности, тут и образовалось такое представление, что не жильцы – жертвы собаки, а сама владелица ее – жертва людской злобы, она, надворная советница, страдает от какого-то нижнего чина, от солдата! Все эти соображения, конечно, были переданы Дагаеву, когда он пришел 7 числа с тещей, служанкой и женой. Жена передавала, что они страдают от нахала, жильца мезонина. По всей вероятности, тут явились внушения такого рода: «Ведь это солдат, ведь вы офицер, покажите, что вы офицер, проявите свою власть, призовите, распеките солдата, ему нужно дать острастку». Нужно известного рода мужество, известного рода твердость характера, чтобы противостоять этим внушениям, когда внушают люди весьма близкие, весьма любимые. Должно явиться сильное желание показаться героем. Вот почему Дагаев, не рассуждая, поверив вполне тому, что ему передавали, приказал позвать к

себе солдата. Это была с его стороны чрезвычайно важная ошибка, которая положила основание всему делу. Он не имел ни малейшего права звать к себе кандидата. Скорее, между Дементьевым и Даниловой был спор гражданский, который должен был разрешить мировой судья. Всякий офицер может требовать от нижнего чина почтения не только для себя, но и для своего семейства, когда солдат знает, что это семейство офицера, и образом своих действий относительно этого семейства сознательно оскорбляет офицера. Но Дементьев даже не знал о существовании Даниловой до 5 апреля; что в семье были офицеры, он узнал только 7 числа, когда его стали звать к офицеру. При таких обстоятельствах заявлять превосходство своего офицерского звания над человеком, который связан по рукам и по ногам военной дисциплиной, звать его по этому частному делу в квартиру Даниловой было действием совершенно неправильным. Дементьев не пошел, и вследствие этого его обвиняют по статье 113 за неисполнение приказа начальника. Применить эту статью к человеку в положении Дементьева, на взгляд защиты, чрезвычайно трудно. Было ли здесь приказание начальника? Нет, потому что Дагаев не командовал в той команде, в которой состоял подсудимый. По статье 110 оскорбление нижним чином всякого офицера приравнивается к оскорблению начальника. Но это дело совершенно другого рода, оно основано на других соображениях. В законе есть целый ряд преступлений: неповиновение, неисполнение требований и т.п. Кто бы ни был нижний чин и кто бы ни был офицер, если нижний чин оскорбил его, то он наказывается как оскорбивший начальника. Но статья 113 говорит только о неповиновении начальнику, о неисполнении приказа подчиненным. Давать ей более широкое толкование значило бы ставить всех солдат в такую страшную зависимость от всех офицеров, которая едва ли согласна с пользами и требованиями дисциплины. Затем самое слово приказание очень неопределенно в законе. При сравнении этой статьи закона с подобными же статьями в других законодательствах оказывается, что в прусском, например, употреблен термин «слу-

жебное приказание», и это весьма понятно. Точно так же и у нас нельзя понимать это слово в неограниченном смысле, подразумевать под ним всякое приказание. В самом законе есть постановление, что если нижний чин совершит по требованию начальника деяние явно преступное, то он все-таки отвечает. Следовательно, из общего понятия о приказании исключаются приказания явно преступные. То же самое можно сказать и о приказаниях явно безнравственных, как если бы, например, офицер, приказал солдату привести к себе его жену или дочь. Вообще законность или незаконность приказания имеют гораздо более значения, чем предполагает представитель обвинительной власти. По прусскому кодексу, который считается лучшим, нижний чин, получивший незаконное приказание, может сделать представление начальнику, он должен исполнить приказание, но имеет право жаловаться, и во всяком случае эта незаконность приказания значительно ослабляет и смягчает его вину. Поэтому никак нельзя подводить действие Дементьева, то, что, он не отправился в квартиру Даниловой, под неповиновение. Если же суд, вопреки доводам защиты, признает подсудимого виновным в неповиновении, то он должен будет в весьма значительной степени смягчить размер ответственности Дементьева, потому что приказание было незаконное, и если бы оно было исполнено, бог знает, в каком положении был бы теперь подсудимый. Его зовут в дом, где против него вооружены и где нет ни одной души, которая могла бы свидетельствовать за него. Если на улице его чуть не зарубили, то то же могло произойти и в квартире. На улице, по крайней мере, нашлись свидетели, которые подтверждают, что и того и этого не было. Дементьев боялся столкновения с офицером, он предвидел сцену, в которой ему, человеку почти равному, который к пасеке, может быть, получит производство в офицеры, грозит, что его могут съездить по физиономии, он боялся этого и потому не пошел.

С двух часов квартира Дементьева была почти постоянно в осаде до шестого часу, когда произошла катастрофа. В продолжение трех часов Дагаев, решившись вызвать Демен-

тьева и распечь, употребляет все меры, чтобы поставить на своем, причем каждая неудачная попытка увеличивает его раздражение, усиливает его гнев.

Напомнив показание самого Дагаева о посылке сначала кухарки, затем двух городских, наконец, дворника, принесшего ответ, что «если офицеру угодно выйти, то я готов с ним объясниться», ответ, вследствие которого, по словам Дагаева, у него явилась мысль жаловаться по начальству на солдата, почему он и вышел из квартиры Даниловой.

Чтобы жаловаться начальнику, нужно знать, кто этот начальник; Дагаев этого не знал; ему известно было только, что Дементьев кандидат; для того чтобы узнать, кому жаловаться, он послал дворника за домовою книгой; но дворник еще не возвращался, когда Дагаев вышел из квартиры Даниловой. Значит, офицер пошел совсем не для того, чтобы жаловаться начальнику Дементьева. Это можно доказать и другим путем. По словам самого Дагаева, прошло пять-шесть минут между тем временем, как он сошел, и тем временем, как вышел Дементьев; по показанию Даниловой, прошло четверть часа между его уходом и возвращением. Если принять, что все последующее совершилось чрезвычайно быстро, почти мгновенно, то следует предположить, что не менее двенадцати минут прошло между тем временем, когда Дагаев вышел от Даниловой, и тем временем, когда совершилась катастрофа. Что же он делал это время? Шел к начальнику Дементьева? Начальник Дементьева живет в крепости, и за это время можно было бы дойти почти до Троицкого моста. Итак, он не шел, он поджидал Дементьева, который, как ему было известно, часто выходит из дому. Можно себе представить, насколько разгорячило это ожидание его гнев. Наконец, Дементьев вышел, катастрофа произошла. В этой катастрофе есть множество существенных вопросов, которых не выяснило следствие, как, например, вопрос о шинели, о ссадине на подбородке Дементьева, об оторвании его уса. Дементьев не помнит, когда он потерял этот ус, как быстро шли события. Но как ни быстро они шли, их можно разделить на два момента: один – до обнажения

сабли офицером и другой – после обнажения. До обнажения сабли происходил только крупный разговор у подъезда на улице. Увидев офицера, Дементьев делает ему под козырек; при этом движении, так как шинель его была в накидку, Дагаев не мог не увидеть нашивок, которые находятся у него на рукаве и которые должны бы были установить некоторое отличие между Дементьевым и простым, нижним чином; он не мог не увидеть георгиевского креста, который так уважается всеми военными людьми. Но Дагаев говорит, что орден не было. Откуда же взялись ордена, лежавшие на земле, которые видели в первую минуту схватки два свидетеля: мальчик Лопатин и Круглов? Не могли же они быть подброшены до события, когда неизвестно было, чем оно разрешится; не могли они быть подброшены и после, потому что в то время, когда катастрофа еще не была окончена, в коридор вошли люди и видели эти ордена лежащими.

Начинается разговор; по мнению представителя обвинительной власти, вопрос относительно этого разговора может быть разрешен только безусловным принятием одного из двух показаний: показания офицера или подсудимого. Но защита полагает, что в этом деле весьма важно показание свидетеля, в котором не сомневается сам прокурор, мальчика Лопатина. Мальчик рассказал вещи весьма ценные: о шинели, о волосах и пр. Это все такие обстоятельства, которые приходилось слышать в первый раз. Из показаний мальчика видно, что офицеру не было нанесено оскорбление солдатом. Но если даже не дать веры показанию мальчика, то из простого сопоставления двух рассказов – рассказа офицера и рассказа солдата – для всякого непредупрежденного человека станет ясно, что правда находится не на стороне Дагаева.

Если принимать за достоверное показание офицерское только потому, что оно офицерское, независимо от всяких других причин, то защищать Дементьева невозможно. Но странно, что это офицерское показание находится в несомненном, решительном противоречии с тремя генеральскими отзывами, которые заслуживают внимания. Есть люди, о которых, не зная, как они поступили в данном случае, можно сказать

наверное: «Я знаю этого человека, он честен; он не мог украсть». То же самое можно сказать относительно Дементьева: если по отзывам одного из генералов, Осипова, он характера тихого, смиренного, если по отзыву генерала Платова, он строго исполняет свои служебные обязанности, если по отзыву генерала Фриде – это такой человек, в котором военная дисциплина въелась до мозга костей, то решительно невероятно, как такой человек мог совершить то, что ему приписывают. Это идет вразрез со всем его прошедшим.

Дементьев, сходя, держит руку под козырек; сам офицер признает это, он говорит только, что он то поднимал руку, то дерзко опускал. Если он решился явно грубить, то ему незачем было держать руку под козырек. Прокурор ставит в вину подсудимому, что после первого столкновения он бежал в дом, а не на улицу, где легче мог укрыться. Но Дементьев не знал, что его будут рубить, он знал только, что с ним грубо обращаются, что офицер его может ударить в лицо, и потому движение его назад весьма характерно; оно может быть объяснено только стыдливостью, нежеланием, чтобы люди видели, как с ним обращается офицер. Ввиду всех этих соображений защита считает совершенно доказанным, что рассказ солдата верен и что оскорбления словами офицера со стороны Дементьева не было.

Затем является обнажение сабли. Тут, в этой сцене в коридоре, есть два вопроса довольно загадочные: первый вопрос о шинели; была ли она застегнута или нет, и когда она была сброшена; второй – о ссадине на подбородке и об отсутствии правого уса. От сабли раны имеют форму линейную, а эта ссадина имеет вид кругловатый, следовательно, она произошла не от сабли; точно так же не саблей мог быть отрезан ус, она слишком тупа для этого. Чтобы вырвать ус, нужно было выдернуть его рукою. Чтобы объяснить факт исчезновения этого уса, нужно обратиться к тому порядку, в котором были нанесены раны, и по ним проследить ход событий. Первая рана, которую Дементьев получил еще на лестнице, была рана на правом глазу, пересекающая верхнее веко правого глаза, идущая через

висок и теряющаяся в волосах. Если допустить, что эта рана была нанесена в то время, когда офицер с солдатом стояли лицом к лицу, то, значит, офицер держал свою правую руку наискосок, так что конец шпаги задел сначала веко правого глаза и, разрезав кожу, прошел через висок. Другая рана – на макушке головы, следующая к левому уху; это опять рана, которая должна была быть нанесена наискосок от половины головы и затем скользнула по голове. Затем есть две ссадины на внутренней поверхности левого предплечья у конца локтевой кости. По этим ссадинам можно заключить, что Дементьев защищал себя локтем, а не руками, как показывали свидетели. Вот порядок ран по рассказам свидетелей и даже по рассказу самого Дагаева.

Спрашивается, к какому же моменту следует отнести срывание погон, самый важный, самый существенный вопрос в деле. По словам Дагаева, он вынул шпагу еще на улице и на улице ударил Дементьева в спину. Удар по плечу в шинели мог быть не почувствован солдатом, но, вероятно, этот удар и согнул шпагу. Затем, говорит Дагаев, когда они уже были в коридоре, «я хотел нанести, а может быть, и нанес удар солдату, когда он вцепился в мои погоны и оторвал их». Значит, по показанию самого Дагаева, срывание погон произошло после того, как он стегнул Дементьева шпагой по глазу и эта шпага произвела тот рубец, который проходил до волос. Если принять в соображение показание мальчика, который видел, как офицер сталкивал солдата с лестницы, то легко представить, что офицер сначала сбросил шинель и левой рукой схватился за ус, а правой нанес удар, после чего, по его словам, солдат вцепился в его погоны. Можно ли допустить нечто подобное со стороны Дементьева? Такой сильный удар по глазу, рассекающий веко, удар, от которого не могло не заболеть яблоко глаза, должен был на 30, 40 секунд совершенно лишить человека способности относиться сознательно к тому, что происходит вокруг него; у него движения могли быть только рефлекторные. Обыкновенно между получаемым впечатлением и движением человека становится целая область размышлений, соображений, привычек, то, что составляет

характер человека. Но здесь этого быть не могло, здесь был такой беспромежуточный переход от удара к рефлексу, что если бы в ту минуту, как Дементьев получил этот удар, он раздробил офицеру голову, ударил его в лицо, он должен бы быть признан сделавшим это в бессознательном состоянии. Прокурор доказывал, что суд не вправе признать бессознательности, потому что не было экспертизы. Экспертиза нужна только для определения болезненного состояния; но, кроме болезни, есть еще целая громадная область того, что называется аффектами, сильными душевными волнениями, вызванными внезапным событием. Всякому известно, какое сильное впечатление производит испуг на организм не только людей, но и животных. Известно, что делается с медведем, когда он чего-нибудь испугается. Для такого рода явлений нет экспертов. Следовательно, есть основание допустить у Дементьева после полученного им удара такое бессознательное состояние, при котором ему не может быть вменено в вину, что бы он ни сделал.

Но если даже допустить, что он не лишился сознания, защита не понимает, почему прокурор отрицает, что было состояние необходимой обороны. При всей строгости воинского устава, ограничивающего необходимую оборону, он все-таки допускает ее в отношении начальника, если действия этого начальника угрожают подчиненному явной опасностью. А тут разве не было явной опасности? Ведь смертью могло угрожать нападение на человека безоружного, которому наносят удары в голову, а бежать некуда. Он хотел бежать к себе в квартиру, но его стащили вниз, мало того, оторвали ус. Опасность была неминуемая, неотвратимая.

Но, несмотря на такую возможность защищать подсудимого на основании состояния необходимой обороны, защита не прибегла к ней вследствие глубокого убеждения, что не Дементьев сорвал погоны с офицера. В каком бы положении человек ни был, у него не может быть двух идей в одно и то же время. Очевидно, что в ту минуту, когда Дементьеву нанесли удар по глазу, в нем прежде всего должно было заговорить чувство самосохранения и не было места

другим размышлениям. Между тем предполагают, что в ту минуту, когда Дементьев получил удар, за которым грозили последовать другие, он совершил в уме следующий ряд силлогизмов: «Офицер меня обидел, надо отомстить офицеру. Как ему отомстить почувствительнее? Что у полка знамя, то у офицера эполет, погоны – символ чести. Сорвать погоны – самое чувствительное оскорбление; дай-ка я сорву с него погоны, а потом подумаю, как спастись, если до того времени меня не зарубит мой противник, который может искрошить меня, как кочан капусты». Вот какие соображения должны бы были быть у него, если бы он решился сорвать погоны и привел в исполнение свое намерение. Но это психологическая невозможность. Если бы элемент мести примешивался к чувству самосохранения, то он попытался бы ударить по той руке, которая наносила удары, вырвать шпагу, нанести удар в лицо, сделать, одним словом, что-нибудь, чтобы защититься. Между тем ничего этого не было. Мало того, есть еще другие обстоятельства, которые наводят на мысль, что обвинять Дементьева в срывании погонов с Дагаева невозможно. Одно из таких важных обстоятельств – это тот погон, с которым Дементьев пошел к начальству. Если бы Дементьев проделал в сознательном состоянии то, что ему приписывают, сорвал погоны, чтобы отомстить, то это движение должно было оставить след в его сознании и первым его делом, когда ему подсовывали этот погон, было бы отбросить его, чтобы не установить никакой связи между собой и этим погоном. Он же, напротив, берет его самым наивным образом и заявляет, что вот по этому погону можно узнать офицера, и в участке только узнаёт, что его обвиняют в срывании погонов.

Но, спрашивается, кто же сорвал эти погоны? Кто-нибудь должен же был их сорвать. Если не Дементьев, то необходимо предположить, что Дагаев. Защита могла бы не касаться этого предположения, с нее довольно, если суд будет внутренне убежден, что Дементьев не мог совершить этого срывания; но чтобы досказать свою мысль до конца, она должна сознаться, что выйти из дилеммы нельзя иначе, как пред-

положив, что погоны сорваны офицером. Для этого нет необходимости делать обводного предположения, которое было высказано прокурором, что офицер, видя, что увлекся, понимая, что ему грозит большая ответственность, хотел подготовить средство к защите, хотя защита не может согласиться с опровержением, представленным на это предположение прокурором, а именно, что Дагаев был в состоянии сильного гнева, при котором невозможен такой холодный расчет. Нужно отличать гнев как аффект от гнева как страсти. Гнев, который разжигался в течение трех последовательных часов, был уже не аффектом, а страстью, под влиянием которой человек может действовать с полным сознанием последствий. Но во всяком случае нет надобности в этом предположении, возможно и другое. Очень может быть, что Дагаев не был в таком хладнокровном состоянии, когда влетел со шпагой в руке в коридор. Он, кажется, из тифлисских дворян, он уроженец юга, где люди раздражаются скорее, чувствуют живее, чем люди северного климата, более сдержанные, более флегматичные. Очень может быть, что такой человек, придя в ярость, теряет сознание, готов сам себя бить, способен сам себя ранить. Он мог сорвать один погон, когда сбрасывал шинель, другой после и забыть об этом. Против этого приводят то, что он сейчас же заявил о срывании погона. Но в том-то и дело, что первый человек, которого он увидел после этого события, была Данилова, и ей он ничего об этом не сказал. Он заявил о срывании у него погонов в первый раз в участке, через четверть часа или двадцать минут после того, как виделся с Даниловой. Этого времени было совершенно достаточно, чтобы пораздумать, сообразить, не зная, как он потерял погоны, он мог прийти к заключению, что, вероятно, их сорвал солдат и занес об этом обстоятельстве в протокол, видя в нем средство защиты себя. Самое показание Дагаева подтверждает мысль, что он мог сорвать погоны с себя и не заметить этого. В этом показании Дагаев отрицает такие факты, которые были совершены при многочисленной публике. Так, он говорит, что не бил на улице Дементьева, когда люди видели, что он бил; говорит, что не вынимал

шпаги, когда люди видели, что он вынимал ее. Поэтому можно утверждать, что он был в таком же разгоряченном состоянии, как Дементьев, хотя стал в него по доброй воле, и что он мог действительно многого не помнить.

Подводя итоги всему сказанному, я не могу прийти к другому заключению, как то, что Дементьев не виновен, и прошу его оправдать, оправдать вполне еще и потому, что это событие особого рода, это такая палка, которая действительно должна кого-нибудь поразить. Ею она поражает несправедливо. Она должна обратиться на кого-нибудь другого. Я полагаю, что к военной дисциплине совершенно применимо то, что говорили средневековые мыслители о справедливости: «.....» – основа царства есть правосудие. Я полагаю, что правосудие есть основание всякого устройства, будет ли то политическое общество, будет ли то строй военный. Дисциплина, если брать это слово в этимологическом значении, есть выправка, обучение начальников их правам, подчиненных – их обязанностям. Дисциплина нарушается одинаково, когда подчиненные бунтуют и волнуются, и совершенно в равной степени, когда начальник совершает то, что ему не подобает, когда человеку заслуженному приходится труднее в мирное время перед офицером своей же армии, нежели под выстрелами турок, когда георгиевскому кавалеру, который изъят по закону от телесного наказания, наносят оскорбление по лицу, отрывают ус, когда лицо его покрывается бесславыми рубцами. Я вас прошу о правосудии.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
---------------	---

Тематика лекционных занятий

Тема 1. История ораторского искусства и определение понятий судебного красноречия.....	5
Тема 2. Предмет судебной речи. Виды и цели судебных речей и их роль в осуществлении процессуальных функций.....	6
Тема 3. Подготовка судебной речи.....	9
Тема 4. Произнесение судебной речи.....	10
Тема 5. Речь прокурора по уголовным делам в суде I инстанции.....	11
Тема 6. Речь адвоката по уголовным делам в суде I инстанции.....	12
Тема 7. Речи прокурора и адвоката по гражданским делам в суде I инстанции	12
Тема 8. Речи прокурора и адвоката по гражданским делам в суде II инстанции.....	13
Тема 9. Полемика в суде.....	13

Планы семинарских занятий

Тема 1. Судебная речь как жанр ораторского искусства.....	14
Тема 2. Композиция судебной речи.....	16
Тема 3. Произнесение судебной речи.....	17
Тема 4. Обвинительная речь прокурора по уголовным делам в суде инстанции.....	18
Тема 5. Речь адвоката по уголовным делам в суде первой инстанции.....	20
Тема 6. Речи прокурора и адвоката по гражданским и уголовным делам в суде II инстанции.....	21
Тема 7. Полемика в суде.....	23

Приложения

Приложение 1. Речь адвоката И. Р. Журавлева по делу М. А. Котова.....	25
Приложение 2. Речь адвоката В. И. Поганкина в защиту В.М. Хилкова.....	34
Приложение 3. Кони А. Ф. Обвинительная речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем.....	39
Приложение 4. Киселев Я. С. Речь в защиту Бердникова...	55
Приложение 5. Россельс В.Л. Речь в защиту Семеновых....	72
Приложение 6. Громницкий М.Ф. Обвинительная речь по делу о бывшем студенте Данилове.....	78
Приложение 7. Урусов А.И. Речь в защиту Волоховой.....	89
Приложение 8. Дервиз О.В. Речь в защиту Васильевой.....	96
Приложение 9. Обнинский П.Н. Обвинительная речь по делу Качки.....	103
Приложение 10. Плевако Ф.Н. Речь в защиту Качки.....	118
Приложение 11. Плевако Ф.Н. Речь по делу рабочих Коншинской фабрики.....	126
Приложение 12. Спасович В.Д. Речь в защиту Дементьева.....	133

Учебное издание

**ПРАКТИКУМ ПО СПЕЦКУРСУ
«ИСКУССТВО СУДЕБНОЙ РЕЧИ»**

для студентов специальности
Г 09.01.00 – Правоведение

Автор-составитель **Жук** Мария Генриховна

Редактор Е.А.Смирнова
Компьютерная вёрстка: Т.А.Коваленко

Сдано в набор 21.04.2001. Подписано в печать 11.05.2001.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,14.

Тираж 130 экз. Заказ .

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч.1, 22.11.20.600.

Учреждение образования

«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы».

ЛВ №96 от 02.12.97 г.

Ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно.

Отпечатано на технике издательского отдела Учреждения образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».
ЛП №111 от 29.12.97 г.

Ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно.